

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 3 2024 (МАРТ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

Подписано в печать 12.03.2024 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

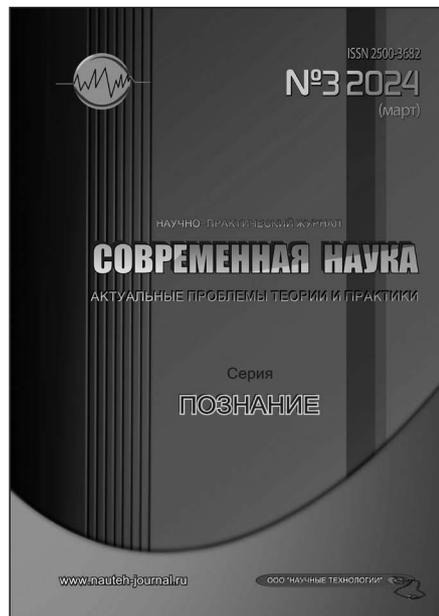
Серия: Познание №3 (март) 2024 г

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Познание».

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филос.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Ван Луюн, Лю Готао, Тан Фань – Исследование культурно-творческого дизайна «красных» выставок китайских мигрантов в России в деятельности студентов вузов
Wang Luyang, Liu Guotao, Tang Fan – A study of the cultural and creative design of the "red" exhibitions of Chinese migrants in Russia in the activities of university students 5

Никитина О.Н., Rogozina Э.Р. – «Музыкальность» поэзии А. Мицкевича и ее воплощение в творчестве русских композиторов XIX века
Nikitina O., Rogozina E. – "Musicality" of A. Mitskevich's poetry and its embodiment in the work of Russian composers of the XIXth century 9

Психология

Архипова И.Г. – Важность формирования и обучения позитивному выстраиванию мышления в жизни человека
Arkhipova I. – The importance of forming and teaching positive thinking in person's life 15

Болбочан Д.В. – Содержательные теории мотивации: личностная, социальная и экономическая мотивация
Bolbochan D. – Content theories of motivation: personal, social and economic motivation 20

Захарова Д.А., Меньшикова Г.Я., Ковалев А.И. – Подходы к изучению когнитивных карт пространства
Zakharova D., Menshikova G., Kovalev A. – Approaches and methods of studying cognitive maps 27

Коломиец Е.А., Ткач Е.Н. – Изучение качества жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов: обзор современных зарубежных исследований
Kolomiets E., Tkach E. – Studying the quality of life of families raising disabled children: a review of modern foreign research. 34

Матюшкина Л.С., Неvezhкина Т.А., Аверкина Н.А., Ахметова С.Е., Садкина А.В., Талызина Е.А., Капустина Т.В. – Причины абортот и психологические способы переубеждения женщин от идеи искусственного прерывания беременности

Matyushkina L., Nevezhkina T., Averkina N., Akhmetova S., Sadkina A., Talyzina E., Kapustina T. – Causes of abortion and psychological methods of convincing women from the idea of artificial termination of pregnancy 40

Салимжанова И.К., Киселева Е.Н., Ермаченкова О.В. – Ценностные ориентации и самоотношение женщин с разным уровнем профессиональной самореализации
Salimzhanova I., Kiseleva E., Ermachenkova O. – Value orientations and self-attitudes of women with different levels of professional self-realization 47

Сахарнов А.О. – Понимание речи адресатом: когнитивные и интенциональные аспекты
Sakharnov A. – Comprehension of speech by the addressee: cognitive and intentional aspects... 51

Шмигановская А.Ю. – Перспективы применения арт-терапии как средства противодействия при посттравматическом стрессовом расстройстве
Shmyganovskaya A. – Prospects for the use of art therapy as a means of countering post-traumatic stress disorder 54

Щербакова Н.Е., Алферова Е.С. – Психологические аспекты адаптации детей раннего возраста к дошкольной образовательной организации
Shcherbakova N., Alferova E. – Psychological aspects of adaptation of young children to preschool educational organizations 59

Якунин Н.И., Живаева Ю.В., Алыджи Е.И., Казакова Т.В., Кембель В.Р. – Исследования ценностных ориентаций, как фактора социально-психологической адаптации личности к условиям обучения в военном институте

Yakunin N., Zhivaeva Yu., Alydzh E., Kazakova T., Kembel V. – Research of value orientations as a factor of social and psychological adaptation of a person to the conditions of studying at a military institute 64

Философия

Примак Н.А. – Проблема социальной мобильности в контексте философии социальной иерархии
Primak N. – The problem of social mobility in the context of the philosophy of social hierarchy... 68

Равочкин Н.Н. – Д. Дэвидсон о мышлении, коммуникации и речевом поведении
Ravochkin N. – D. Davidson on thinking, communication and speech behavior..... 71

Салимгареев Д.И. – Медиация как технология сопровождения созидательных процессов в ESG-зоне
Salimgareev D. – Mediation as a technology to support creative processes in the ESG-zone 75

Синицына-Солодкая Е.В. – Гендерная неопределенность в современной России и меры по ее регулированию
Sinitsyna-Solodkaya E. – Gender uncertainty in modern Russia and measures to regulate it 80

Смирнов С.В. – Своеобразие проявления духовных традиций и натуралистических ценностей в общественном сознании современных индейцев
Smirnov S. – Originality of the manifestation of spiritual traditions and naturalistic values in the social consciousness of modern Indians..... 84

Смирнов С.В. – Психология и мировоззрение жителей Американского Юга
Smirnov S. – Psychology and worldview of residents of the American South 87

Спесивцева О.И. – Философско-антропологические основания изучения агрессии (буллинга) в физкультурно-спортивных организациях
Spesivtseva O. – Philosophical and anthropological bases for studying aggression (bullying) in physical sports organizations 90

Тогузова Л.И., Титкова О.В., Осипова А.М. – К вопросу о литературном феномене и эстетической рецептивности искусственного интеллекта
Toguzova L., Titkova O., Osipova A. – On the question of the literary phenomenon and aesthetic receptivity of artificial intelligence 94

Чжан Ваньтай – Роль религии в русской философской мысли: от православия до атеизма
Zhang Wantai – The role of religion in Russian philosophical thought: from orthodoxy to atheism 98

Информация

Наши авторы. Our Authors..... 104
Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале..... 106

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ТВОРЧЕСКОГО ДИЗАЙНА «КРАСНЫХ» ВЫСТАВОК КИТАЙСКИХ МИГРАНТОВ В РОССИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ¹

Ван Луюн

Доцент, Хэйхэский университет

cjsuj_dkz@mail.ru

Лю Гогао

Старший преподаватель, Хэйхэский университет

dcsdj_dkz@mail.ru

Тан Фань

Старший преподаватель, Хэйхэский университет

dcsdj_dkz@mail.ru

**A STUDY OF THE CULTURAL AND
CREATIVE DESIGN OF THE "RED"
EXHIBITIONS OF CHINESE MIGRANTS
IN RUSSIA IN THE ACTIVITIES
OF UNIVERSITY STUDENTS**

Wang Luyang

Liu Guotao

Tang Fan

Summary: The main problem of the study is the need to inspire people belonging to different cultures to understand the importance of the Chinese in building the October Revolution in Russia. The main research methods are descriptive (when explaining exhibitions), comparative (in terms of comparing Chinese and Russian culture), and the creative design method (when developing a project for "red" exhibitions). The creative design of the "red" exhibition of Chinese migrants in Russia is of great importance for the dissemination of the traditional culture of the Chinese nation, strengthening the friendship between the Chinese and Russian people and disseminating core socialist values. The purpose of this study is to study and analyze issues related to the creative design of the "red" exhibition in Russia. Results: to solve these problems, the author puts forward proposals for the creative design of exhibitions and exhibits. The students' contribution to the development of exhibitions is very great, since studying the history and culture of relations between Russia and China will allow them to more fully understand the importance of joint projects for the future of the countries.

Keywords: Chinese migrants in Russia, "red" exhibition, cultural and creative design, promotion, China, Russia, students.

Аннотация: Основной проблемой исследования является необходимость вдохновения людей, принадлежащих к разным культурам, осознания значения китайцев в построении Октябрьской революции в России. Основными методами исследования являются описательный (при объяснении выставок), сравнительно-сопоставительный (в части сравнения китайской и русской культуры), метод творческого дизайна (при разработке проекта «красных» выставок). Творческое оформление «красной» выставки китайских мигрантов в России имеет большое значение для распространения традиционной культуры китайской нации, укрепления дружбы между китайским и российским народами и распространения основных социалистических ценностей. Цель данного исследования – изучение и анализ вопросов, связанных с креативным дизайном «красной» выставки в России. Результаты: для решения этих проблем автор выдвигает предложения по творческому оформлению выставок и экспонатов. Вклад студентов в разработку выставок очень велик, поскольку изучение истории и культуры взаимоотношений России и Китая позволит им более полно представлять значимость совместных проектов для будущего стран.

Ключевые слова: китайские мигранты в России, «красная» выставка, культурно-творческий дизайн, продвижение, Китай, Россия, студенты.

Введение

Для усиления дружественных связей между Россией и Китаем в рамках проекта «Один пояс – один путь» был разработан проект организации «красных выставок». Основной целью данного проекта является достижение взаимопонимания между носителями разной культуры в отношении значения Октябрьской революции. Само понятие «красная выставка» обозна-

чает роль и вклад китайцев в становлении Октябрьской революции в России. Описание проекта выставок связано с деятельностью музейного объединения: при их создании могут использоваться штемпельная карточка MUS и штемпельная машина со специальной перфорированной бумагой в музее, с материалом самого здания Мемориального музея русского зарубежного китайца в Хэйхэ. Поэтому исследование креативного дизайна красной выставки в России имеет важное теоретическое и прак-

¹ Данная работа публикуется в рамках проекта ключевых тем исследования экономического и социального развития провинции Хэйлуцзян в 2023 году на тему: «Исследование культурно-творческого дизайна «красных» выставок китайских мигрантов в России». Номер проекта: 23368.

тическое значение. Теоретическим значением статьи является возможность использования предложенных подходов для разработки проектов музейных объединений и современных библиотек, позволяющих по-другому исследовать историческое взаимодействие России и Китая в 1917 году. Современный подход привлекает большую часть зрителей, российской и китайской молодежи и студентов.

Культурно-творческий дизайн «красных» выставок в России может укрепить дружеские обмены между китайским и российским народами, показывая вклад героических предков китайской нации в дружбу между двумя странами, а также еще больше укрепить взаимопонимание и чувство идентичности между народами. Кроме этого, возможность работы над общим совместным проектом позволит сблизиться носителям разных культур.

Материалом исследования являются работы российских и зарубежных авторов, которые исследуют российско-китайские отношения в сфере туризма [Фокин, 2019; Чжочао, 2019; др.], в период Октябрьской революции [Емельянова, 2016]. В качестве материала исследования также использовались данные, собранные в рамках работы над проектом «Исследование культурно-творческого дизайна «красных» выставок китайских мигрантов в России» (№ 23368).

Основные результаты

Роль китайцев в становлении Октябрьской революции была велика: многие китайские подданные вступали в ряды Красной армии и пропагандировали ценности коммунистических идей. Китайские части Красной армии начали формироваться с 1918 года, создавая интернациональные части, добровольческие отряды. Таким образом, организация выставки, посвященной роли китайцев в истории России, в частности при становлении социализма, очень велика. При оформлении творческого дизайна выставок можно использовать новые, яркие и художественные способы, чтобы объединить основные социалистические ценности с прекрасной традиционной культурой китайской нации и направить аудиторию на формирование правильного мировоззрения [7, с. 523]. В частности, на уроках истории в школе тему «Октябрьская революция» и роль китайской диаспоры можно объяснить в виде онлайн-презентации, подключив имеющиеся содержательные ресурсы: монографии, статьи, исследования, архивные фото.

Обратимся к анализу проекта содержания экспозиции выставки, планировке пространства и культурно-творческому дизайну. При подготовке «красной» в России следует в полной мере учитывать потребности и опыт аудитории. В качестве объектов экспозиции могут быть выбраны некоторые представительные фигуры или

организации зарубежных китайцев в России. Их опыт и вклад станут основой всей выставки. Студенческая аудитория более лояльна ко всему новому, поэтому их ролью в создании новой выставки может стать поиск информации, дизайнерских решений, творческих продуктов, реализации в студенческом музее и распространение на научно-исследовательских конференциях.

В процессе работы выставки можно также пригласить соответствующих экспертов и ученых для чтения академических лекций или онлайн-лекций, чтобы еще глубже объяснять содержание выставки и идеологически усилить ее высоту. Они могут дать аудитории более полные знания и понимание. Такая совместная работа преподавателей истории и педагогики позволит более ярко представить подвиги китайского народа в становлении Октябрьской революции: сюжет о 100-тысячном легионе китайских бойцов, отряды по поддержке революции в Петрограде, Москве и на Дальнем Востоке, охрана вождей.

Можно предположить следующие тематические зоны выставки: в соответствии с содержанием выставки, экспозиция делится на различные тематические зоны, например, вклад зарубежных китайцев в социальное строительство, дружбу между ними и местным населением и т.д. Каждая тематическая зона может иметь четкие границы и уникальную атмосферу, для привлечения аудитории [2, с. 9].

Затем, можно расположить экспозиции в хронологическом или логическом порядке с помощью указателей и путеводных табличек. Безбарьерный дизайн также должен учитываться при проектировании потоков аудитории, чтобы обеспечить беспрепятственное участие всех людей.

Необходимо использование цвета, материал, форму и обустройство пространства для создания атмосферы, соответствующей содержанию выставки: можно использовать цвет, материал, форму и другие элементы. Во всей выставке необходимо поддерживать единство общего стиля, чтобы между каждой зоной существовало ощущение согласованности.

Обратимся к анализу технологий при разработке проекта красной выставки. Использование мультимедийных технологий: с помощью проекторов, сенсорных экранов и другого оборудования истории участия зарубежных китайцев в России в китайской революции можно наглядно представить аудитории роль китайцев в виде изображений, текста и аудио. Разработка интерактивного опыта: создание интерактивных игр или сценариев моделирования, позволяющих аудитории погрузиться в сцены и ситуации, в которых китайцы в России участвовали в Русской революции [5, с. 24]. Например,

можно смоделировать сцену сражения, чтобы зрители могли принять участие в битве, управляя виртуальными персонажами, и понять, какую важную роль в сражении сыграли китайцы в России. Такие исторические данные позволят студентам более полно отразить выполнение подвигов китайских мигрантов в ходе революции.

Продвижение в социальных сетях: можно использовать социальные сети для распространения информации с целью расширить влияние ее распространения. Можно оборудовать специальную выставочную зону, где посетители смогут делать фотографии и перфокарты, а также предоставить специально изготовленные выставочные этикетки, чтобы посетители могли поделиться своими впечатлениями от посещения выставки в социальных сетях.

При оформлении выставки в России следует в полной мере учитывать потребности и опыт аудитории. Прежде всего, необходимо уточнить содержание дизайна периферийной продукции. Тема «Красной выставки зарубежных китайцев в России» включает в себя жизнь, работу и вклад китайских зарубежных китайцев в Советском Союзе [6, с. 98]. Поэтому периферийная продукция должна быть способна выразить эту тематику и стимулировать интерес и любопытство посетителей к этой истории. Возможные элементы дизайна могут включать книги, сувениры, предметы культуры, одежду и т.д. Китайцы обладают глубоким чувством идентичности со своей собственной историей и культурой, поэтому при разработке моделей и содержания, мы должны уважать и отражать ценности и эмоции общины китайского народа [3, с. 34].

Кроме того, чтобы повысить привлекательность и практичность периферийных продуктов, можно рассмотреть возможность сочетания интеллектуальных технологий с культурными и творческими продуктами. Например, на культурные и творческие продукты можно добавить QR-коды или небольшие программные ссылки, чтобы читатели могли сканировать их для получения более актуальной информации; в сувениры можно встроить чипы или устройства Bluetooth, чтобы сделать их интерактивными.

Кроме того, возможно сотрудничество с местными художниками и дизайнерами для создания уникальных и индивидуальных продуктов. Работы, представляющие уникальную художественную ценность, могут быть созданы в соответствии с тематикой выставки и историко-культурными особенностями зарубежных китайцев [1, с. 23].

Активное участие в соответствующих выставках и мероприятиях в стране и за рубежом, участие в отраслевых выставках, культурных и творческих обменах и других мероприятиях является эффективным способом продвижения периферийных продуктов. Регулярная работа с участниками и предоставление услуг по индивидуальной настройке могут быть использованы для постоянного улучшения качества и дизайна продукции, а также для внесения корректировок и оптимизаций на основе отзывов рынка.

Заключение

В заключение следует отметить, что при разработке дизайна культурно-творческой периферийной продукции для красной выставки в России необходимо всесторонне учитывать множество аспектов, таких как выражение темы, выбор материала, культурные факторы и рыночный спрос. В дизайне необходимо обратить внимание на тему революционной истории, функцию политического образования и сочетание художественности и науки; в планировке пространства необходимо разумно установить тематическую зону и спланировать поток аудитории; в дизайне культурно-творческих продуктов необходимо обратить внимание на дизайн. Благодаря этим специфическим методам дизайна, использованию современных технологий и мультимедийных технологий, в сочетании с интерактивным дизайном и продвижением в социальных сетях, удастся создать влиятельную и художественно красивую красную выставку китайских мигрантов в России, участвовавших в китайской революции, и усилить их чувство идентичности и гордости за родину. Работа студенческих и школьных коллективов позволит привлечь внимание молодежи в этой исторической эпохе для более глубокого осмысления событий Октябрьской Революции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голотик С.И., Минаев В.В., Зимина В.Д., Красовицкая Т.Ю. История России 1894-1914. Москва, 2015. 178 с.
2. Емельянова Е.Н. Советская Россия и Китай (1920-1923 гг.). [J]. Современные исследования социальных проблем. 2016. № 4-2 (28). С. 7-24.
3. Российско-китайский диалог: Модель 2018: доклад № 39/2018 Российский совет по международным делам, Институт Дальнего Востока РАН. Москва, 2018. 168 с.
4. Фокин В.И., Эльц Е.Э. Музеи в культурной дипломатии России и Китая [J]. Вестник российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2019. Т. 18. № 4. С. 865-882.
5. Цуй Ч. Анализ исторических материалов о помощи китайского народа Советскому Союзу во время Великой Октябрьской революции [J]. Вопросы по-

- литологии. 2017. № 1 (25). С. 23-30.
6. Чжочао Ю. «Красный туризм» как основное направление сотрудничества в области туризма между Китаем и Россией [J]. Постсоветский материк. 2019. № 4 (24). С. 94-106.
  7. Юй Ч. Международный научный форум «Великая российская революция: память и осмысление. 1917-2017» [J]. Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 2. С. 526-533.

© Ван Луюн (cjsuj_dkz@mail.ru), Лю Готао (dcsdj_dkz@mail.ru), Тан Фань (dcsdj_dkz@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

"МУЗЫКАЛЬНОСТЬ" ПОЭЗИИ А.МИЦКЕВИЧА И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ КОМПОЗИТОРОВ XIX ВЕКА

Никитина Ольга Николаевна

Кандидат культурологии, доцент, ФГБОУ ВО "Удмуртский
государственный университет"; г. Ижевск
kon741@rambler.ru

Рогозина Эльвира Расилевна

к. филос. н., доцент, ФГБОУ ВО "Удмуртский
государственный университет"; г. Ижевск
elfrogzina@yandex.ru

"MUSICALITY" OF A. MITSKEVICH'S POETRY AND ITS EMBODIMENT IN THE WORK OF RUSSIAN COMPOSERS OF THE XIXTH CENTURY

**O. Nikitina
E. Rogozina**

Summary: This study aims to analyzing Russian-Polish cultural ties using the example of the work of the Polish poet A. Mickiewicz and Russian composers of the 19th century. The objectives of the study were to consider such issues as "musicality" in the work of A. Mickiewicz and the embodiment of the poetry of the Polish poet in the romance and symphonic music of Russia in the 19th century. Russian-Polish cultural ties of the period under review represent an example of artistic dialogue. This was largely facilitated by creative contacts between Polish and Russian poets, composers, musicians, artists, etc., their common creative aspirations, and mutual interest in each other. The most vivid Russian-Polish cultural dialogue was realized in the field of musical creativity. This led to the creation of a kind of holistic image of Poland, appearing in a variety of themes, ideas, images of A. Mickiewicz's work, embodied in the sphere of Russian vocal lyrics and symphonic creativity. The work of the Polish poet was addressed by such composers as M.I. Glinka, A.S. Dargomyzhsky, N.A. Rimsky-Korsakov, Ts. Cui, P.I. Tchaikovsky and others. Each of them put their own meaning into certain other lines of the poet's poems. It is no coincidence that the treatment of the same poetic work by different composers presented completely different musical embodiments. The theoretical significance of the study lies in expanding the boundaries of the study of Russian-Polish musical connections of the 19th century, which will allow us to consider the problem of dialogue between Russian and Polish cultures in this period at a higher level. The practical significance lies in the possibility of using this material in cultural, educational and scientific activities.

Keywords: Russian music of the 19th century, A. Mickiewicz, M.I. Glinka, A.S. Dargomyzhsky, T. Cui, N.A. Rimsky-Korsakov, P.I. Tchaikovsky.

Аннотация: Данная статья написана с целью анализа русско-польских культурных связей на примере творчества польского поэта А. Мицкевича и русских композиторов XIX века. Задачами исследования явилось рассмотрение таких вопросов, как «музыкальность» в творчестве А. Мицкевича и воплощение поэзии польского поэта в романсовой и симфонической музыке России XIX века. Русско-польские культурные связи рассматриваемого периода представляют собой пример художественного диалога. Во многом этому способствовали творческие контакты между польскими и русскими поэтами, композиторами, музыкантами, художниками и т.д., их общие творческие устремления, взаимный интерес друг к другу. Наиболее ярко русско-польский культурный диалог реализовался в сфере музыкального творчества. Это привело к созданию своего рода целостного образа Польши, представляющего в разнообразии тем, идей, образов творчества А. Мицкевича, воплощенных в сфере русской вокальной лирики и симфонического творчества. К творчеству польского поэта обращались такие композиторы, как М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, Н.А. Римский-Корсаков, Ц. Кюи, П.И. Чайковский и др. Каждый из них вкладывал свой смысл в те или иные строки стихов поэта. Не случайно обращение к одному и тому же поэтическому творению разными композиторами представляло собой совершенно различное музыкальное воплощение. Теоретическая значимость исследования заключается в расширении границ изучения русско-польских музыкальных связей XIX века, что позволит на более высоком уровне рассмотреть проблему диалога русской и польской культур в указанный период. Практическая значимость заключается в возможности использования данного материала в культурно-просветительской, образовательной и научной деятельности.

Ключевые слова: русская музыка XIX века, А. Мицкевич, М.И. Глинка, А.С. Даргомыжский, Ц. Кюи, Н.А. Римский-Корсаков, П.И. Чайковский.

Актуальность

При анализе культуры того или иного периода уровень ее развития традиционно рассматривается в контексте социально-экономических и политических характеристик. Но не всегда эти процессы напрямую зависят друг от друга. Искусство, обладая самостоятельностью, способно развиваться независимо от исторических событий. В этом и заключается самоцен-

ность культуры – в ее стремлении сближать, а не разъединять народы, в попытке погасить военные, политические, этноконфессиональные конфликты путем создания единого культурного поля, где бы не было места различным интригам, связанным с борьбой за власть, а господствовало бы царство духа, свободы, гармонии. Именно поэтому актуальность данной проблемы становится несомненной. Сохранение культурной целостности и уникальности с помощью диалога культур – одна из важных

задач современного общества.

Цель и задачи исследования

Цель данной статьи – проанализировать взаимодействие музыки и поэзии на примере творчества польского поэта А. Мицкевича и русских композиторов XIX века. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- рассмотреть музыкальное начало в поэзии А. Мицкевича;
- охарактеризовать романсы русских композиторов XIX века, написанные на тексты А. Мицкевича;
- проанализировать симфоническую балладу П. Чайковского «Воевода», написанную по одному именованному произведению польского поэта.

Методологический подход базируется на исследованиях разного плана. Во-первых, это коллективные монографии: «Изучение культур славянских народов» и «История культур славянских народов» [1,2]. В этих работах подробно рассматриваются общекультурные процессы, характерные для всех славянских государств рассматриваемого периода, в контексте социально-политической ситуации. Во-вторых, это исследования, анализирующие русско-польские музыкальные связи в культуре XIX века. Наиболее полно данный аспект представлен в работах музыковеда И. Бэлзы. В одной из его книг «Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры» рассматривается роль двух величайших славянских поэтов в развитии музыкальной культуры, как России и Польши, так и других европейских стран [3]. Автор, с одной стороны, не останавливается на исследовании сугубо музыковедческих моментов. С другой стороны, при анализе какого-либо музыкального явления в контексте культуры он опирается на конкретные примеры.

Результаты исследования, их теоретическая и практическая значимость

Русско-польские культурные связи в XIX веке представляют собой пример плодотворного сотрудничества. Во многом этому способствовали творческие контакты между польскими и русскими поэтами, композиторами, музыкантами, художниками и т.д., их общие творческие устремления, взаимный интерес друг к другу. Наиболее ярко русско-польский культурный диалог реализовался в сфере музыкального творчества. Это привело к созданию своего рода целостного образа Польши, представляющего через стихию польского фольклора, по-своему услышанного и претворенного в творчестве разных композиторов, и в богатом разнообразии тем, идей, образов творчества А. Мицкевича, воплощенных в сфере русской вокальной лирики и симфонического творчества.

Как известно, творчество польского поэта развивалось в рамках романтизма. Новое искусство он свя-

зывал с этическими категориями, он был убежден, что прекрасное не может существовать без доброго. Можно согласиться с Ковальчиковой А., которая пишет, что «отбрасывая тесные рамки классицизма, он одобрял его ключевые понятия: гармония, пропорциональность, порядок» [4, с.6].

Что касается русской вокальной лирики, то необходимо отметить, что достаточно много романсов было написано на стихи А. Мицкевича. И это не случайно. С полной уверенностью можно сказать, что практически все его творчество изнутри было пронизано музыкальностью. Рассмотрим подробнее этот вопрос. Выше уже было сказано, что А. Мицкевич был представителем польского романтизма, а для романтиков музыкальность являлась критерием высшей поэзии. Достаточно убедительным является тезис уральского исследователя Н.К. Велижевой, утверждавшей, что «поэзия для романтиков – это не вид литературы, наряду, скажем, с прозой, а высшее творческое начало; в их употреблении слова есть еще и оттенок божественности» [5, с.7].

Стремление к внесению в свои поэтические произведения музыкального начала было вызвано и еще одним обстоятельством. Именно музыка становится в эпоху романтизма главенствующим видом искусства как наиболее полно отражающим внутренний мир человека, наиболее приближенным к идеальным сферам бытия.

Справедливым будет утверждение, что не только творчество А. Мицкевича по природе своей музыкально. Вся поэзия так или иначе представляет собой некое музыкальное созвучие. Творчество многих поэтов привлекало к себе пристальное внимание композиторов. Но у каждого поэта это проявлялось по-своему.

А. Мицкевич был окружен музыкой с самого раннего детства. Мечта стать музыкантом не покидала его долгие годы. В одном из своих писем он писал: «Разумеется, когда у меня будут деньги и я брошу литературу и книжки, осяду в деревне и буду сочинять музыку. Намерение давнишнее, вот только никто ни капельки не верит в мои музыкальные таланты. Увидим, кто прав» [6, с.504].

Профессиональным музыкантом А. Мицкевич так и не стал, но любовь к музыке перенес в свое творчество, которое затем вдохновило многих русских композиторов.

С большим интересом он изучал фольклор польского народа. В первом издании своих произведений поэт делает множество ремарок, указывающих на народно-песенные истоки своего творчества. Так, в примечании к балладе «Люблю я!» он сообщает, что она является пересказом сельской песни. Содержание баллады «Рыбка» заимствовано из народной песни, романс «Холмик Ма-

рыли» написан на основе литовской песни. О балладе «Бегство» А. Мицкевич сказал: «Свою балладу я сложил по песне, которую слышал когда-то в Литве на польском языке. Я сохранил содержание и композицию, но из всех стихов этой народной песни в памяти осталось всего несколько, которые послужили мне образцом стиля» [3, с.62].

Таким образом, поэт ориентировался на народное песенное творчество как на образец стиля; стремился придать народной песне поэтическое воплощение, не утратив выразительных мелодических оборотов.

В некоторых случаях песня становится основным организующим стержнем произведения, «невидимым» главным героем, как, например, в поэме «Конрад Валленрод». Народная песня в поэме соединяет прошлое с настоящим, в ней народ собирает оружие своего героя, нити своих мыслей и цветы своих чувств. Стоящая на страже памяти народная песня «с архангельскими крыльями и голосами творит и суд народный, ибо, порой держит меч архангела». Как пишет И.Бэлза, «звуковая палитра» поэмы насыщена музыкальными образами, сочетающимися со звоном колоколов, громом пушек, барабанным боем и другими звучаниями, которыми изобилует, например, сцена избрания Валленрода великим магистром Ордена тевтонских рыцарей» [3, с.11].

Нередко польский поэт выбирал для своих произведений форму, характерную для музыкальных произведений. Многие его стихотворения определяются музыкальными жанрами: песня, романс. Причем некоторые из его «песен» получили распространение именно как песни. Так «Песнь Адама» распевалась филоматами (членами тайного патриотического и просветительского объединения студентов Виленского университета) на мелодию одной из масонских песен, широко распространенную тогда в Польше и Литве. «Песню филаретов» также пели члены этой молодежной организации на неизвестную нам мелодию. По словам самого А. Мицкевича, его сатирическое стихотворение «Чин» предполагает собой песню, которую следует петь на мотив песни Бранже «Geunes enfants» («Юные дети»). Перечисляя жанры, обращение к которым обусловило стилистическую сложность «Дзядов», А. Мицкевич назвал, в частности, и лирические гимны, и застольные песни, и рождественские календы.

Музыкальность А. Мицкевича проявлялась и в том, что, анализируя то или иное стихотворение своих друзей-поэтов, он иногда делал им замечания именно с точки зрения музыкальной формы. Так, выступая 23 июня 1818 года на собрании «Общества филематов» с разбором стихотворения Яна Чечота, он посоветовал ему сделать некоторые изменения, «чтобы оно приобрело форму прекрасной кантаты» [3, с.60]. В 1819 г. в своей

рецензии на текст комической оперы «Маргарита из Зембоцина» того же автора «Мицкевич... неоднократно подчеркивал, что автор оперного либретто всегда должен помнить о том, что текст предназначен для музыки» [3, с.61].

Именно такое внутреннее единство поэзии и музыки, присущее творчеству самого А. Мицкевича, не могло оставить равнодушными многих композиторов. К его стихам обращались как польские композиторы, так и русские. Среди последних можно назвать А. Алябьева, М.И. Глинку, А.С. Даргомыжского, П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова и Ц. Кюи. Что привлекало композиторов в поэзии поэта? Однозначно ответить на этот вопрос трудно. Каждый из них вкладывал свой смысл в те или иные строки стихов поэта. Не случайно обращение к одному и тому же поэтическому творению разными композиторами представляло собой совершенно различное музыкальное воплощение. К примеру, романс «О, милая дева» (у А. Мицкевича озаглавлено «Rozmowa» («Разговор»)) был написан и М.И.Глинкой, и А.С. Даргомыжским, и Ц. Кюи. Если А. Даргомыжский остается в традициях русского бытового романса, то М.И. Глинка пытается придать своему произведению колорит польской музыки, приближая его к мазурке. Трехдольный размер, танцевальный ритм (*Tempo di mazurka*), легкая грациозная мелодия – все это придает романсу облик польского танца. Если романс А. Даргомыжского выдержан практически в одном настроении (незамысловатая мелодия звучит в сопровождении столь же несложного аккомпанемента), то М. Глинка создает более развернутую сцену, контрастную по настроению. Через двадцать лет после А. Даргомыжского к стихотворению «Разговор» обращается Ц. Кюи. По мнению Карповой Е.К. романс представляет собой патетический монолог, обращенный к возлюбленной. Три строфы складываются в трехчастную композицию, где следующие одна за другой волны динамического напряжения создают непрерывно возрастающий эмоциональный накал [7, с.107].

Другое стихотворение А. Мицкевича, к которому обратились пять русских композиторов – А.Алябьев, М.И.Глинка, П.И.Чайковский, Ц. Кюи и Н.А. Римский-Корсаков – называется «Pieszczotka moja» («Моя баловница»). Это стихотворение было написано в 1825 г. в Одессе. Оно имеет посвящение «К Д.Д.». Донной Джиованной поэт называл свою покровительницу, хозяйку одесского салона Каролину Собаньскую. Ее образ вдохновил А. Мицкевича на создание нескольких стихотворений («Сон», «Разговор», «Элегия» и т.д.) [8, с.131].

В данной статье мы остановимся на двух вариантах музыкального воплощения, так как достаточно полно анализ разных интерпретаций этого поэтического творения представлен в статье Карповой Е.К. [8].

Обратимся к варианту в переводе Л. Мея. К этому переводу обратились П.И. Чайковский и Н.А. Римский-Корсаков. Оба композитора постарались выдержать свои произведения в духе польской музыки. Н. Римский-Корсаков приблизил свой романс к польскому танцу – краковяк. Подвижный темп, двудольный размер, танцевальный характер – все эти средства характерны для этого народного танца. Романс П.И. Чайковского больше напоминает мазурку. По сравнению с Н. Римским-Корсаковым у П. Чайковского звучит изысканная мелодия в спокойном темпе, грациозная по характеру, что придает звучанию некоторую аристократичность.

У П. Чайковского написан еще один романс на стихи Мицкевича – «На землю сумрак пал» (стихотворение А. Мицкевича «Утро и вечер»). «Этот романс принадлежал к числу любимых детищ композитора. Но ему казалось, что никогда никто не исполнит его так, как он себе воображал: «Нужно не петь, а, скорее, декламировать и с величайшей горячностью», – писал композитор [9, с.106].

По общему характеру музыка романса соответствует мироощущению П. Чайковского. Мелодия произведения проникнута трагизмом. Усиление драматического звучания достигается и за счет изменения последней строчки стихотворения. Если у А. Мицкевича последняя строка выглядит следующим образом: «А я? Я грустен, как и прежде!», то П. Чайковский ее видоизменяет так: «А я? Я... Мне грустно! Мне грустно, как и прежде!...», противопоставляя тем самым одиночество и тревогу человека ясному утру.

Романс Ц. Кюи «Что чувства наши?» наполнен философским звучанием. Каких-либо заимствований из польской музыки здесь нет. Композитора интересуют прежде всего общечеловеческие философские проблемы: «Что есть наши чувства, что есть вся жизнь наша, что такое смерть» и т.д. Ц. Кюи строит музыкальные фразы в соответствии со строчками стиха: за вопросительной интонацией следует короткий и тихий ответ, контрастный вопросительным фразам, динамика звучания которых постоянно меняется. Все это создает впечатление кратковременности, мгновенности человеческой жизни.

Но в большинстве своем преобладающей темой стихотворений А. Мицкевича, которые были положены на музыку, была тема любви. Чаще всего она носит несерьезный легкомысленный характер, что достигается за счет простой по строению незамысловатой музыкальной мелодией. К таковым произведениям можно отнести романс А. Алябьева «Люблю, когда пташка моя» и романс М. Глинки «К ней», написанный на вышеуказанное стихотворение «Моя баловница» (перевод С. Голицына) в излюбленном композитором жанре мазурки.

Иного рода романс Н. Римского-Корсакова «Свите-

зянка» по одноименной балладе польского поэта. Композитор избирает для романса только средний эпизод (юноша, ослепленный красотой свитезянки – так в народе называли ундины или нимфы, которые по поверьям появлялись на берегах озера Свитезь – идет за ней в воды озера). Н. Римский-Корсаков с присущим ему мастерством великолепно рисует картину бурлящих волн, в которых появляется прекрасная дева, увлекающая своей красотой и дивным голосом за собой юношу:

Будешь над влагой озера зыбкой
Ласточкой быстрою мчаться
Или же рыбкой, резвою рыбкой
Вместе со мною плескаться;
Ночью ж, в призрачной этой купели,
Где только звезд отраженья,
Будешь меж лилий, в мягкой постели,
Дивные видеть виденья!

Несколько позднее Н. Римский-Корсаков вновь обратился к этой балладе, написав уже более масштабное произведение – кантату «Свитезянка», где музыка романса послужила основой центрального эпизода. Как можно догадаться, это уже более сложное произведение. Эпическое вступление, дуэт юноши и лесной девы, соло свитезянки, драматический финал – все это подчинено логике и передаче основной идеи произведения. Н. Римский-Корсаков не случайно обратился к этому творению. Воплощение в музыке водной стихии, сказочного мира, необычных мифических героев всегда привлекало композитора. Умение импрессионистически передать движение водной глади от еле заметных колебаний воды до бурлящих с неимоверной силой волн – это удавалось Н. Римскому-Корсакову лучше, чем кому-либо из других русских композиторов.

Среди других сочинений, написанных на стихи А. Мицкевича, следует остановиться на симфонической балладе П. Чайковского «Воевода», написанной по одноименному произведению польского поэта в переводе А. Пушкина. Именно это стихотворение послужило программой для музыкального произведения композитора. На первый взгляд произведение поэта не вызывает особых глубоких чувств: сцена ревности, измены, завершающаяся трагическим финалом. Но П. Чайковский со свойственным ему умением передавать психологию человеческой души увидел в этом стихотворении нечто большее, чем можно представить себе при первом ее прочтении.

Пьеса разбивается на три раздела, где последовательно дается образ мстительного воеводы, любовное свидание в саду и драматическая развязка.

«Начало пьесы – страшный гнев и жажда мщения сильной и ослепленной в своем порыве натуры. Создается сразу же возбужденный ритм скачки.... В этом тема-

тическом материале – воплощение того загнанного, но начавшего уже раскрываться чувства, которое чревато как постепенным огромным усилением, так и внезапными вспышками» [9, с.180]. Этот раздел рисует в воображении образ жестокого воеводы, его дикого нрава. Если рассматривать шире, то это воплощение всего злого, стихийного, разрушительного в человеческой жизни.

В противовес этому музыка второго раздела переносится в возвышенно-поэтический мир совершенно иных образов. «Пение всего оркестра звучит, как обычно у П. Чайковского, требованием свободы, утверждением своего права на существование, неподчинением мешающим, препятствующим счастью обстоятельствам» [10, с. 182]. Как известно, для многих произведений П. Чайковского характерно противопоставление всепобеждающего чувства любви всему негативному, злему. Именно это хотелось ему выразить и в этом своем сочинении.

Но тем не менее проникновенная мелодия этого раздела не лишена драматического звучания. Как пишет А. Должанский – исследователь симфонического творчества П. Чайковского – «никнувшие при каждом повторении движения красавицы мелодии, ее обрывающиеся исключительные интонации, ее изложение инструментами деревянной группы без кларнетов – все это создает впечатление признания страстного и вместе безнадежного горестного, образ несправедливой обиды, вянущей красоты, загубленной молодости» [10, с.181].

В третьем разделе вновь звучит ритм наряженной скачки, что приближает трагическую развязку. В конце произведения раздается резкий удар – «выстрел по саду раздался». Последний эпизод – смерть воеводы.

Как считает А. Должанский, произведение оставляет ощущение некоторой недоговоренности. «Здесь... он должен был остановиться не на смерти воеводы, а на воплощении счастья справедливо победившей молодости. В пьесе П. Чайковского недостает повторения прекрасной лирической темы, не хватает победной песни торже-

ствующей любви. Думается, что если бы композитор мог вернуться к своему последнему программному произведению, то он именно так изменил бы его композицию» [10, с.183].

Можно поспорить с таким суждением. Далеко не все произведения П. Чайковского пронизаны «победной песней торжествующей любви». Последняя его симфония – пример иного мировосприятия. Если композитор посчитал нужным завершить произведение столь драматичным финалом, значит, были на то свои причины. Можно, конечно, сослаться на тот факт, что еще до исполнения баллады многие композиторы-профессионалы не одобрили ее. «Осуждение его друзей попало на чувствительную почву: как раз в это время П. Чайковскому мнилось, что он «исписался», что музыке его не хватает новизны, что он повторяет самого себя. И критика его произведения служила ему подтверждением его опасений», что привело к нежеланию завершить произведение [10, с.179]. Но вряд ли именно это обстоятельство было истинной причиной такой драматургии баллады. Здесь сказалось субъективное восприятие композитором произведения А. Мицкевича. П. Чайковский по своему воспринял его и свое прочтение выразил в духе собственных трагических концепций.

Заключение

Таким образом, интерес к творчеству польского поэта со стороны русских композиторов XIX был несомненен. В поэзии А. Мицкевича русские композиторы видели особую музыкальность, которая проявлялась в темах и образах, характерных не только для польской, но и русской культуры. Прежде всего, это лирические темы, связанные с любовными переживаниями. Во-вторых, это тема морской стихии и сказочного мира. В-третьих, это тема славянской мифологии. Благодаря А. Мицкевичу в русской культуре сформировалась «польская тема», что, несомненно, укрепило межкультурное взаимодействие и способствовало дальнейшему развитию культурного диалога.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изучение культур славянских народов. Сборник статей/Отв. ред. М. Гончарук. – М.: Редакция общественные науки и современность, 1987. – 160 с.
2. История культур славянских народов. В 3-х тт. Т.2. От барокко к модерну /Отв. ред. Г.П. Мельников. – М.: ГАСК, 2005. – 586 с.
3. Бэлза И. Пушкин и Мицкевич в истории музыкальной культуры. – М.: Музыка, 1988. – 254 с.
4. Ковальчикова А. Идеология и искусство: исторические события и эстетические позиции//Адам Мицкевич и польский романтизм в русской культуре/Отв. ред. В.А. Хорев. – М.: Наука, 2007. – С.5 – 18.
5. Велижева Н.К. О взаимодействии музыки и литературы в контексте культуры XIX века (к постановке вопроса) – Свердловск, 1986. – 35 отд. л.
6. Мицкевич А. Собрание сочинений. Т.5. – М.: Художественная литература, 1954. – 860 с.
7. Карпова Е.К. Интерпретация русскими композиторами стихотворения Адама Мицкевича «Rozmowa» //Современные тенденции развития науки и технологий. – 2017. – №3 – 6. – С.105 –108.
8. Карпова Е.К. Стихотворение Адама Мицкевича «Моя баловница» в вокальной лирике русских композиторов// Современные тенденции развития науки

- и технологий. – 2016. – №4 – 5. – С.131 –133.
9. Прибегина Г.А. П.И. Чайковский. – М.: Музыка, 1986. – 191 с.
10. Должанский А. Симфоническая музыка Чайковского. – Л.: Музыка, 1981. – 208 с.

© Никитина Ольга Николаевна (kop741@rambler.ru), Рогозина Эльвира Расилевна (elfrogozina@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВАЖНОСТЬ ФОРМИРОВАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ ПОЗИТИВНОМУ ВЫСТРАИВАНИЮ МЫШЛЕНИЯ В ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

THE IMPORTANCE OF FORMING AND TEACHING POSITIVE THINKING IN PERSON'S LIFE

I. Arkhipova

Summary: This article considers the importance of learning to build a positive (literate) mindset in human life. The article substantiates the impact of optimistic thinking on improving the quality of life, success in the professional sphere, strengthening physical and psychological health, improving relationships with others. The article analyzes various methods and approaches to teaching positive thinking, such as managing one's thoughts, setting goals, practicing gratitude and further self-improvement.

Keywords: positive, negative, thinking, research, optimism, pessimism, psychology.

Архипова Инна Георгиевна

Кандидат психологических наук, доцент,
Государственный институт экономики, финансов,
права и технологий
inmy-job@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается важность обучения позитивному (грамотному) выстраиванию мышления в жизни человека. Обосновано влияние оптимистического мышления на повышение качества жизни, успехи в профессиональной сфере, укрепление физического и психологического здоровья, улучшение отношений с окружающими. Проведен анализ различных методов и подходов к обучению позитивному мышлению, такие как управление своими мыслями, постановке целей, практике благодарности и дальнейшего самосовершенствование.

Ключевые слова: позитивное, негативное, мышление, исследование, оптимизм, пессимизм, психология.

Центром современных исследований в области психологии является анализ позитивного мышления, значение которого рассматривается через взаимосвязь с мотивационной составляющей, настойчивостью в достижении целей, устойчивостью к стрессам, способностью к адаптации. Оценка оптимизма и пессимизма, выступающих как индикаторы позитивности мысли, вносит неоценимый вклад в прогресс психологических наук. Исследование, которое рассматривает оптимизм и пессимизм, пытается разобраться с их характеристиками, применением в отечественной и зарубежной литературе.

Влияние положительного мышления на повседневную жизнь человека и его внутреннюю мотивацию говорит о том, что желание улучшить свои жизненные обстоятельства является не только важным для личного развития, но и для общего существования человека. Изучение этого аспекта раскрывает потенциал мысли в создании условий для дальнейшего погружения в любые профессиональные области, включая сферу образования [3; 11].

Позитивная психология, возникшая в XX веке и распространяемая М. Селигманом, обратила внимание на лучшие качества человеческого существования, существующие в гуманистических учениях. Американская научная среда, где данное направление обрело огромную популярность, начинает акцентировать внимание на необходимости значительного внесения оптимизма и

позитива в социальное и индивидуальное сознание, что, в свою очередь, подчеркивает углубленную значимость проблемы и частные культурные особенности.

Процесс мышления является сознательно регулируемой операцией. Эмоциональное состояние мыслящего, напряжение в начале и удовлетворение в конце напрямую связано с динамикой мыслительного процесса. Мышление своеобразно окрашивается под действием определенных эмоциональных состояний субъекта, включая в себя каждый интеллектуальный процесс, исходит из потребностей и интересов человека [9].

Мыслительный процесс является активным, целеустремленным волевым актом. Решение задачи, требующие значительного волевого усилия для преодоления встающих перед мышлением трудностей. Сознательная целенаправленность существенно характеризует мыслительный процесс. Осознание стоящей перед мышлением задачи определяет всё течение мыслительного процесса. Это своеобразная система сознательно регулируемых интеллектуальных операций. Мышление сопоставляет и соотносит каждую мысль, с задачей, на разрешение которой направлен мыслительный процесс. Мышление как сознательный процесс характеризуется проверкой, критикой и контролем. Привилегией мысли как сознательного процесса является возможность осознания ошибок. Каждый мыслительный процесс совершается в обобщениях, выражающихся в понятиях - специфическом содержании мысли. Понятия не

выступают в изолированном виде, они функционируют в единстве с наглядными моментами представлений и с речью, которая, вместе с тем является неким слуховым или зрительным образом. Наглядные элементы включаются в мыслительный процесс. Они включаются в виде образных представлений, в виде схем и слов. Словами оперирует понятийное мышление, являющиеся словесным. Мыслительный процесс включает в себя слабо и сильно обобщенные образы-представления. Отвлеченный смысл слова и наглядный образ могут быть носителями смыслового содержания и значения.

Путем исследования положительного мышления и его влияния на деятельность человека, расширяет границы психологических методов, способствующих осмыслению человеческой психики [5].

Понимание собственных возможностей и уверенность в успешности любого начинания - основа позитивного мышления. Подлинное позитивное мировоззрение невозможно запрограммировать – это самостоятельное решение, не подвергающегося навязыванию ни социумом, ни властными структурами.

Позитивное мышление, часто рассматриваемое критиками как иллюзия и уход от реальности, на самом деле имеющие большую ценность. К сожалению, многие неправильно интерпретируют его, искажают суть. Однако, если взглянуть на это явление с другой стороны, можно увидеть, что позитивное мышление, является способом восприятия мира, и решением проблем с помощью оптимизма и верой в свои силы. Однако, позитивно ориентированный индивидуум не стоит в стороне перед трудностями, а успевает переосмыслить ситуацию, используя веру в себя как катализатор изменений. В отличие от этого, люди, неудовлетворенные ограниченностью своего сознания, не могут достичь высшего уровня своих желаний. Вместо следования правилам успешного развития, они сконцентрированы на своем недовольстве и наставлениях. Эти индивиды оказывают негативное влияние на свое собственное развитие, не приближаясь к осознанию своих aspirations.

Когда оптимист встречается с критикой, полной заблуждений о взаимоотношениях позитивного настроения и шансов на успех, ему важно оценить сторону оппонентов [6].

Несомненно, мысли обладают огромной силой воздействия на реальность, стремлению к прогрессу придает ощущение совершенствования.

В двадцатом столетии наступил интерес к феноменам оптимизма и пессимизма, ранее этого периода, данная тематика практически не занимала место в академических исследованиях. Размышляя о силе мысли и

её влиянии на предполагаемые жизненные исходы, Л. Тайгер предполагал, что адаптивное значение оптимизма возникло в процессе эволюции. Выдвигая гипотезу, он утверждал, что восприимчивость к положительному мышлению обусловлена способностью людей предвидеть будущее, и при этом оптимизм выполняет функцию смягчения страха перед возможными неблагоприятными событиями [1].

Эпоха просвещения привнесла введение Г. Лейбницем понятия «оптимизм», описывающего веру в победу добра над злом; Вольтер же способствовал его распространению через произведения литературы. А. Шопенгауэр в девятнадцатом столетии представил термин «пессимизм» как концепцию, в которой переживания грусти и страданий преобладают над радостью. Эти мысли трансформировались и стали элементами размышления в философии, где вопросы человеческого потенциала занимают центральное место – М. Хайдеггер выделил две потенциальные возможности: ожидание благоприятных изменений и ожидание негативного развития событий [8].

Анализируя влияния этих феноменов на индивидуальные различия поведения людей, К. Петерсон и другие ученые обращали внимание на теории К. Левина и Дж. Келли, заложившие основу понимания взаимодействия ожиданий и поведения. В отечественной науке уделялось меньше внимания к изучению оптимизма и пессимизма, в отличие от Запада. Основное внимание сосредотачивалось на исследованиях в области социологии, в которой индикатор оптимизма ассоциировался с общей удовлетворенностью жизнью [12].

Используя международные теории и методологии, российские эксперты в области психологии активно изучают позитивные аспекты мышления. В частности, под руководством Д.А. Леонтьева и Т.О. Гордеевой применяются концепции М. Селигмана, для исследования оптимизма как важного элемента человеческого потенциала [2]. Отдельные ученые Т.Л. Крюкова и М.С. Замышляева объединяют множество международных подходов с целью анализа диспозиций личности, которыми являются оптимизм и пессимизм [5]. Они описывают данные качества через когнитивные структуры, обуславливающие стиль интерпретации событий и будущих перспектив, предполагающих осознанную предрасположенность к действию для осуществления блага и подразумевающие уверенность в эффективности собственных поступков.

В области социологии К. Муздыбаев расширяет понимание оптимизма и пессимизма [7], основываясь на работах Ч. Шейера и М. Карвера. Он представляет эти явления как диспозиции личности, включающие в себя ожидания более широкого спектра, касающихся не только конкретных событий, но и будущего в целом. Также

Муздыбаев акцентирует внимание на различие в эмоциях и настроениях между оптимистами и пессимистами, указывая на их восприятия объективной реальности. Ключевая идея состоит в том, что оптимисты обладают устремленностью к долгосрочным жизненным целям, настойчивостью в их достижении, несмотря на препятствия, подкрепляя благоприятный исход [7]. В отличие от оптимистов, пессимисты склонны подчиняться трудностям, ограничиваясь минимальным и принимая страдания как неизбежность [3].

Ю.М. Орлов отмечает значимость положительного мышления в изучении психологических явлений. В его научных работах саногенное мышление определено как доминирование рациональности и ума над эмоциональными порывами, а также умением руководить собственными размышлениями. Противоположность этому является патогенное мышление, характеризующееся бессознательным и деструктивным ходом мыслей, который может обернуться превращением отрицательных чувств в постоянные [8].

Указанный мыслитель разграничивает принципы патогенного мышления, выделяя его психоэмоциональную защиту генерирующую агрессию, страх и другие отрицательные явления. Дополняя указанием на эмоции, такие как обида, стыд, и нормы поведения, ориентированные на принуждение и социальное давление [4].

Однако, склонность к позитивному мышлению несет немало благ. Она ведет к успешной трудовой деятельности, даёт отличные возможности для общения, но также расширяет способность восприятия многообразия мира. Она несет в себе потенциал для профессионального развития.

Исследования, однозначно демонстрирующие, как оптимистическая жизненная позиция имеет огромное значение в мировосприятии. Подтверждающаяся научными исследованиями и практическим опытом. Оптимистический взгляд на жизнь позволяет видеть во всем положительные стороны, сохранять надежду и энтузиазм, даже в трудных жизненных ситуациях. Оптимисты более успешны и удовлетворены своей жизнью, так как они находят смысл и радость жизни в любой ситуации. Они способны видеть возможности и стремятся к достижению своих целей. Более того, оптимистическая жизненная позиция имеет положительное влияние на физическое и психологическое здоровье. Исследования показывают, что оптимисты имеют более сильный иммунитет и большую продолжительность жизни [2].

Акцент научных исследований основывается на взаимосвязи между мышлением и гармонией в физическом и умственном благополучии человека. Пессимистическое отношение сопровождается тревожностью

и оказывает разрушительное воздействие на здоровье. Таким образом, недостаток уверенности снижает способность ощущать боль, делая страдания более интенсивными и мучительными. Аналогично, для эффективного функционирования мозг выделяет определенный процент стимулов, в котором преобладают нейтральные и позитивные, а отрицательные минимальны. Избыток пессимистических воздействий приводит к снижению умственных способностей, нарушению памяти и аналитических функций. Для сохранения ясности ума, достижения успеха в начинаниях и поддержания крепкого здоровья, важно развивать способность грамотного (оптимистического) мышления.

В процессе анализа психологических отношений индивидов к собственным жизненным проблемам, многочисленные наблюдения позволяют выделить устойчивость стиля атрибуции. Это касается представления человеком причинно-следственных связей между событиями. Сущность теории каузальной атрибуции М. Селигмана заключается в предположении, что люди, сталкиваясь с необходимостью объяснения событий без ясности конкретных причин, склонны приписывать гипотетические основания, предполагая вероятные причины произошедшего [13]. Аналогичный взгляд поддерживает Л.М. Рудина, для которого оптимизм не что иное, как позитивное состояние ума, укрепленное уверенностью в промышленном исходе будущих событий, являющейся основой для разработки методик квалификации позитивного мышления человека [10].

Исследователи К. Петерсон [12], Т.О. Гордеева [2], Дж. Кехо [4], опираясь на работу М. Селигмана, акцентирующие свое внимание на интересующей проблематике оптимизма и пессимизма. Именно такой подход позволяет проиллюстрировать оптимизм и пессимизм с помощью шести ключевых переменных, к которым Л.М. Рудина относит: временные рамки неудач и успехов, их объем по отношению к жизненным сегментам, а также персональную связь с провалами и достижениями [10]. Переменные, определяющие «время неудач», наглядно демонстрируют убеждения человека относительно постоянства причин своих трудностей, в то время как аналогичная переменная для успехов отображает устойчивость причин позитивных событий. Таким образом, факторы, как стабильность и самооценка, играют решающую роль в формировании представлений об оптимизме и пессимизме, тесно переплетающихся с позитивным или негативным мышлением индивида.

Оценивая феномен оптимизма с перспективы его влияния на личностное восприятие жизни, следует отметить, что оптимизм как атрибутивный стиль и диспозиционный оптимизм формируют схожее видение мира, при котором описание лицом событий, объектов ведётся исключительно в позитивной мере. В свою очередь,

позволяющие определить суждения о склонности человека к положительному или отрицательному мышлению. Исследования оптимизма как части устойчивого атрибутивного стиля обогащают понимание механизмов, посредством которых у человека развивается специфическое позитивное или негативное видение окружающей действительности, определяющее, в целом его жизненный настрой [1].

Понятие пространственного пессимизма, подразумевающего признание ограничений индивида в различных сферах жизни, осознание личных неудач. Это восприятие соотносится с «широтой неудач», которую М. Селигман определяет, как чувство беспомощности и неспособности действовать в разных сферах человеческой активности [13]. В противоположность этому стоит «широта удач», включающая атрибуцию положительных событий глобальным факторам, умозаключение о широких возможностях и универсальности успеха.

При рассмотрении успехов и неудач важно обратить внимание на персональный аспект, связанный с концепциями «Я-неудача» и «Я-успешность», определяющиеся восприятием событий как внутренних и внешних факторов. То есть, для неудачного исхода событий индивид может ощутить, как внутреннюю вину, так и приписать причины происхождению из внешних обстоятельств. Неотъемлемым является атрибутивный подход, проиллюстрированный в трудах Дж. Кехо, который отметил три аспекта позитивного мышления:

1. Аффирмации помогают формировать новые пути в сознании.
2. Позитивный настрой помогает сосредоточиться на важных аспектах жизни и игнорировать негативные моменты.
3. Визуализация — это умение создавать в уме образы, облегчающие понимание реальности [4].

Фундамент позитивного мышления был заложен в

античности и с тех пор, пройдя процесс развития, стал научным направлением исследования в психологии. Это сочетание теории и практики привело к успешному развитию данного подхода до наших дней [3].

Изучив методологии интерпретации оптимизма и пессимизма в психологии, а также анализируя позитивное и противоположное ему мышление в мире и России, можно сделать вывод о повышенной согласованности в понимании этих явлений. В течение трех лет количество англоязычных исследовательских статей, связанных с концепцией оптимизма, составляет 365, что значительно превосходит число русскоязычных академических работ, не превышающих сотню. Это свидетельствует о недостаточном уровне интереса к проблемам позитивной психологии. Также отмечается небольшое количество исследований в России, связанных с диспозиционным оптимизмом Ч. Шейера и М. Карвера, а также защитным пессимизмом по сравнению с разбором атрибутивного стиля М. Селигмана [8].

Атрибутивное мышление, основанное на позитивном восприятии событий и объектов, получившие широкое признание и ставши одним из ведущих взглядов на позитивность в мировоззрении. При этом, термины «позитивное мышление» и «саногенное мышление», аналогично «негативное мышление» и «патогенное мышление» различаются, но не в смысловом контенте.

Оптимизм-пессимизм выступает в роли основополагающего критерия для оценки уровня позитивного мышления, а измерительные показатели включают частоту и границы неудач и удач, восприятие собственного «Я» как успешного или неудачного. Переменные такого рода объединяются в составные элементы стабильности, глобальности и внутренней команды, помогающие противостоять внешнему давлению и определяющие степень позитивного мышления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Е.Н. Учитель и ученик: позитивное мышление как профилактика эмоционального выгорания // Высшее образование сегодня. 2019. №9. С.45-49.
2. Гордеева Т.О. Оптимистическое мышление личности как составляющая личностного потенциала // Психол. диагност. 2007. Т. 1. С. 32—65.
3. Гусев А.С., Киселева Е.А., Кузьмина О.А. Психологический тренинг как способ формирования позитивного мышления в учебном коллективе // КиБ. 2023. №1. С. 67-75.
4. Кехо Дж. Подсознание может все! - Минск: Попурри, 2012. 224с.
5. Крюкова Т.Л. Оптимизм / пессимизм в совладающем поведении субъекта: межпоколенческий аспект // Сборник материалов II Сибирского психологического форума (30 ноября - 1 декабря 2007 г.). Томск: Томский государственный университет. 2007. С. 236-242.
6. Мирзаева Н.А., Мирзаева Ш.Р., Минаварова Ш.А. Роль позитивного мышления в психологии здоровья // Теория и практика современной науки. 2017. №10 (28). С. 130-134.
7. Муздыбаев К. Оптимизмпессимизмличности(опыт социолого-психологического исследования) // Психологический журнал. 2003. №12. С. 87-96.
8. Орлов Ю.М. Саногенное мышление / Ю.М. Орлов. М.: Просвещение, 2000. 231с.
9. Позднякова И.В. Формирование позитивного мышления у обучающихся в ВУЗе // Научный журнал молодых ученых. 2017. №1 (8). С. 139-141.
10. Рудина Л.М. Формирование конструктивного мышления как повышение адаптивности индивида в современном мире / Л.М. Рудина. М.: МосГУ, 2013. 89 с.

11. Ферапонтова М.В., Илларионова А.Ф. Взаимосвязь позитивного мышления и удовлетворенности трудом у медицинских работников // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. №1 (30). С. 17-22.
  12. Черемина Е.А. Позитивное мышление в философии и литературе постмодернизма // Гуманитарно-педагогические исследования. 2023. №3. С. 50-53.
  13. Peterson K.C. The Future of Optimism - Washington: DC, 2000. - 158p.
  14. Seligman M.E.P. Flourish: A visionary new understanding of happiness and well-being. New York, NY, Simon & Schuster Publ., 2011. 368 p.
-

© Архипова Инна Георгиевна (inmy-job@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ ТЕОРИИ МОТИВАЦИИ: ЛИЧНОСТНАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ МОТИВАЦИЯ

Болбочан Денис Владимирович

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»

Denis.bolbochan@gmail.com

CONTENT THEORIES OF MOTIVATION: PERSONAL, SOCIAL AND ECONOMIC MOTIVATION

D. Bolbochan

Summary: In the continued exploration of the nature of motivation and various methodological approaches in research, as well as the practical application of this phenomenon in the context of the contemporary world, this article conducts an analysis of currently substantive theories of motivation. The diversity of interpretations of the concept of «motivation» is due to the integrative nature of interdisciplinary relationships within the realm of science. According to the author, both foreign and domestic scholars often approach the examination of the nature of motivation in accordance with methodologies whose principles are shaped by their subjective perspectives and convictions.

Each of the myriad conceptions delves into a specific aspect, which, in turn, pertains to one of such extensive scientific disciplines as economics (pertaining to effective employee motivation, marketing, and sales), pedagogy (concerning student motivation), and psychology (encompassing questions of mental health and existential character). This article provides an analysis of various theories: Abraham Maslow's hierarchy of needs theory, underscoring the significance of satisfying basic (physiological) needs and the subsequent human drive toward self-actualization; David McClelland's acquired needs theory, examining motivation within the scope of economic processes at the corporate and governmental levels, yet omitting existential questions, resulting in a narrower and more applied classification of motivational types; and Eduard Spranger's work, which, from the standpoint of pedagogy and human self-actualization, seeks to encompass a comprehensive spectrum of internal or instinctual motivations, which the scholar himself refers to as «life values.»

As a result of the research, the author concludes that, for the comprehensive development of both society as a whole and each individual in particular, the concept and nature of motivation should be considered from the perspective of individual intrinsic inclinations, which span a wide range of aspects, ranging from physiological needs and economic success to existential self-determination.

Keywords: A. Maslow, E. Spranger, D.K. McClelland, motivation, review of theories of motivation, substantive theories of motivation, types of motivation.

Аннотация: В продолжение изучения природы мотивации и различных методологических подходов в исследовании, а также практического применения этого феномена в контексте современного мира, в этой статье автор проводит анализ существующих в настоящее время содержательных теорий мотивации.

Многообразие трактовок понятия «мотивация», обусловлено интегральным характером междисциплинарных связей в науке. По мнению автора, зарубежные и отечественные учёные подходят к рассмотрению природы мотивации часто в соответствии с методологиями, принципы которых формируются их субъективными взглядами и убеждениями.

Каждая из множества концепций углубляется в некий аспект, который в свою очередь затрагивает одну из таких обширных научных дисциплин, как экономика (вопросы эффективного мотивирования сотрудников, маркетинг и продажи), педагогика (вопросы мотивирования учеников), психология (вопросы психического здоровья и вопросы экзистенциального характера).

В данной статье проводится анализ различных теорий: иерархии потребностей А. Маслоу, в которой подчеркивается важность удовлетворения базовых (физиологических) потребностей и последующим стремлением человека к самореализации; теории приобретенных потребностей Д.К. Макклелланда, где мотивация рассматривается в разрезе экономических процессов на уровне бизнеса и государственности, но не затрагивает вопросы экзистенциального характера, в связи с чем и классификация типов мотиваций более узкая и прикладная; работы Э. Шпрангера, который в своих исследованиях, с точки зрения педагогики и вопросов самоактуализации человека стремился охватить полный спектр внутренних или инстинктивных мотиваций, которые сам ученый, называл «жизненными ценностями».

В результате исследования автор приходит к заключению, что для обеспечения всестороннего развития как общества в целом, так и каждой личности в частности, необходимо рассматривать понятие и природу мотивации с позиции индивидуальных внутренних стремлений, которые охватывают широкий спектр аспектов, начиная с физиологических потребностей и экономической успешности и заканчивая экзистенциальной самодетерминацией.

Ключевые слова: А. Маслоу, Э. Шпрангер, Д.К. Макклелланд, мотивация, обзор теорий мотиваций, содержательные теории мотивации, типы мотиваций.

Введение

По мере того, как социальные и экономические изменения в обществе продолжают, вопросы мотивации персонала, повышающей производи-

тельность труда не меньше, чем внедрение передовых технологий, становятся все более актуальными.

Стратегические задачи развития экономики любого государства или же предприятия требуют эффективной

системы стимулирования труда, повышения его качества и уровня социальной защищенности. Эффективная мотивация является необходимым условием для успешного развития инновационной деятельности [1]. Важную роль в формировании креативного потенциала играет уровень образования и профессиональная квалификация работников, а также их психометрические характеристики.

По этим же причинам для эффективного развития на всех уровнях государственности необходимы современные и квалифицированные подходы в обучении, начиная с дошкольного образования и заканчивая высшим профессиональным. Оценивать и понимать мотивацию учащихся, вносить необходимые корректировки необходимо на всех образовательных этапах [2].

Личность индивидуальна в своих желаниях и внутренних мотивах, побуждающих её к действиям. Помимо социальной эффективности и профессионального развития каждый индивид стремится к самореализации, к своему субъективному комфорту и удовлетворению личных потребностей [3].

В современной науке существует множество парадигм и концепций для типизации личных стремлений и мотиваций. В данной статье мы осуществим анализ теорий мотивации, которые обширно исследуют одну из аспектных сторон человеческой мотивации с учетом категорий, применяемых в научных дисциплинах, таких как психология личности, экономическая психология и педагогическая психология.

Основная часть

Рассмотрим концепцию иерархии человеческих потребностей одного из основоположников теории мотивации, американского психолога Абрахама Маслоу. Идея А. Маслоу заключается в разделении потребностей человека на простые и сложные. По мнению А. Маслоу, люди чаще всего не стремятся к признанию и самоактуализации до тех пор, пока не будут удовлетворены их базовые потребности. Что касается удовлетворения, то оно может быть как полным, так и неполным [4].

А. Маслоу различал мотивацию и метамотивацию [5]. Мотивация связана с уменьшением напряжения путем удовлетворения дефицитарных состояний или D-потребностей, например, потребности в пище, в отдыхе, возникающих, когда человек борется за физиологическое выживание или нуждается в безопасности. Мотивация к удовлетворению D-потребности изменяет поведение индивида, заставляя его выполнять действия, способствующие уменьшению потребности.

Метамотивация – это стремление к росту. Она побуждает человека удовлетворять B-потребности или по-

требности, которые возникают из стремления организма к раскрытию внутреннего потенциала. B-потребности не порождаются дефицитом. Они требуют самореализации. Их цель – обогатить жизнь индивида, сделать ее более насыщенной. Вместо уменьшения напряжения они часто его увеличивают из-за того, что человек в своем поиске сталкивается со стимулирующими факторами, увеличивающими полноту жизни [6].

Мотивация и D-потребности имеют приоритет над метамотивацией и B-потребностями. Сначала должны быть удовлетворены потребности дефицита. Когда будет решен вопрос выживания, тогда может быть удовлетворена потребность в продолжении рода, затем – в социализации. Потенциал человека состоит в том, чтобы создать семью и быть признанным обществом. Получив такие блага, он сможет думать о чем-то более возвышенном. Для этого нужно развивать свои таланты, раскрывая предназначение. В то же время, человек по-прежнему нуждается в доме и еде, но не до такой степени сильно, чтобы это могло изменить его приоритеты. [7].

Маслоу описывал все человеческие потребности как инстинктивные или присущие человеческой природе, считал, что инстинктивные потребности человека нужно компенсировать. Неудовлетворенные потребности могут стать причиной развития заболевания так же, как приводит к болезни недостаток витамина С.

Всего Абрахам Маслоу выделял пять уровней потребностей [8]:

1. Физиология. Человек не выживет без пищи, воды, сна, без продолжения рода.
2. Безопасность. Чтобы хотеть большего, он должен чувствовать себя комфортно, безопасно, быть уверенным в завтрашнем дне.
3. Социализация. Потребность в любви и принадлежности заставляет человека становиться частью коллектива, заводить дружеские отношения, создавать семью.
4. Уважение и признание. Выражением потребности в признании другими людьми его значимости для индивида является стремление заслужить одобрение, получить подтверждение своих заслуг, высокий статус.
5. Самоактуализация. Стремление к самоактуализации, выражающееся в развитии способностей и использовании их в социально значимой деятельности – высший уровень иерархии и цель развития человека. По мнению А. Маслоу, высшего уровня достигает только 2% людей.

Со временем А. Маслоу расширил мотивационную теорию и добавил новые уровни самоактуализации, связанные с познавательными и эстетическими потребностями [9].

Абрахам Маслоу считал, что уровни иерархии могут меняться местами в зависимости от внешних и внутренних факторов, а также индивидуальных особенностей организма. Реверсия иерархической структуры происходит, когда потребность в признании или самоактуализации бессознательно воспринимается индивидом, как ступень к удовлетворению потребности более низкого иерархического порядка, или изначально для него важнее, чем удовлетворение потребностей базового уровня.

С точки зрения А. Маслоу, поведение здорового благополучного человека, которому в данный момент не угрожает голод, потеря репутации, разрыв отношений, не определяется стремлением к удовлетворению базовых потребностей. При этом изменяется его система ценностей, направленность когнитивных способностей. Актуализируется потребность в самовыражении. Рассматривая самоактуализацию с точки зрения принципа функциональной автономии, А. Маслоу отмечает, что удовлетворение одной из высших потребностей заставляет человека в дальнейшем воспринимать её как более важную, чем потребности базового уровня.

В истории есть множество примеров, когда люди с незакрытыми базовыми потребностями добивались значительных успехов в самореализации. Компенсировать низшие потребности не так уж и просто, как кажется, на первый взгляд. К сожалению, у многих индивидов нет желания развиваться и совершенствоваться. Высокие ценности заменяются повседневными удобствами.

А. Маслоу никогда не был причастным к созданию пирамид. В своих работах он использовал схемы и графики. Изобразили иерархию в виде ставшего знаменитым треугольника, а затем и пирамиды его последователи. Пирамида Абрахама Маслоу получила широкое распространение в психологии и психотерапии. Её используют как в повседневной жизни, так и в бизнесе. Основываясь на принципах теории, можно определить какие желания и мотивы имеют для человека ключевое значение. В бизнесе эту систему используют для того, чтобы наметить вектор его развития [8].

Далее рассмотрим теорию приобретенных потребностей Дэвида Макклелланда [10]. За её основу Д. Макклелланд взял наработки современников в направлении изучения мотивации, в том числе и А. Маслоу. В отличие от А. Маслоу, Макклелланд все свои теоретические и эмпирические исследования сосредоточил на мотивации в сфере экономики и бизнеса. Его теория включает в себя не только изучение врожденных мотиваций, но и изучение вопросов корректировки мотиваций человека, внедрения «приобретенных мотиваций», способствующих эффективному росту и развитию как самого человека в социуме, так и экономическому росту предприятия и бизнеса.

Макклелланд разделял все потребности на три большие группы. К ним относятся потребности во власти, потребности в успехе и потребности в причастности [11].

Потребность во власти является для человека одной из самых приоритетных. Связано это с тем, что в процессе обучения и жизненного опыта человек стремится контролировать действия других людей. Люди, у которых преобладает потребность во власти, делятся на две категории:

1. К первой Д. Макклелланд относит тех, кого привлекает сама возможность командовать другими людьми, влиять на них. Интересы общества и организации играют для этих людей второстепенную роль или не имеют никакого значения.
2. Ко второй категории относятся люди, которые стремятся к власти для решения каких-либо коллективных задач. Ими движет потребность совместно с другими индивидами достигать поставленных перед социумом целей. Они пытаются найти оптимальный способ мотивации людей на достижение этих целей. Потребность во власти обусловлена для них не тщеславием, а потребностью в управлении другими людьми.

Если в первом случае потребность во власти удовлетворяется уже в процессе взаимодействия индивида с теми, кто ему подчиняется, то во втором потребность будет удовлетворена лишь при успешном выполнении работы после того, как цель будет достигнута. Люди, которые стремятся к успешному результату, хотят получить удовлетворение потребности во власти в виде положительных отзывов о своей работе и деятельности в целом.

Желание добиться успеха свойственно большинству людей и может выражаться в способности в случае необходимости пойти на риск, в стремлении к неоправданному риску или, наоборот, к минимизации рисков, связанных с имиджем, за счёт избегания деятельности, связанной с рисками [12]. На самом деле, стремление к успеху присуще многим людям. У каждого человека свой уровень развития. Именно от этого показателя будет зависеть эффективность его деятельности, а значит и его успех в достижении цели.

По мнению американского психолога Джона Аткинсона, одного из родоначальников изучения мотивации в психологии, стремление к успеху – это потребность в преодолении неудач и избавлении от них. Люди с высоким уровнем мотивации стремятся достичь успеха. Те, у кого преобладает низкая мотивация достижения, предпочитают избежать неудачи [11].

Д. Макклелланд, в свою очередь, сформулировал теорию субъективной предпочтительности рисков. По его мнению, мотивации на достижение успеха и избегание

неудачи являются важными факторами, влияющими на принятие решения о возможности риска. Люди с высоким уровнем мотивации ставят перед собой цели и задачи с высоким уровнем риска. Это свойственно практически всем руководителям. Люди с низкой мотивацией стараются избегать ситуаций, в которых вероятность успеха минимальна. Такие люди, как правило, выбирают легкодостижимые цели или вовсе «плывут по течению», не задумываясь о возможных рисках.

Мотивация на достижение успеха тесно связана с потребностью во власти. Результат деятельности, сопряжённой с риском, определяется категорией, к которой относится руководитель. Если перед нами человек, который стремится привести коллектив к результату, в экстремальной ситуации он проявит не только усилия, но и собственное мастерство.

Потребность в сопричастности часто путают с потребностью во взаимопомощи. Обе потребности выражаются в стремлении к культурному, интеллигентному и дружественному общению с коллективом, в способности работать в команде. Люди, для которых в приоритете потребность во взаимопомощи, получают удовольствие от возможности помочь кому-то. В то же время люди, у которых преобладает потребность в сопричастности, часто стремятся к установлению доверительных отношений с близкими или авторитетными для них людьми [13].

Д. Макклелланд был одним из первых, кто обратил внимание на то, что в западном обществе все больше внимания уделяется предпринимательству [11]. Успех такой деятельности, с точки зрения Д. Макклелланда, определяется степенью выраженности потребности предпринимателя к достижению, преобладание у него мотивации к развитию и совершенствованию. Такие люди проявляют большую активность и творческий подход к жизни. Предприниматель должен быть готов к риску и принимать риски, которые он берет на себя. Его удовлетворённость достигает пика лишь после того, как он получит признание и похвалу со стороны других людей [14].

Рассматривая вопрос формирования мотивации высоких достижений, Д. Макклелланд пришёл к выводу, что педагогика должна основываться не на принципах «начальник и ученик», а на взаимопонимании между учителем и учеником. В то же время очень важно, чтобы родители и учителя придерживались самых высоких стандартов поведения. Результатом развития у человека потребности в высоких достижениях должно стать формирование самостоятельной личности, готовой к предпринимательству и нацеленной на достижение поставленных целей [12].

По мнению Д. Макклелланда, для ускорения темпов экономического роста в стране, необходимо отказаться

от традиционного образа жизни и создать условия, способствующие личностному росту. Потребность в повышении производительности будет возрастать, а это повлечет за собой увеличение спроса на достижения. Выделяя наиболее подходящих для того или иного вида деятельности людей, мы стремимся к тому, чтобы распределение трудовых ресурсов осуществлялось в соответствии с их потребностями.

И последний, чью теорию мотивации, изложенную в книге «Типы личности» (“Types of Men”), которая была издана в 1928 году, мы рассмотрим в данной статье, – немецкий психолог и педагог Эдуард Шпрангер [15]. В 1931 году Гордон У. Олпорт и Филип И. Вернон разработали способ измерения описанных им мотивов, известный как «Исследование ценностей».

Все шесть ценностей, которые были выделены Э. Шпрангером, являются врожденными и присутствуют в подсознании каждого человека, как инстинктивные способы восприятия окружающей реальности. Ценности Э. Шпрангера также можно охарактеризовать как «мотивационные интересы». Субъективные интересы индивида мотивируют его предпринимать целенаправленные действия различными способами. Иногда некоторые ценности замещаются другими или объединяются в сложные комбинации.

Руководит поведением человека основная ценность, обычно являющаяся для него наиболее важной, и сочетающаяся со второй ценностью.

В своей основной работе, в «Формах жизни» [16], Э. Шпрангер сформулировал идею о том, что душевный процесс представляет собой некую целостность, связанную с той или иной культурой. Основной задачей духовно-научной психологии является исследование того, как индивидуальная духовная структура человека влияет на «объективный дух», то есть на систему ценностей и значений общества.

В отличие, например, от биологического бихевиоризма, рассматривающего психологические явления как симбиоз рефлексов и опыта, и описательной психологии, задача которой сводилась к наблюдению за индивидом, Понимающая психология представляет собой науку о духе, то есть об области смысловых переживаний человека, которые нужно не только описать, но и понять.

Предмет исследования Понимающей психологии – «субъективный дух» индивида, являющийся отпечатком «объективного» духа, то есть результатом интуитивного восприятия человеком норм общества через призму заложенной в момент рождения ценностной ориентации.

В юном возрасте происходит духовное развитие, хотя

и связанное с психофизическими процессами. Для девочек этот возраст составляет 13 лет, для мальчиков – 22 года. По мнению Э. Шпрангера, именно в это время происходит раскрытие внутреннего «Я» и осознание своей индивидуальности. По мере того, как открывается «Я», начинается процесс вставания во все сферы жизни.

В процессе взросления выделяются две основные проблемы, с которыми человек сталкивается в юные годы. Кризис подросткового возраста (14-17 лет) связан с потребностью в освобождении от зависимости. В дальнейшем на первый план выходят психологические проблемы, возникающие у подростков в возрасте от 17 до 21 года [17].

Основная характеристика личности, по Шпрангеру, – это ценностная ориентация, посредством которой человек познает мир. Исходя из этого, Э. Шпрангер выделил шесть форм познания мира, назвав их типами понимания жизни или «жизненными формами». Основываясь на этих формах, он предложил следующую типологию личности [18]:

1. Идеальный мир теоретического человека – это мир, где всё подчинено логике, взаимосвязано. Теоретический человек не ставит перед собой определённых целей. Он пытается найти внутреннюю логику во всём, что его окружает, понять, какой частью системы зависимостей является он сам.
2. Всё, с чем взаимодействует экономический человек, должно приносить максимум пользы. Для него не имеет значения вид деятельности. Его жизнь – борьба за право обладать всем лучшим.
3. Эстетический человек с высокой мотивацией не стремится к борьбе ни с кем и никогда. Его душа впитывает окружающее его прекрасное, а затем, если мы имеем дело с натурой творческой, придаёт впечатлениям ритм, форму или цвет, превращая их в произведение искусства.
4. Суть социального человека как формы существования не его способность к самоотречению ради другого человека, а его потребность в таком самоотречении, проявляющаяся как основная жизненная потребность.
5. Властный или политический человек в большинстве случаев не пытается стать могущественным ради самого могущества. Его цель – подчинить других людей, предложив им собственную ценностную направленность в качестве основной. Он хочет руководить в лучах славы или подчиняться лучшему из лучших вместе с единомышленниками.
6. Религиозный человек не обязательно посещает церковь, но верит, что его жизнь определяется какой-то первопричиной, высшей правдой, являющейся основой всего живого и задающего его ценности.

По мнению Э. Шпрангера, структура сознания или

жизненная форма человека закладывается в момент его рождения и не может измениться под влиянием воспитания, опыта. Всё, что окружает его, человек воспринимает с позиции мотивации, обусловленной собственной формой жизни. Чтобы понять религию, науку, искусство и культуру в целом, нужно оценивать взаимоотношения людей через призму взаимодействия их жизненных форм, их индивидуальности, выраженной в каждом человеке. Основываться на понимании индивидуальной структуры сознания необходимо и в процессе воспитания ребёнка, закладывая важные жизненные ориентации с учётом особенностей восприятия той жизненной формы, к которой он относится.

На основе исследований Э. Шпрангера были разработаны тесты определения мотивационных ценностей (Оллпорт, Ф. Верной, Г. Линдсей) и интересов личности (Дж. Холланд). Эта теория использовалась также социологами и психологами для анализа стилей жизни личности и групп. Э. Шпрангер был одним из первых, кто начал изучать юношеское самосознание и его ценностные ориентации. Он считает, что воспитание нравственности в подрастающем поколении является одной из важнейших задач педагогики [19].

Заключение

В результате проведенного нами анализа мотивационных теорий можно сделать следующие выводы.

А. Маслоу предложил иерархию потребностей, представленную потребностями физиологии, безопасности, принадлежности, признания и самоактуализации. По его мнению, человек, восполнивший низшие базовые потребности из приведённого перечня, перейдёт на следующий этап своего личностного развития, вследствие чего будет стремиться к социальной самореализации и, в конечном счете, так или иначе, придёт к поиску ответов на экзистенциальные вопросы.

В свою очередь Дэвид Макклелланд в его теории приобретённых мотиваций выделяет три основных типа мотивации: власть, достижение, причастность. Теория Д. Макклелланда акцентирует внимание на конкретных мотивах, связанных с личными целями и чертами человека. Эта теория рассматривает человека в разрезе экономической среды и эффективного управления персоналом. Вопросы самопознания не затрагиваются.

В своей теории мотивации Э. Шпрангер выделил шесть основных видов мировоззренческих мотиваций, которые, по его мнению, формируются с юношеского возраста, то есть являются врожденными: знание, полезность, гармония, помощь, влияние и вера. Ориентируясь на эти мотивации, Э. Шпрангер предложил следующую классификацию типов личности: теоретический, экономиче-

ский, эстетический, социальный, властный, религиозный.

Теории мотивации Э. Шпрангера, А. Маслоу и Д. Макклелланда представляют различные и в тоже время дополняющие друг друга подходы к пониманию и классификации мотиваций человека.

В соответствии с теорией А. Маслоу, чтобы стимулировать в человеке, у которого по мере удовлетворения одного желания возникает другое, стремление к самореализации и самопознанию, необходимо удовлетворить его основные потребности. В стремлении к самореализации индивид движется вперед к росту, счастью и удовлетворению [20].

Иерархию мотиваций А. Маслоу можно разбить на три подгруппы: обеспечение – самореализация – самопознание. Такая классификация зависит во многом от инстинктивных стремлений человека, которые развиваются у каждого индивидуально в зависимости от личных характеристик и влияния социума на развитие личности с детства. Во многих случаях человек не стремится максимально эффективно компенсировать сразу все потребности, а самопознание и самореализация являются для него ступенями на пути к максимально полному удовлетворению одной из базовых потребностей.

Именно это описал в своей теории Э. Шпрангер, который говорил о том, что человек, сформировавшийся в определенном социуме и имеющий определенные качества характера, обладает уникальным набором врожденных мотиваций. При этом какая-то одна мотивация будет для него основной, остальные – лишь вторичными. Если, например, у человека первостепенно сформировалась мотивация Веры, то вопрос самоактуализации или самопознания будет для него фундаментальным без оглядки на другие факторы.

Д. Макклелланд, выявивший за исключением ориентированных на самопознание сходные типы мотивации, считает, что потребности человека формируются не только врожденными качествами, но и опытом, обучением, жизненными обстоятельствами. Это позволяет в процессе обучения влиять на способность индивида, например, к предпринимательству, мотивируя его на достижение определенных целей.

Д. Макклелланд, посчитав нерелевантными для своего эмпирического исследования и теории в целом экзистенциальные вопросы. Однако эти вопросы актуальны для всестороннего развития государства и бизнеса на уровне корпораций. Их понимание позволяет не только повысить эффективность труда в моменте, но и улучшить психическое состояние и удовлетворенность людей на уровне базовых потребностей, что даёт возможность достигнуть большей самоотдачи и вовлеченности на продолжительном временном отрезке.

Каждая из описанных теорий мотивации имеет свои сильные стороны и применима в разных контекстах. С одной стороны, все три концепции рассматривают вопрос мотивации под разными углами и не являются взаимозаменяемыми, с другой стороны, прослеживается их взаимодополняемость, что позволяет комбинировать теории мотивации А. Маслоу, Д. Макклелланда и Э. Шпрангера для получения полной картины мотивации человека во всех сферах жизни и личностного развития.

У каждого человека есть свои субъективные модели поведения, в зависимости от того, на какие ценности он ориентируется. И как уже было отмечено в предыдущем исследовании [1] для глубинного понимания личностной мотивации, необходимо понять базовую или врожденную мотивацию человека, которая движет им на протяжении его сознательной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рослик, К.С. Основные теории и модели мотивации персонала / К.С. Рослик. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – №22 (364). – С. 228-231.
2. Попова Е.С. Исследование социальных аспектов формирования мотивации к образованию у молодежи: от теоретических подходов к операционализации // Вопросы образования. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnyh-aspektov-formirovaniya-motivatsii-k-obrazovaniyu-u-molodezhi-ot-teoreticheskikh-podhodov-k-operatsionalizatsii> (дата обращения: 15.10.2023).
3. Болбочан, Д.В. Теории мотивации: от гедонизма к дихотомии внутренних и внешних побуждений // Образовательный вестник Сознание. 2023. Т. 25. № 10. С. 25-32. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_54624514_68702371.pdf // DOI: 10.26787/nydha-2686-6846-2023-25-10-25-32
4. Немцев, И.А. Теория поколений как ключ к пониманию коммуникационного процесса в обществе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 12-1. С. 135-140.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность (Motivation and Personality) / Пер. А.Т. Татлыбаевой. - СПб.: Евразия, 1999. - 478 с.
6. Афанасьева, В. С. Эффективные методы мотивации персонала / В. С. Афанасьева // Аллея науки. -2020. - Т. 2. - № 12(51). - С. 456-458.
7. Гордеева, Т.О. Базовые типы мотивации деятельности: потребностная модель // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. №3. Электронный ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/bazovye-tipy-motivatsii-deyatelnosti-potrebnostnaya-model> (дата обращения: 16.10.2023).
8. Сальникова, Е.С. Эволюция теорий мотивации персонала организации / Е.С. Сальникова // Экономические исследования и разработки: сборник научных статей. – Пенза: ООО «Глобус», 2019. – С. 21-25.

9. Леонтьев, Д.А. Самоактуализация как движущая сила личностного развития: историко-критический анализ // Современная психология мотивации / Под ред. Д.А. Леонтьева. - М.: Смысл, 2002. - с. 13 - 46
10. Макклелланд, Д. Мотивация человека. / СПб.: Питер, 2007. 672 с.: ил. (Серия «Мастера психологии»). - с. 51 - 69
11. Старков Е.А., Коротаяева Т.В. Характеристика и взаимосвязь основных теорий мотивации // Скиф. 2023. №1 (77). Электронный ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-i-vzaimosvyaz-osnovnyh-teoriy-motivatsii> (дата обращения: 20.10.2023).
12. Тимофеев М.И., Мысаченко В.И., Жеребцов В.И. Критическая оценка теории А. Маслоу о мотивации и личности // Вестник НИБ. 2017. №29. Электронный ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriticheskaya-otsenka-teorii-a-maslou-o-motivatsii-i-lichnosti> (дата обращения: 20.10.2023).
13. Кардашов, В.В. Мотивация персонала: теория и практика / В.В. Кардашов // Человек и труд. - 2020. - № 10. - С. 47-48.
14. Кузнецова, А.Ю. Основные теории мотивации / А.Ю. Кузнецова – Текст: непосредственный // Студенческий. – 2019. – №2-2(46). – С. 39-41.
15. Депутатова, Л.Н., Шишкина К.А. Мотивация персонала в контексте теории поколений // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. №2. Электронный ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-personala-v-kontekste-teorii-pokoleniy> (дата обращения: 20.10.2023).
16. Шпрангер, Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности / Пер. А.К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 400 с.
17. Гордеева, Т.О. Мотивация: новые подходы, диагностика, практические рекомендации // СПЖ. 2016. №62. Электронный ресурс. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/motivatsiya-novye-podhody-diagnostika-prakticheskie-rekomendatsii> (дата обращения: 16.10.2023).
18. Толмачева, М.С. Эволюция теорий мотивации в зарубежных исследованиях / М.С. Толмачева, Г.А. Мешкова // Успехи гуманитарных наук. – 2019. – № 2. – С. 6-14.
19. Хохлова Е.Д. Современные подходы к мотивации персонала организации / Е.Д. Хохлова. // Молодой ученый. – 2019. – № 46 (284). – С. 364-366.
20. Леонтьев, Д.А. Абрахам Маслоу в XXI веке // Психология. Журнал ВШЭ. 2008. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/abraham-maslou-v-xxi-veke> (дата обращения: 15.10.2023).

© Болбочан Денис Владимирович (Denis.bolbochan@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ КОГНИТИВНЫХ КАРТ ПРОСТРАНСТВА

APPROACHES AND METHODS
OF STUDYING COGNITIVE MAPS

D. Zakharova
G. Menshikova
A. Kovalev

Summary: Relevance. Since the middle of the last century, a new theoretical construct has appeared in psychology - cognitive maps of space, which became a harbinger of the cognitive revolution. Later, it became widespread not only in psychology, but also in related neuroscience, including linguistics, computer science and artificial intelligence. Thus, the subject of study acted for each science with its own special side and properties. In this regard, there is some variation in the literature in the definition of cognitive maps of space and methods of their study. 3

Goal. To consider and analyze approaches to the study of cognitive maps of space.

The methodology. Review and analysis of research on cognitive maps of space.

Results. The article considers the main approaches to the study of cognitive maps of space, identifies two large research schools: mental and bodily. The mental school considers cognitive maps of space as mental representations of the spatial environment and brings to the fore the analysis of systematic errors in spatial memory and judgments, as well as studies the causes and mechanism of such distortions. The Body School studies navigation in real space, as well as the contribution of various sensory systems and mechanisms that ensure navigation accuracy. Within the framework of this approach, researchers rely on modern knowledge about the brain substrate (hippocampus and adjacent areas), which they compare with cognitive maps. In a separate approach, studies have been highlighted in which cognitive maps are considered as an internal structure of various kinds of knowledge. It was unexpected that in modern research, based on the latest accumulated knowledge about the role of the hippocampus and adjacent areas in spatial navigation, more and more studies confirm the participation of these brain structures in the organization of non-spatial information and the formation of judgments.

Keywords: cognitive maps of space, cognitive collages, orientation schemes, cognitive spaces, mental school, body school.

Захарова Дарья Александровна

*Аспирант, Московский Государственный Университет
имени М.В. Ломоносова
dar91.zaharova@gmail.com*

Меньшикова Галина Яковлевна

*Доктор психологических наук, Московский
Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
gmenshikova@gmail.com*

Ковалев Артем Иванович

*Доцент, кандидат психологических наук, Московский
Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
artem.kovalev.msu@mail.ru*

Аннотация: Актуальность. С середины прошлого века в психологии появился новый теоретический конструкт - когнитивные карты пространства, ставший предвестником когнитивной революции. Позднее он получил широкое распространение не только в психологии, но и в смежных нейронауках, включая лингвистику, информатику и искусственный интеллект. Таким образом, предмет изучения выступал для каждой науки своей особой стороной и свойствами. В связи с этим в литературе существует некоторый разброс в определении когнитивных карт пространства и методов их изучения.

Цель. Рассмотреть и проанализировать подходы к изучению когнитивных карт пространства.

Методика. Обзор и анализ исследований когнитивных карт пространства

Результаты. В статье рассмотрены основные подходы изучения когнитивных карт пространства, выделены две большие исследовательские школы: ментальная и телесная. Ментальная школа рассматривает когнитивные карты пространства как ментальные репрезентации пространственного окружения и выдвигает на передний анализ систематических ошибок в пространственной памяти и суждениях, а также изучает причины и механизм таких искажений. Телесная школа изучает навигацию в реальном пространстве, а также вклад различных сенсорных систем и механизмов, которые обеспечивают точность навигации. В рамках данного подхода исследователи опираются на современные знания о мозговом субстрате (гиппокампе и прилежащих областях), которые сравнивают с когнитивными картами. В отдельный подход были выделены исследования, в которых когнитивные карты рассматриваются как внутренняя структура различного рода знаний. Неожиданным стало то, что в современных исследованиях, опирающихся на последние накопленные знания о роли гиппокампа и прилежащих областей в пространственной навигации, все больше исследований подтверждает участие этих мозговых структур в организации непространственной информации и формировании суждений.

Ключевые слова: когнитивные карты пространства, когнитивные коллажи, ориентировочные схемы, когнитивные пространства, ментальная школа, телесная школа.

Введение

Чтобы эффективно перемещаться на местности, мы полагаемся на внутренние представления о пространственной структуре мира. Чаще такие репрезентации называют когнитивными картами, концепция

которых впервые была предложена Э. Толменом [36, с. 189]. В серии экспериментов, изучающих навигацию крыс в лабиринте, было показано, что у грызунов формируется некое абстрактное топографическое знание, что-то вроде когнитивной карты лабиринта, а не просто воспроизведение последовательности движений в ответ

на зрительный стимул. Примечательно что Э. Толмен, наблюдая за поведением крыс, с различной степенью мотивированности и фрустрации, (очень голодные крысы или большое количество тупиков в лабиринте) отмечал, что они демонстрировали тенденцию к созданию очень «узких» ограниченных маршрутных карт и в меньшей степени проявляли способности к построению сложных подробных карт. Переноса свои идеи на человека, он выдвинул гипотезу: хорошо детализированные карты нашего социального окружения полезны человеку, в то время как узкие - являются результатом негативных установок и состояний. Однако, даже в работе Э. Толмена конструкт когнитивные карты не получил четкого определения: с одной стороны - это некое абстрактное топографическое знание, ментальная карта местности, с другой - карты, подверженные аффективным искажениям.

В литературе данный теоретический конструкт приобрел еще больший разброс применений. Например, можно встретить работы, особенно по лингвистике и гуманитарным наукам, где когнитивными картами называют упрощенное описание картины мира индивида или структурирование знаний посредством организации пространственной структуры информации.

В работах по нейробиологии впервые этот термин был использован Джоном О'Кифом в 1971 году в исследованиях гиппокампа у крыс. Ученый открыл особый класс клеток в гиппокампе, которые активировались, когда крыса находилась в определенном локусе пространства и меняли свою активность, когда животное перемещалось в другие места. Ссылаясь на работу Э. Толмена, гиппокамп стали сравнивать с когнитивной картой в мозге [28, с. 488; 21, с. 670]. Также в других исследованиях свойств гиппокампа и прилежащих структур можно встретить термины «пространственная репрезентация» и «карта пространства» [16, с. 802; 25, с. 81).

В психологии когнитивные карты пространства относятся к классу ментальных репрезентаций, которые являются одним из самых сложных понятий в современной психологической науке. Существуют различные подходы к пониманию ментальных репрезентаций, например, ментальная репрезентация как содержание или как формат психического отражения. Также их делят на два класса: единый формат или множественный формат репрезентации. Множественный формат подразумевает, что имеется несколько принципиально различных форматов хранения информации. В свою очередь формы репрезентации обладают различными свойствами, т.е. специфический формат входа, хранения и выхода. Например, самая известная модель двойной репрезентации – это модель А. Пайвио, согласно которой существует две системы репрезентации – образная и вербальная [29]. С. Косслин уточнил предыдущую идею, описав ментальную репрезентацию как образную (аналоговую) и пропо-

зициональную (абстрактную) [19, с. 249]. В большинстве исследований аналоговая репрезентация связывалась с образным кодом, который обладает рядом отличительных свойств: содержит топологические свойства объектов, не связан с определенной перцептивной модальностью и является более абстрактным, чем визуальное кодирование и благодаря пространственным свойствам может организовывать информацию, которая не обладает пространственными характеристиками [4, с. 480].

Придерживаясь подобной логики рассуждений Б. Тверски предложила использовать вместо термина когнитивные карты – когнитивные коллажи как тематические наложения различного рода знаний, к которым можно отнести: фрагменты памяти о маршрутах или местах, включая те, о которых мы читали или слышали, фактах о расстояниях, направлениях, часовых поясах, климате, времени перелета или переезда и другие [37, с. 132]. Все это может быть использовано для суждений о пространственной близости и топологии объектов.

На данный момент Б. Тверски является одним из наиболее известных исследователей пространственной навигации, пространственного мышления и когнитивных механизмов, которые их обеспечивают. Под ее руководством было проведено множество исследований и собрано большое количество данных о том, каким именно искажениям подвержены пространственные репрезентации, как люди выносят суждения о расположении различных объектов, начиная от предметов и заканчивая городами и странами. В рамках рассмотрения подходов к изучению пространственного познания Б. Тверски выделяет 2 исследовательские традиции. Ментальная школа – анализирует систематические ошибки в пространственной памяти и суждениях, рассматривая это как неизбежный процесс даже в условиях нормальной работы перцептивных и когнитивных процессов, т.е. выдвигает на передний план ошибки. Телесная школа – изучает навигацию в реальном пространстве, а именно, влияние различных сенсорных стимулов и систем на успешную ориентацию в пространстве.

Когнитивные карты как когнитивные коллажи. «Ментальная» школа.

«Ментальная» школа изучает пространственные суждения и те ошибки, которые возникают систематически, являющиеся следствием построения репрезентации пространства определенным способом с использованием различной информации [38, с. 21; 34, с. 432; 20, 198]. Здесь вводится ряд факторов, искажающих память и оценку окружающего пространства, которые можно разделить на 2 большие группы.

Первая группа – ошибки расстояния, подверженные нерелевантным факторам:

— иерархические представления, т.е. элементы,

относящиеся к одной группе, воспринимаются расположенным ближе, чем те же элементы, относящиеся к разным группам. Группы могут формироваться по географическому признаку (штаты и страны), а также по функциональному (расстояния между двумя учебными корпусами оцениваются как меньшие, чем по сравнению с учебным и коммерческим зданием), или смысловому (арабы воспринимают расстояние между двумя арабскими поселениями как меньшее, чем между арабским и еврейским) [17, 210];

- количество информации, встречающейся на протяжении маршрута, т.е. на суждения о длине маршрута влияет количество поворотов, указателей, перекрестков, а также наличие преград и другой информации – все это увеличивает оценку расстояния. Например, авиадиспетчеры склонны переоценивать субъективные представления о расстояниях там, где загруженность полетов выше, т.е. присутствует функциональная перегрузка [3, с. 112; 2] знакомость объекта, т.е. расстояние до достопримечательности представляется короче, чем такое же расстояние до обычного здания;
- когнитивные перспективы (искажение, связанное с перспективой, когда расстояния между близлежащими объектами кажутся больше, чем между дальними; наблюдается при оценке расстояния по памяти);

Вторая группа – ошибки направления, т.е. ошибки в суждениях о направлении:

- иерархическая организация, имеется в виду, что суждения о взаимном расположении двух объектов выводятся на основании их принадлежности к более общим классам. Например, суждения о расположении городов из разных штатов, выводятся из взаимного расположения штатов;
- когнитивные ориентиры (описание или запоминание менее известных объектов относительно более известных достопримечательностей) [11, с. 95];
- выравнивание относительно других объектов (когда два объекта или более группируются в памяти, и запоминаются как выровненные относительно горизонтальной или вертикальной оси и друг друга);
- вращение относительно системы отсчета;

Причиной этих многочисленных ошибок, по мнению Б. Тверски, является схематизация репрезентаций, вследствие действия принципов перцептивной организации. Например, выделение фигуры на фоне (здания, дороги, города или страны, смотря что служит объектом представления). Соотнесение фигур друг с другом сокращает в памяти расстояние между ними, по сравнению с реальностью. А сама репрезентация является приближенной, упрощенной, лишенной подробностей, что и

приводит к появлению ошибок. В пользу использования механизма схематизации выделяется несколько причин. Первая причина – схематизация способствует интеграции различных репрезентаций. Здесь имеется в виду, что большинство пространств, в которых мы ориентируемся, являются слишком обширными, чтобы мы могли охватить их с одной позиции. Для этого нам необходимо объединять различные репрезентации по мере освоения этих мест или знаний о них. Вторая причина – схематизация уменьшает нагрузку на рабочую память. Суждения о расстояниях, расположении, маршрутах и другая информация удерживаются в рабочей памяти, объем которой ограничен. Для вынесения суждений требуется извлечение информации из долговременной памяти, которые вряд ли хранятся в виде связанных репрезентаций, и их организацию. Все эти операции, а также вынесение суждений выполняются в рабочей памяти, и это очень трудоемкий процесс, схематизация способна уменьшить нагрузку в первую очередь, за счет отбора тех черт и отношений, которые наилучшим образом отражают значимую информацию. Еще одной причиной почему ментальная навигация подвержена ошибкам, по сравнению с телесной – это использование среды, в качестве контекста, который корректирует навигацию, направляет и ограничивает реальное поведение. Действительно, если сравнить, насколько точно мы передвигаемся в пространстве, находим путь, обходим препятствия и т.д. с ментальной навигацией, которая лишена такого контекста (подсказок), это становится очевидным. Для памяти ориентиры и средовые подсказки превращают задачу припоминания в задачу узнавания.

В отечественных исследованиях, есть работы, где когнитивные карты рассматриваются как функциональные единицы опыта [1, с. 29], т.е. образ пространства или карта местности, которая связана с эпизодической памятью, включая знания и опыт о данном месте, совершенной деятельности, пережитыми эмоциями и аффектами, и любыми другими биологически значимыми событиями для индивида. Обобщив, можно сказать, что они интегрируют в себе декларативное знание (ЧТО) и процедурное знание (КАК). В связи с чем такие мысленные репрезентации пространства подвержены многочисленным искажениям: аффективным, волевым, мотивационным, эмоциональным, профессиональным, что было показано во многих исследованиях [3, с. 107; 6, с. 543].

Например, в работе Курта Левина «Военный ландшафт», на которую ссылается И. Блинникова, описано как восприятие пространства искажается под влиянием актуальных и предполагаемых действий. Автор отмечает, что направленность и границы ландшафта изменяют свои характеристики в зависимости от того, наступают войска или держат оборону, т.е. образ пространства может трансформироваться при изменении функционального значения местности. И. Блинникова, подытожив,

пишет, что репрезентации окружающего мира неотделимы от деятельности, которую они обеспечивают, тем самым, переводя вопрос ментальных репрезентаций в плоскость более глубокого анализа с позиций деятельностного подхода [1, с. 30]. Продолжая такой ход рассуждений, были выполнены другие эксперименты, которые показали влияние негативных эмоциональных состояний на восприятие. Например, испытуемые перемещались по виртуальным комнатам, но в экспериментальной группе вхождение в некоторые комнаты запускало устрашающий сигнал (крик). В результате, было установлено, что субъективный размер комнат уменьшался под воздействием испуга, а при отсутствии негативных эмоций воспринимаемый размер не менялся [5, с. 121].

Таким образом, подход Б. Тверски, как когнитивного психолога лежит в другой плоскости – изучение когнитивных процессов в отрыве от мотивационной и аффективной сферы, тогда как российские ученые, с позиции деятельностного подхода проводят более глубокий анализ. Также стоит отметить, что метод, которым пользовались исследователи, был основан на воспроизведении образов памяти, испытуемых обычно просили изобразить расстояния и расположение объектов на бумаге, вспомнить и назвать объекты или расстояния, или выбрать подходящую карту из набора дистракторов. Помимо названных, использовались методы многомерного шкалирования, позволяющие восстановить структуру образа по результатам метрических или порядковых оценок расстояний между точками карты.

Когнитивные карты как ориентировочные схемы «Телесная школа»

В исследованиях, отнесенных к данному подходу, когнитивные карты изучались в контексте пространственной ориентации, сенсорных систем и механизмов, обеспечивающих точность пространственной навигации. Здесь внимание исследователей направлено на изучение вопросов, касающихся того, за счет каких механизмов и систем выстраивается внутренняя репрезентация пространства, типы репрезентаций и их компоненты, что есть точка отсчета, ориентиры и система координат, как происходит пространственное обучение. Исследуются разнообразные признаки – зрительные, кинестетические, слуховые, вестибулярные. Таким образом, можно сказать, что в данном направлении когнитивные карты изучаются не как мысленный образ пространства, воспроизведенный из долговременной памяти, а изучается сам процесс ориентации, включающий механизмы обновления местоположения субъекта, ведь любая карта будет абсолютно бесполезной, если мы не знаем своего расположения на ней.

Здесь стоит более подробно остановиться на исследованиях нейробиологов, а конкретно на открытии не-

скольких типов нейронов в гиппокампе и прилегающих к нему структурах, совместную работу которых сравнивают с работой GPS-навигатора [27]. Так, в 2014 году Дж. О'Киф и супруги М. и Э. Мозер получили Нобелевскую премию за открытие клеток, отвечающих за систему позиционирования в мозге.

Рассмотрим подробнее суть процесса навигации и то как это связано с когнитивными картами. На данный момент известно, что нейроны места, образуют поле CA1 в гиппокампе и активизируются, когда животное или человек находятся в определенном месте пространства, таким образом, что по активности определенного нейрона места можно определить положение субъекта в реальном мире. Внешним источником информации для них является энторинальная кора [15, с. 211]. В энторинальной коре находятся нейроны, отвечающие за поворот головы, нейроны границы, нейроны скорости и нейроны решетки или «клетки сетки». Нейроны направления головы активизируются, когда голова животного ориентирована в определенном направлении. Нейроны границы демонстрируют активность, когда животное приближается к границам экспериментальной площадки. Нейроны скорости коррелирует со скоростью перемещения животного. Активность этих нейронов не зависит от окружающей обстановки, а специфически модулируется скоростью движения. Нейроны решетки активизируются в определенных местах пространства, которые расположены на одинаковых расстояниях друг от друга. Если представить пространство поделенным сеткой меридианов и параллелей, то «нейрон решетки» будет активен в узлах такой сетки и образует что-то вроде сот, что позволяет картировать пространство любого масштаба. Интересно, что этот факт удалось проверить в исследованиях на людях, страдающих эпилепсией [26]. Ввиду проводимого лечения, с использованием вживленных электродов, ученым удалось провести серию экспериментов на пространственную ориентацию и зарегистрировать активность нейронов решетки в энторинальной коре. Оказалось, пациенты адаптировали свою систему координат (период сетки) в соответствии с размерами локации, выравнивая внутренний компас по границам и углам пространства на основании визуальных стимулов. Также было выявлено, что нейроны решетки у человека значительно отклоняются от шестиугольных форм, как это было показано у крыс [18, с. 234].

Эксперименты, в рамках данного направления, включают прежде всего в уменьшении сенсорной стимуляции и сокращения количества сигналов от окружающей среды, для того чтобы выявить вклад конкретного стимула или системы в процесс навигации. В данном случае, исследователи в качестве метода использовали реальное перемещение или виртуальное, при помощи систем виртуальной реальности. В качестве виртуальных сред создаются знакомые улицы или кварталы,

незнакомые пространства помещений или открытой местности, а также различные вариации лабиринтов. Во время прохождения заданий в таких средах может сниматься электрическая активность мозга человека посредством ЭЭГ, фМРТ и пр. При этом это могло быть как активное, так и пассивное перемещение, например, на передвижной платформе. Для изучения вклада различных сенсорных систем в построении когнитивных карт пространства, испытуемым предъявляли реальные и виртуальные лабиринты, а также уменьшенные копии этих лабиринтов, разные сегменты которых были изготовлены из разных материалов, чтобы участники смогли руками без использования зрения исследовать их. М. Миттельштадт изучал роль отолитов и проприоцепторов в сущностных характеристиках ориентации человека используя метод пассивного перемещения в пространстве при помощи раскручивающейся платформы [23, с. 340]. Также зарубежные и российские ученые по сравнению с предыдущими нейропсихологическими исследованиями со стандартными бумажными тестами для тестирования сложных процессов пространственного обучения и памяти, предлагают новые 3D виртуальные технологии для диагностики пациентов, страдающих легкими когнитивными нарушениями, деменцией и болезнью Альцгеймера [5, с. 118].

В рамках данного подхода большой объем исследований проводится в основном физиологами и нейробиологами. Конечно, наиболее информативным способом является прямое снятие электрической активности нейронов гиппокампа и прилежащих областей, но такие исследования возможно проводить только на животных. М. Мехта с коллегами провел эксперимент для сравнения активности клеток места в гиппокампе, которые кодируют пространство, при перемещении крысы в виртуальной и реальной среде [31, с. 1323]. Ученые ожидали увидеть схожую активность клеток места в обоих условиях, однако, в виртуальной среде 60% клеток места не показали никакой активности по сравнению с реальным перемещением. В итоге, это подтвердило ранее полученные данные, что клетки места получают не только визуальные сигналы, но и вестибулярные, кинестетические, слуховые и проприоцептивные. Они считают, что наличие всех сенсорных сигналов необходимо для полной активации клеток места, и только в реальной среде происходит абсолютное кодирование положения крысы. А также подчеркивают роль движения в построении ККП, т.к. восприятие наиболее эффективно во время движения, а перцептивные системы направлены на то, чтобы как можно полнее использовать информацию об организации среды и перемещение в ней самого наблюдателя. И. Сеченов отмечал, что активное передвижение раздвигает границы осваиваемого пространства, а ходьбу называл «дробным анализатором пространства». Движение способно изменять стимульную информацию об объектах, даже небольшое движение глаз открыва-

ет ранее закрытые стороны предметов. А когда мы поворачиваемся или открываем дверь, нам открываются совершенно новые виды, которые до этого были скрыты. Таким образом, любая среда включает в себя потенциальные возможности видения вещей, которые пока что скрыты. Эти рассуждения У. Найсера привели его к представлению, что такого рода возможности являются схемами, которые предвосхищают восприятие и любая актуальная информация, собранная в результате самодействия, сопоставляется с существующими схемами [7]. В данном случае, когнитивные карты, в противовес сложившейся в его время концепции, понимаемые, как умственные изображения среды, сравнивает и называет ориентировочными схемами. Ориентировочные схемы – это не просто совокупность схем отдельных объектов, они включают информацию о пространственных отношениях между объектами и их положением в среде, и имеют иерархическую организацию, т.е. ориентировочные схемы меньшего размера включены в более масштабные, что тоже было отражено у других авторов.

Стоит подчеркнуть активную направленность таких схем на поиск информации, которые принимают информацию и направляют действие. Эта концепция хорошо согласуется со взглядами Дж. О'Кифа, который говорит о свойствах гиппокампа и энторинальной коры, участвующих в навигации, как об эталонных картах (когнитивных картах) мозга, которые предвосхищают сенсорные стимулы, связанные с определенным движением. Следовательно, определяющей характеристикой класса ментальных представлений, известного как карта, является то, что она дает навигатору, движущемуся в пространстве - ожидание сенсорной информации при определенном движении в определенном направлении с определенной скоростью [27].

Когнитивные карты как когнитивные пространства

Ранее, мы упоминали, что в литературе имеется довольно большое количество исследований, где когнитивными картами называют структурирование знаний посредством организации пространственной структуры информации. Например, в исследовании в области межкатегориальной организации семантического поля было показано влияние пространственной организации на воспроизведение информации [24, с. 520]. Испытуемых просили назвать продукты, которые бы они взяли с собой, отправляясь с семьей в пустыню на месяц. Женщины называли продукты в той последовательности, как они расположены на кухне. В других экспериментах было показано влияние категоризированных списков слов на воспроизведение. Г. Бауэр и сотрудники использовали сложную иерархическую организацию понятий, где общий объем списка был равен 112 словам [10, с. 329]. После 1 попытки испытуемые воспроизводили 73

слова, а после третьей попытки все 112. А вот без применения иерархической организации слов испытуемые запоминали значительно меньше слов.

Примечательно то, что в современных исследованиях, опирающихся на последние накопленные знания о роли гиппокампа и прилежащих областей в пространственной навигации, все больше исследований подтверждает участие этих мозговых структур в организации непространственной информации и формировании суждений. Например, М. Пир с коллегами предложили различать когнитивные карты и когнитивные графы. Под когнитивными картами понималось представление пространства в евклидовом формате, где сохраняется топографическая информация: длина, глубина, высота. В свою очередь, когнитивные графы представляют собой местоположения (узлы), соединенные путями (связями или ребрами), но без информации об их ориентации относительно глобальной системы отсчета. М. Пирсом и другими авторами высказывается предположение, что когнитивная карта является важной репрезентативной структурой и используется не только для пространственной навигации, но и для рассуждений, умозаключений и памяти в самых разных областях знаний [9; 8, с. 501; 32, с. 480]. А. Сеонмин с коллегами провели интересное исследование, в котором было показано, что мозговой субстрат когнитивных карт (гиппокамп, энторинальная кора, вентромедиальная префронтальная кора и медиальная орбитофронтальная кора) организует абстрактную и дискретную реляционную информацию в когнитивную карту, для направления вынесения выводов [33, с. 1229]. В качестве стимульного материала использовалась иерархически организованная информация о социальном статусе людей из двух разных групп, после чего испытуемые должны были делать выводы о сравнении статуса пары людей из разных групп. Ученые показали, что гиппокамп и энторинальная кора, которые хорошо известны своей предполагаемой ролью в способности ориентироваться в физическом пространстве и одновременно их ролью в эпизодической памяти [14, с. 128], в более общем плане способствуют организации и навигации по социальным знаниям у людей, что также было отражено у других авторов [35, с. 239]. Предполагается, что у людей способность строить точную когнитивную карту взаимосвязей между абстрактной и дискретной информацией имеет решающее значение для принятия решений и обобщения на основе моделей высокого уровня. Таких же взглядов придерживается Дж. Беллмунд с коллегами, предложивший объединить

концепции когнитивной науки и философии с данными нейрофизиологии пространственной навигации у грызунов. Ученые утверждают, что принципы пространственной обработки информации в гиппокампе и энторинальной коре обеспечивают геометрический код для отображения информации когнитивных пространств для высокоуровневых процессов познания. Более того, авторы предлагают термин когнитивные пространства в качестве общего формата человеческого мышления, способного объединить концепции когнитивной науки и нейробиологии [9].

Добавить переход

Пожалуй первым, кто выступил с критикой Дж. О'Кифа, что гиппокамп – это место когнитивных карт пространства, был Эйхенбаум. Ученый с коллегами предположил, что роль гиппокампа в пространственном обучении – это пример применения его функции для более общего процесса обучения - изучения отношений. Здесь пространственные представления не составляют карту пространства, а вместо этого вносят вклад в общий принцип «связывания событий внутри эпизодов» [13, с. 221]. «Как следствие, это «пространство памяти» кодирует пространственные и непространственные отношения между событиями, обрабатывая пространственные отношения для навигации и серийные отношения для решения более абстрактных, непространственных отношений стимулов, таких как те, что обнаруживаются в транзитивном умозаключении» [13, с. 211; 12, с. 7110]. Стоит отметить, что все исследования в данном направлении используют методы фМРТ и ПЭТ для отслеживания работы гиппокампа и прилежащих областей при выполнении стандартных когнитивных задач.

Таким образом, в свете описанного выше направления исследований, многие авторы подмечают проницательность Э. Толмена, что когнитивные карты лежат в основе не только пространственной навигации, но и более общих психологических функций, а именно в вопросах как прошлый опыт направляет поведение. Здесь же можно вспомнить слова Б. Тверски, что пространственное мышление является основой абстрактного мышления. Однако, для того чтобы получить четкие доказательства, что те же отделы мозга и типы нейронов, которые обеспечивают пространственную навигацию, обеспечивают процессы мышления и вынесения суждений потребуется время и новые открытия о принципах работы мозговых структур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блиникова И.В. Когнитивные карты как функциональные единицы опыта // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Серия Психологические науки. 2012. Т. 7, № 640. С. 25–38.

2. Блинная И.В., Капица М.С., Барлас Т.В. Функциональные и эмоциональные искажения в пространственных представлениях // Вестник Московского университета. Сер.14. Психология. 2000. № 3.
3. Величковский Б.М., Блинная И.В., Лапин Е.А. Представление реального и воображаемого пространства // Вопросы психологии. 1986. № 3. С. 103-113.
4. Когнитивная психология: учебник для вузов / Блинная И.В., Воронин А.Н., Дружинин В.Н. [и др.] / под ред. В.Н. Дружинина, Д.В. Ушакова. М.: ПЕР СЭ, Ай Пи Эр Медиа, 2019. 480 с
5. Меньшикова Г.Я., Савельева О.А., Ковязина М.С. Оценка успешности воспроизведения эгоцентрических и аллоцентрических пространственных репрезентаций при использовании систем виртуальной реальности //Национальный психологический журнал. 2018. № 2 (30). С. 113-122.
6. Меньшикова Г.Я., Тетерева А.О., Пестун М.В. Влияние аффективных факторов на формирование когнитивных карт пространства/отв. ред //ВА Барабанщиков. М.: Ин-т психологии РАН. 2014. С. 542-548.
7. Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.
8. Behrens T.E. J. et al. What is a cognitive map? Organizing knowledge for flexible behavior //Neuron. 2018. T. 100. № 2. С. 490-509
9. Bellmund J.L. S. et al. Navigating cognition: Spatial codes for human thinking //Science. 2018. T. 362. №. 6415. С. eaat6766
10. Bower G.H. et al. Hierarchical retrieval schemes in recall of categorized word lists //Journal of verbal Learning and verbal Behavior. 1969. T. 8. №. 3. С. 323-343.
11. Bryant D.J., Tversky B., Franklin N. Internal and external spatial frameworks for representing described scenes //Journal of memory and language. 1992. T. 31. №. 1. С. 74-98.
12. Dusek J.A., Eichenbaum H. The hippocampus and memory for orderly stimulus relations //Proceedings of the National Academy of Sciences. 1997. T. 94. №. 13. С. 7109-7114.
13. Eichenbaum H. et al. The hippocampus, memory, and place cells: is it spatial memory or a memory space? //Neuron. 1999. T. 23. №. 2. С. 209-226.
14. Eichenbaum H., Yonelinas A. P., Ranganath C. The medial temporal lobe and recognition memory //Annu. Rev. Neurosci. 2007. T. 30. С. 123-152.
15. Fyhn M, Molden S, Witter MP, Moser EI, Moser MB. Spatial representation in the entorhinal cortex // Science. 2004 Aug 27;305(5688):1258-64. doi: 10.1126/science.1099901. PMID: 15333832
16. Hafting T. et al. Microstructure of a spatial map in the entorhinal cortex //Nature. 2005. T. 436. №. 7052. С. 801-806.
17. Hirtle S. C., Jonides J. Evidence of hierarchies in cognitive maps //Memory & cognition. 1985. T. 13. №. 3. С. 208-217.
18. Krupic, J., Bauza, M., Burton, S. et al. Grid cell symmetry is shaped by environmental geometry // Nature 518, 232–235 (2015).
19. Kosslyn S.M. Chosts in the minds machine. N.Y.: Norton, 1983. 249 p
20. Lloyd R., Heivly C. Systematic distortions in urban cognitive maps //Annals of the Association of American Geographers. 1987. T. 77. №. 2. С. 191-207.
21. McNaughton B.L. et al. Path integration and the neural basis of the cognitive map //Nature Reviews Neuroscience. 2006. T. 7. №. 8. С. 663-678.
22. Michael Peer, Iva K. Brunec, Nora S. Newcombe, Russell A. Epstein, Structuring Knowledge with Cognitive Maps and Cognitive Graphs, Trends in Cognitive Sciences, Volume 25, Issue 1, 2021, Pages 37-54, ISSN 1364-6613, <https://doi.org/10.1016/j.tics.2020.10.004>.
23. Mittelstaedt H. The Role of the Otoliths in Perception of the Vertical and in Path Integration // Annals of the New York Academy of Sciences. (1999). 871(1 OTOLITH FUNCT), 334–344.
24. Morton J., Byrne R. Organization in the kitchen //Attention and performance. 1975. T. 5. С. 517-529.
25. Moser E.I., Kropff E., Moser M.B. Place cells, grid cells, and the brain's spatial representation system //Annu. Rev. Neurosci. 2008. T. 31. С. 69-89
26. Nadasdy Z., Nguyen T.P., Török Á., Shen J.Y., Briggs D.E., Modur N.P., Buchanan R.J. Context-dependent grid cells in the human brain // Proceedings of the National Academy of Sciences Apr 2017, 114 (17) E3516 E3525; doi: 10.1073/pnas.1701352114.
27. O'Keefe J., Dostrovsky J. The hippocampus as a spatial map: preliminary evidence from unit activity in the freely-moving rat //Brain research. – 1971
28. O'Keefe, J., & Nadel, L. The hippocampus as a cognitive map // Behavioral and Brain Sciences. (1979). 2(4), 487-494. doi:10.1017/S0140525X00063949
29. Paivio A. Mental representations: A dual coding approach. – Oxford university press, 1990.
30. Park S.A. et al. Map making: constructing, combining, and inferring on abstract cognitive maps //Neuron. 2020. T. 107. №. 6. С. 1226-1238. e8
31. Ravassard P., Kees A., Willers B., Ho D., Aharoni D.A., Cushman J., Aghajani Z.M., Mehta M.R. Multisensory Control of Hippocampal Spatiotemporal Selectivity // Science 14 Jun 2013; Vol. 340, Issue 6138, pp. 1342-1346 DOI: 10.1126/science.1232655.
32. Schafer M., Schiller D. Navigating social space //Neuron. 2018. T. 100. №. 2. С. 476-489.
33. Seongmin A. Park, Douglas S. Miller, Hamed Nili, Charan Ranganath, Erie D. Boorman, Map Making: Constructing, Combining, and Inferring on Abstract Cognitive Maps, Neuron, Volume 107, Issue 6, 2020, Pages 1226-1238.e8, ISSN 0896-6273, <https://doi.org/10.1016/j.neuron.2020.06.030>
34. Stevens A., Coupe P. Distortions in judged spatial relations //Cognitive psychology. 1978. T. 10. №. 4. С. 422-437
35. Tavares R.M. et al. A map for social navigation in the human brain //Neuron. 2015. T. 87. №. 1. С. 231-243.
36. Tolman E.C. Cognitive maps in rats and men //Psychological review. 1948. T. 55. №. 4. С. 189
37. Tversky B. Distortions in cognitive maps //Geoforum. 1992. T. 23. №. 2. С. 131-138.
38. Tversky, B. Cognitive Maps, Cognitive Collages, and Spatial Mental Models (1993). LNCS. 716/1993. 14-24. 10.1007/3-540-57207-4_2.

© Захарова Дарья Александровна (dar9l.zaharova@gmail.com), Меньшикова Галина Яковлевна (gmenshikova@gmail.com), Ковалев Артем Иванович (artem.kovalev.msu@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИЗУЧЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ СЕМЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ¹

Коломиец Евгений Анатольевич

Старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский
государственный университет», (г. Хабаровск)
dvggu-kolomiets@mail.ru

Ткач Елена Николаевна

Кандидат психологических наук, доцент, ФГБОУ ВО
«Тихоокеанский государственный университет»,
(г. Хабаровск)
elenat3004@mail.ru

STUDYING THE QUALITY OF LIFE OF FAMILIES RAISING DISABLED CHILDREN: A REVIEW OF MODERN FOREIGN RESEARCH²

**E. Kolomiets
E. Tkach**

Summary: The authors of the article address the problem of the quality of life of families raising disabled children. The purpose of the article is to present and analyze the positions of modern foreign (american and european) researchers studying the quality of life of families raising children with disabilities. The significant increase in the number of studies in this area in the last decade allows us to solve an important problem in the study of childhood disability, namely the implementation of an integrated theoretical and methodological approach aimed at revealing the perspectives and experiences of children with disabilities in relation to the quality of their lives and inclusion, including the points of view of parents and other key stakeholders would provide a better understanding of how key actors in children's lives place meaning on the child's quality of life and participation and how this relates to how children perceive their own life situations. Large-scale survey studies allow results to be compared on structural variables relevant to policy and practice, such as resource allocation. Comparisons with children without disabilities have been a significant and valuable part of the research conducted, especially with regard to child self-reported data. Comparison of the responses of children and their parents, as well as comparison with a group of children who are not disabled, helps to highlight contradictions and pay due attention to methodological and conceptual problems when planning quality of life studies, which can contribute to increasing the reflexivity of practitioners organizing and providing assistance to children. disabled people and their families.

Keywords: disabled children, quality of life, families, life situations, foreign researchers.

Аннотация: Авторы статьи обращаются к проблеме качества жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов. Цель статьи – представить и проанализировать позиции современных зарубежных (американских и европейских) исследователей, изучающих качество жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов. Значительный рост числа исследований в данной области в последнее десятилетие позволяет решать важную задачу в изучении детской инвалидности, а именно реализацию комплексного теоретического и методологического подхода, направленного на раскрытие перспектив и опыта детей с ограниченными возможностями в отношении качества их жизни и инклюзии, включение точек зрения родителей и других ключевых заинтересованных сторон позволило бы лучше понять, как ключевые действующие лица в жизни детей придают значение качеству жизни и участию ребенка и как это взаимосвязано с тем, как дети воспринимают свои собственные жизненные ситуации. Крупномасштабные исследования-опросы позволяют сравнивать результаты по структурным переменным, имеющим отношение к политике и практике, например, в отношении распределения ресурсов. Сравнение с детьми, не имеющими инвалидности, было значимой и ценной частью проведенных исследований, особенно в отношении данных, сообщаемых самими детьми. Сопоставление ответов детей и их родителей, а также сравнение с группой детей, не являющихся инвалидами, помогает подсветить противоречия и уделять должное внимание методологическим и концептуальным проблемам при планировании исследований качества жизни, что может способствовать росту рефлексивности специалистов-практиков, организующих и оказывающих помощь детям-инвалидам и их семьям.

Ключевые слова: дети-инвалиды, качество жизни, семьи, жизненные ситуации, зарубежные исследователи.

Проблема качества жизни, благополучия, счастья остается актуальной для многих исследователей в области психологии, социологии и других наук

и областей знания [1–9]. Исследования качества жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов, за последние годы находят отражение во многих междисциплинар-

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства науки и образования Российской Федерации, проект FEME-2023-0011 «Психологическое сопровождение семей детей-инвалидов при возникновении внутрисемейных трудностей отношений».

² The article was prepared as part of the state assignment of the Ministry of Science and Education of the Russian Federation, project FEME-2023-0011 «Psychological support for families of disabled children when intra-family relationship difficulties arise».

ных исследованиях, пытающихся рассмотреть проблему комплексно [10–16].

Цель статьи – представить и проанализировать позиции современных зарубежных исследователей, изучающих качество жизни семей, воспитывающих детей-инвалидов.

Нами были проанализированы американские и европейские исследования данной проблемы за период с 2012 г. по 2022 г. Это в основном небольшие качественные исследования (Stalker, 2012, Egilson S., Olafsdottir L, Hardonk S. 2021), а также масштабное исследование результатов опроса родителей, воспитывающих детей с ограничениями (Silva и др., 2019). Многие из этих исследований предоставляют частичную описательную точку зрения без претензии на теоретическое обоснование выявленных закономерностей, что ограничивает возможность тщательного изучения сложной динамики участия детей и молодых людей с ограниченными возможностями здоровья, а также качества их жизни.

Следует отметить, что из-за отсутствия необходимой адаптации методик инвалидность часто плохо представлена в исследованиях, целью которых является предоставление важной информации о благополучии в социальном контексте. Это послужило предпосылкой для обращения к исследованию IFE-DCY, целью которого было оценить качество жизни детей-инвалидов, по их словам, и представлению их родителей.

В статье описаны дизайн исследования, методология и методы, а также основные результаты. Представлены различные методологические и этические проблемы и то, как они были решены в связи с использованием критического подхода к исследованиям инвалидности (Goodley et al., 2019) в сочетании с применением смешанных методов (Mertens., 2013).

Оценку динамики качества жизни детей-инвалидов, возможно, лучше всего изучать с помощью смешанного метода, который позволяет получать и сравнивать обширные количественные и качественные данные. Хотя качество жизни и показатели участия важны для обеспечения возможности сравнения рейтингов детей с инвалидностью и не инвалидов и их родителей, они, тем не менее, имеют недостатки, поскольку не принимают во внимание уникальную точку зрения каждого ребенка на значимость установленных психологами норм качества жизни.

По нашему мнению, зарубежные исследователи недооценивают широту диапазона отношения к жизненным ценностям у представителей различных культур (Gibson, 2016). Таким образом, чтобы тщательно изучить

общие черты и различия между опытом детей с ограниченными возможностями здоровья, мы объединили количественные показатели с анализом точек зрения заинтересованных сторон с помощью контент-анализа статей, описывающих отдельные случаи.

Сравнивая и противопоставляя различные типы данных, мы стремились предоставить широкий спектр понимания аспектов, которые облегчают или ограничивают качество жизни детей с ограниченными возможностями здоровья. Мы также стремились определить рекомендации по расширению их возможностей для участия и проживания «хорошей жизни».

Сложности оценки феномена «качества жизни» и высокая субъективность создают проблемы для дизайна и методологии исследований, особенно когда исследование направлено на получение как обобщенных знаний, так и глубокого понимания того, как индивидуальный опыт формируется в определенных контекстах.

Мы опирались на исследование в рамках критического подхода к инвалидности (Goodley, 2014; Goodley et al., 2019; Meekosha & Shuttleworth, 2009), который способствует пониманию феномена «качества жизни». Теоретиков критических исследований инвалидности объединяет мнение о том, что люди с ограниченными возможностями здоровья недооцениваются и подвергаются дискриминации, и что это невозможно изменить простым изменением законодательства и политики (Goodley et al., 2019). Вместо этого необходимы новые формы знаний, которые ценят опыт людей с ограниченными возможностями как экспертов, помогающих бороться с маргинализацией и изоляцией. В соответствии с этим подходом, данное исследование фокусируется на многочисленных недостатках и взаимных процессах исключения, которые могут повлиять на качество жизни и участие детей-инвалидов.

Исследователи стремились изучить возможности для хорошей жизни в ненормативных организациях и противостоять императиву, согласно которому дети должны соответствовать нормативным положениям. Через эту критическую призму выявлялось отношение к своему телу, эмоции и аффекты, в то время как культурные и структурные системы, мешающие жить с ограниченными возможностями, подвергаются критике (Goodley et al., 2019; Meekosha & Shuttleworth, 2009; Meekosha et al., 2013).

Большинство исследователей считают, что основой теоретической перспективы является преобразующая общество структура, которая фокусируется на генерировании знаний, имеющих отношение к социальному контексту и подчеркивающих социальную справедливость, роль культурных различий в определении

реальности жизни инвалидов и конкретные вопросы, важные для маргинализированных групп (Мертенс, 2007; Mertens et al.). Это согласуется с нашим критическим подходом и подсвечивает важность проведения исследований, направленных на укрепление доверия к участникам и прозрачность целей и стратегий посредством партнерства и диалога между исследователями и сообществами инвалидов.

Статья 7 Конвенции о правах инвалидов (Организация Объединенных Наций, 2007 г.) гласит, что мнениям детей-инвалидов следует уделять должное внимание наравне с мнениями других детей, однако есть признаки того, что их могут не услышать или есть опасения, что они не будут приняты во внимание в исследованиях и практике (Andersen & Dolva, 2014, Bekken, 2017; Einarsdóttir & Egilson, 2016; Wickenden, 2019).

Сосредоточив внимание на раскрытии процессов получения знаний о самом понятии «качество жизни» и «инклюзивность», исследователи приходят к выводу о том, что они часто плохо или неадекватно определены, поскольку разные исследователи и дисциплины имеют разное понимание того, что желательно, поскольку разные исследователи и дисциплины имеют разное понимание того, что желательно и важно и что представляет собой «хорошая жизнь» (Coster et al., 2012); Dahan-Oliel et al., 2012; Dijkers, 2007; Fayers & Machin, 2016; Gibson, 2016; Haraldstad et al., 2019).

Однако большинство ученых сходятся во мнении, что качество жизни – это многомерная конструкция, отражающая восприятие человеком своей жизни и благополучия (Whoqol Group, 1995). Использование показателей качества жизни (QoL) важно для обеспечения возможности сравнения между группами, например, между взглядами детей-инвалидов и их родителей (Ravens-Sieberer et al., 2005).

Тем не менее, подобные измерения предполагают, что качество жизни является заранее существующим стабильным объектом, который можно обнаружить и измерить. Стандартизация неизбежно навязывает определенные нормативные представления о том, что представляет собой хорошая жизнь, предлагая набор вариантов, которые не принимают во внимание взгляды людей на значимость каждого из этих вариантов по отношению к их жизни (Гибсон, 2016).

Представления о том, что представляет собой хорошая или плохая жизнь, являются частью более широкого репертуара социально укорененных убеждений, которые определяют, как люди начинают понимать себя и других. Хотя субъективная удовлетворенность жизнью пропагандируется как наиболее важная концептуализация качества жизни, следует признать, что индивиду-

альные определения удовлетворенности не происходят в социальном вакууме, а скорее формируются преобладающими нормативными дискурсами нормальности и инвалидности.

Таким образом, личные суждения о качестве жизни всегда формируются в социокультурной среде, во времени и пространстве, а также под влиянием непосредственных обстоятельств, возможностей, эмоций и состояния ума (Гибсон, 2016).

Инклюзия также является многомерным явлением и обычно описывается как вовлеченность человека в жизненную ситуацию (Всемирная организация здравоохранения, 2001), подчеркивая повседневное функционирование и социальные роли. Некоторые указывают на отсутствие концептуальной ясности и операционализации понятия «инклюзия» (Maxwell et al., 2012; McConachie et al., 2006; Piskur et al., 2014), но обычно описываются два основных измерения: объективное измерение, отражающее включен ли кто-либо в повседневную социальную деятельность в определенной среде, а также субъективный аспект, отражающий вовлеченность, чувство принадлежности и удовлетворенность степенью вовлеченности в эту среду (Anaby et al., 2014; Coster et al., 2012).

В этих исследованиях конкретно рассматривались социальные и материальные особенности типичной среды детей и молодых людей дома, в школе и в их сообществах (например, социальные отношения, практики и традиции, физическое телосложение, сенсорное восприятие), чтобы определить, в какой степени они могут участвовать в различных уровнях инклюзии. Кроме того, как эти особенности окружающей среды повлияли на развитие у инвалидов адаптации и принятия, которые могли бы способствовать инклюзии (Egilson & Hemmingsson, 2009; Egilson, Jakobsdottir, et al., 2017; Egilson et al., 2018; Imms & Granlund, 2014; Кригер и др., 2020).

Опираясь на это сочетание критических исследований инвалидности, мы считаем, что западные психологи выдвигают на первый план взгляды и перспективы детей с ограниченными возможностями здоровья, прежде всего как учет восприятия и ожидания их родителей и других ключевых заинтересованных сторон, чтобы лучше понять роль социальных контекстов, в которых формировался опыт детей. Это включало решения относительно инклюзии, принятые различными заинтересованными сторонами, а также структурами и процессами, которые способствовали или ограничивали инклюзию детей и молодых людей с ограниченными возможностями, их общее качество жизни и благополучие.

Особое внимание авторы обращают на взаимодействие между социальными и материальными особен-

ностями и процессами, которые влияют на качество жизни. Это было реализовано посредством особого акцента на (1) роли агентности и сопротивления, (2) роли языка во взаимодействиях между детьми и другими заинтересованными сторонами, (3) взаимодействие между опытом детей с ограниченными возможностями и средой, в которой они участвовали, и (4) пересечение инвалидности с другими аспектами жизни детей и молодых людей.

Были разработаны восемь исследовательских подходов: четыре количественных и четыре качественных метода.

1. Как дети-инвалиды оценивают свое качество жизни по сравнению с детьми без инвалидности?
2. Как дети-инвалиды оценивают свое качество жизни по сравнению со своими родителями?
3. Как родители детей-инвалидов оценивают качество жизни своих детей по сравнению с родителями детей без инвалидности?
4. Как родители детей-инвалидов оценивают участие своих детей и поддержку окружающей среды по сравнению с родителями детей без инвалидности?
5. Насколько представления детей и молодых людей с ограниченными возможностями о качестве своей жизни отличаются от представлений семьи, друзей и учителей и как это можно понять?
6. Как социокультурная и материальная среда взаимосвязана с качеством жизни и участием детей-инвалидов?
7. Каким образом дети с ограниченными возможностями активно участвуют в важных (лично ими определяемых) аспектах своей жизни?
8. Как конструкт «качества жизни» и инклюзия взаимосвязаны в жизни детей с ограниченными возможностями?

Исследователи отметили, что дизайн со смешанными методами наилучшим образом подходит для получения многогранной картины качества жизни и инклюзии (Carroll et al., 2018; Gibson et al., 2014). Первоначально на «этапе картирования» они использовали опросы для сравнения рейтингов качества жизни между детьми-инвалидами и детьми без инвалидности, между детьми-инвалидами и их родителями, а также между родителями детей-инвалидов и детей без инвалидности. Затем приступили к «этапу анализа», состоящему из качественных тематических исследований и интервью в фокус-группах, чтобы получить обширную информацию о ситуациях и перспективах детей и молодых людей с ограниченными возможностями. Этот этап был разработан для предоставления статистической информации о качестве жизни, участии и окружающей среде детей-инвалидов в возрасте 8–18 лет. Изучили, как дети с ограниченными возможностями здоровья оценивают различные аспекты своего качества жизни, и сравнили это с точками зре-

ния их родителей, детей без инвалидности и их родителей, чтобы передать существующие сходства и различия. Каждый случай был сосредоточен на ребенке-инвалиде и включал интервью с ребенком и, по крайней мере, с одним родителем и одним учителем, а также наблюдения и анализ документов.

Исследовательская группа разработала руководства по проведению интервью для детей, родителей и ключевых участников, таких как учителя и терапевты. Руководители интервью были ознакомлены с основными компонентами и анализом двух опросов, чтобы связать два этапа сбора данных. Таким образом, темы интервью охватывали различные аспекты участия ребенка в различных ситуациях, их вовлеченность и чувство принадлежности, дружбу и то, что они считали ключевыми аспектами хорошей жизни. Кроме того, детям предлагалось выбирать темы для разговора, которые они считали важными.

Обычно начинали с опроса родителей, чтобы собрать исходную информацию, которая позволит нам лучше завоевать доверие и установить взаимопонимание с их ребенком, а также убедиться, что исследователи сосредоточились на темах и проблемах, которые имеют отношение к конкретному ребенку (Teachman & Gibson, 2013). Наблюдения проводились в обычной для детей среде, например, дома, в школе и в местах отдыха, и были сосредоточены на возможностях детей к участию, их вовлеченности и взаимодействию со сверстниками и взрослыми.

Участники также поделились такими документами, как индивидуальный план обучения ребенка, школьные задания, фотографии и рисунки. Примерно через 6 месяцев после последнего интервью участники получили доступные резюме для просмотра и обсуждения, что также дало им возможность предоставить дополнительные комментарии исследователю лично или онлайн. Интервью обычно длились около 1 часа каждое, а наблюдения продолжались от двух до шести часов. Больше данных было получено с участниками в возрасте 8–13 лет, чем с участниками в возрасте 14–18 лет. Были проведены четыре фокус-группы с участием в общей сложности 10 мужчин-инвалидов и 11 женщин-инвалидов в возрасте 18–35 лет с целью (а) поместить детский опыт участников в более широкий контекст опыта более позднего периода жизни и (б) совместно поразмышлять над результатами их инклюзии в детстве.

Такой подход обеспечил совместную проверку и интерпретацию данных на тематическом уровне, что способствовало достоверности анализа. Эта работа послужила основой для последующего индуктивного и описательного анализа, который стал предметом презентаций и публикаций (например, Egilson, 2021).

Чтобы ответить на последние четыре вопроса исследования использовали описанные выше критические и преобразовательные подходы, чтобы пролить свет на то, как качество жизни приобретает смысл в зависимости от контекста, в котором оказались участники исследования.

Критические аналитические вопросы направляли анализ, например: Как участники понимают качество жизни и говорят о нем? Какие дискурсы, идеи, ценности и субъектные позиции они воспроизводят в своей речи? Как они воспроизводят общепринятые способы понимания инвалидности или сопротивляются им? Как характеристики окружающей среды детей, например, возраст, класс, место жительства, пол, сексуальность, тип нарушений, социальные и материальные условия, ожидания и практики, пересекаются, чтобы обеспечить или ограничить повседневные занятия детей?

В анализе была цель раскрыть процессы путем изучения повседневных практик и ответа на вопрос, почему они сохраняются, а также тщательного изучения текущих концептуализаций конструктов качества жизни и участия. Goodley, 2014; Meekosha & Shuttleworth, 2009; Meekosha et al., 2013). Эти концепции были использованы для выяснения того, как дети начинают считать себя инвалидами или включенными/исключенными, а также социальные факторы, которые, по-видимому, обеспечивают участие, качество жизни и дифференцированный доступ для детей с ограниченными возможностями здоровья.

С помощью этой аналитической структуры стремились разработать тонкую и подробную картину сложной сети индивидуальных и социальных структурных барьеров, с которыми сталкиваются дети с ограниченными возможностями, и того, как они приспосабливаются к ним или сопротивляются им. Особенно полезным было изучение сложной динамики и взаимодействия различных элементов, которые вместе составляют инвалидность в конкретной социальной сфере. Хотя дети с ограниченными возможностями могут обладать достаточным символическим и культурным капиталом, чтобы добиться успеха в такой области, как начальная школа, они очень переживают, что не могут гарантировать инклюзию в последующие этапы жизни. Поэтому исследователи сделали упор на то, чтобы побудить участников задуматься над идеями и понятиями, связанными с качеством жизни и инклюзией, которые часто воспринимаются как нечто само собой разумеющееся в профессиональных и академических кругах. Задача заключалась в том, как уважать свободу действий детей и молодых людей, одновременно признавая их изменчивые и меняющиеся позиции в разных средах и в разное время, участники «активно работали над созданием предпочитаемой идентичности и сопротивлением другим».

Аналогичным образом, многие дети-инвалиды, участвовавшие в исследовании, стремились представить себя способными и контролирующими ситуацию, хотя, как показали результаты, они сталкивались с различными проблемами, дискриминацией и несправедливостью.

Участники фокус-групп рассказали, как они, будучи подростками, преуменьшали значение большинства проблем, пытаясь представить себя сильными и/или компетентными. Вступая во взрослую жизнь, они все чаще осознавали различные трудности, с которыми они столкнулись, включая подавление стереотипов и инвалидизацию материальной и социальной среды, что часто оставляло их с ощущением своей неадекватности и/или ущербности. Хотя они становились все более критичными, они также не хотели, чтобы их считали жертвами.

Рост числа исследований в данной области в последнее десятилетие решает важную задачу в изучении детской инвалидности, а именно реализацию комплексного теоретического и методологического подхода, направленного на раскрытие перспектив и опыта детей с ограниченными возможностями в отношении качества их жизни и инклюзии, включение точек зрения родителей и других ключевых заинтересованных сторон позволило бы лучше понять, как ключевые действующие лица в жизни детей придают значение качеству жизни и участию ребенка и как это взаимосвязано с тем, как дети воспринимают свои собственные жизненные ситуации. Объяснительный подход со смешанными методами позволил провести важные сравнения внутри и между наборами данных для выявления сходств и различий на основе разработанной теоретической основы. Крупномасштабные исследования-опросы, подобные тем, что были нами проанализированы, позволяют сравнивать результаты по структурным переменным, имеющим отношение к политике и практике, например, в отношении распределения ресурсов.

Сравнение с детьми, не имеющими инвалидности, также было эффективной частью исследований, особенно в отношении данных, сообщаемых самими детьми, которые помещали опыт детей с ограниченными возможностями в более широкий контекст и вступал иногда в противоречие с нормативными представлениями о том, что должен включать конструкт «хорошая жизнь». Сопоставление ответов детей и их родителей, а также сравнение с группой детей, не являющихся инвалидами, помогает ответить на призыв ученых уделять пристальное внимание методологическим и концептуальным проблемам при планировании исследований качества жизни, может повысить рефлексивность социальных работников, педагогов-психологов и специалистов, которые организуют и оказывают поддержку детям-инвалидам и их семьям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зариковский Г.М. Качество жизни населения России: психологические составляющие. М.: Смысл, 2009. 319 с.
2. Лебедева А.А. Теоретические подходы и методологические проблемы изучения качества жизни в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 3–19.
3. Лебедева А.А., Леонтьев Д.А. Современные подходы к изучению качества жизни: от объективных контекстов к субъективным // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 4. С. 142–162. DOI: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130409>
4. Леонтьев Д.А. Качество жизни и благополучие: объективные, субъективные и субъектные аспекты // Психологический журнал. 2020. № 41(6). С. 86–95. DOI:10.31857/S020595920012592-7
5. Леонтьев Д.А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 14–37. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.02
6. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. DOI:10.14515/monitoring.2020.1.06
7. Рассказова Е.И. Качество жизни как междисциплинарная проблема: теоретические подходы и диагностика качества жизни в психологии, социологии и медицине // Теоретическая и экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 59–71.
8. Савченко Т.Н., Головина Г.М. Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования. М.: Изд-во Ин-та психологии РАН, 2006. 170 с.
9. Скрипкина Т.П., Нехорошева И.В. Отличия в основных показателях субъективного качества жизни между людьми с разной нравственной направленностью // Социальная психология и общество. 2013. № 2. С. 50–58.
10. Stalker K. (2012). Researching the lives of disabled children and young people. *Children & Society*, 26, h. 173–180.
11. Egilson S., Olafsdottir L., Hardonk S. (2021) Life Quality and Participation of Disabled Children and Young People: Design and Methods of a Transformative Study// *International Journal of Qualitative Methods* May 12, 2021
12. Silva N., Pereira M., Otto C., Ravens-Sieberer U., Canavarro M.C., Bullinger M. (2019). Do 8 to 18-year-old children/adolescents with chronic physical health conditions have worse health-related quality of life than their healthy peers? A meta-analysis of studies using the KIDSCREEN questionnaires. *Quality of Life Research*, 28(7), p. 1725–1750.
13. Goodley D., Lawthorn R., Liddiard K., Runswick-Cole K. (2019). Provocations for critical disability studies. *Disability & Society*, 34(6), p. 972–997.
14. Mertens D.M., Sullivan M., Stace H. (2013). Disability communities. Transformative research for social justice. In Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.), *The landscape of qualitative research* (4th ed., p. 475–505).
15. Gibson B.E. (2016). *Rehabilitation, a post-critical approach*. CRC Press, Taylor & Francis Group.
16. Goodley D. (2014). *Dis/ability studies: Theorising disability and ableism*. Routledge.

© Коломиец Евгений Анатольевич (dvggu-kolomiets@mail.ru), Ткач Елена Николаевна (elenat3004@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИЧИНЫ АБОРТОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПЕРЕУБЕЖДЕНИЯ ЖЕНЩИН ОТ ИДЕИ ИСКУССТВЕННОГО ПРЕРЫВАНИЯ БЕРЕМЕННОСТИ

CAUSES OF ABORTION AND PSYCHOLOGICAL METHODS OF CONVINCING WOMEN FROM THE IDEA OF ARTIFICIAL TERMINATION OF PREGNANCY

**L. Matyushkina
T. Nevezhkina
N. Averkina
S. Akhmetova
A. Sadkina
E. Talyzina
T. Kapustina**

Summary: The problem of abortion, at the woman's own request, in the Russian Federation is a social, financial and demographic problem. Consultation with a psychologist before terminating a pregnancy is one of the important conditions for the final adoption of a balanced and deliberate decision to have an abortion. We have identified the most common reasons for artificial termination of pregnancy at the woman's own request. And also conclusions were drawn about the direction of solving this problem.

Keywords: abortion, induced abortion, psychology, psychological pre-abortion counseling, abortion psychology.

Матюшкина Людмила Семеновна

канд. мед. наук, доцент, Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
doctor-lsm@yandex.ru

Невежжина Татьяна Андреевна

канд. мед. наук, доцент, Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
www.tanya.ru9292@mail.ru

Аверкина Николь Алексеевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
nikol.averkina.022@mail.ru

Ахметова София Евгеньевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
sofiya-ahmetova@mail.ru

Садкина Анастасия Витальевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
anastasiya-sadkina@mail.ru

Талызина Елена Александровна

канд. мед. наук, доцент, Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
evgensolo@mail.ru

Капустина Татьяна Викторовна

Доцент, Тихоокеанский государственный медицинский университет (г. Владивосток)
12_archetypesplus@mail.ru

Аннотация: Проблема абортов, по собственному желанию женщины, в Российской Федерации носит социальную, финансовую и демографическую проблему. Консультация психолога, перед прерыванием беременности, является одним из важных условий окончательного принятия взвешенного и обдуманного решения аборта. Нами были установлены наиболее частые причины искусственного прерывания беременности по собственному желанию женщины. А также сделаны выводы о направленности решения данной проблемы.

Ключевые слова: аборт, искусственное прерывание беременности, психология, психологическое доабортное консультирование, психология аборта.

Актуальность

Искусственное прерывание беременности продолжает оставаться одной из острых проблем современности. К сожалению, в настоящее время женщины безответственно подходят к принятию решения об аборте, отказываясь от работы с психологом на всех этапах подготовки к прерыванию беременности по соб-

ственному желанию [10].

ВОЗ определяет аборт как прерывание беременности (самопроизвольное изгнание или извлечение эмбриона/плода) в период до 22 недель беременности или до достижения плодом массы 500 граммов. В нашей статье речь пойдет об искусственном аборте, то есть об индуцированном прерывании беременности.

По данным современной литературы наиболее частыми причинами абортов служат [5, 6, 8]: недостаточная материальная обеспеченность, недостаточная жилищная обеспеченность, ориентация на карьеру, возрастная категория 20-30 лет, раннее материнство и ранний брак, образование, наличие ребенка и др.

Более 30 лет назад ВОЗ признала аборт серьезной проблемой охраны репродуктивного здоровья женщины. Согласно статистике ВОЗ от 25 ноября 2021 г. каждый год в мире проводится порядка 73 миллионов искусственных абортов. Ими заканчиваются 6 из 10 (61%) всех случаев нежелательной беременности и 3 из 10 (29%) всех случаев беременности [7, 13]. При этом 13% обусловленных беременностью смертей приходится на осложнения, связанные с небезопасным абортом, что соответствует приблизительно 67 тыс. смертей ежегодно [7]. Бесплодна в результате первого аборта каждая пятая женщина. В настоящее время 40% абортов делается по желанию женщины, 25% - выполняются по причине угрозы здоровью женщины, 23% - различные социальные проблемы, и в 12% случаев искусственное прерывание беременности производится по причине аномалий развития плода. Согласно статистическим данным у 75% девушек, начавших половую жизнь до 20 лет, прерывают первую беременность. Ежегодно в России выполняется более 1 млн. 200 тыс. абортов. На сегодняшний день наша страна занимает лидирующие позиции по количеству абортов в процентном отношении к общему числу рожденных детей [10].

В настоящее время выделяют три возможных способа прерывания беременности: хирургическая операция с выскабливанием полости матки (ХА), вакуум-аспирация, медикаментозный аборт.

Последствия ХА различны и часто приводят к различным острым осложнениям: кровотечение, инфекция, травма шейки матки и др., а также хроническим: хронический эндометрит, бесплодие, внематочная беременность и т.д. Доказано, что дети от матерей с ХА в анамнезе чаще рождаются с нарушениями мозгового кровообращения и другими заболеваниями, что приводит к учащению детской заболеваемости и смертности.

С 60-х годов прошлого столетия помимо ХА стали применять метод для прерывания беременности на сроках до 12 недель — метод вакуум-аспирации (ВА). Метод действенен и приводит к меньшим побочным эффектам, чем традиционный ХА. Преимущества ВА заключается в скорости процедуры, минимальной кровопотере, снижении риска перфорации матки, развития инфекции. Однако, методом выбора остается медикаментозное прерывание беременности [1, 14, 15].

Экспертами ВОЗ определено, что наиболее без-

опасным методом прерывания беременности является медикаментозный аборт (МА). При этом наименьшее число и тяжесть осложнений наблюдается при искусственном прерывании беременности в ранние сроки – до 6 недель. Нехирургическими методами проведения искусственного аборта в ранние сроки беременности являлось применение антипрогестероновых, простагландиновых препаратов, цитостатиков и комбинированных схем.

Таким образом, преимуществами МА являются: быстрый реабилитационный период, за счет исключения повреждения функционального и базального слоев матки, уменьшает риски инфицирования [2].

МА беременности в развитых странах на сегодняшний день является преимущественным. МА намного безопаснее для репродуктивного здоровья женщины по сравнению с ХА и ВА, что подтверждается многими исследованиями как за рубежом, так и в России, включая отдаленные последствия и осложнения после разных методов прерывания беременности.

Статистический обзор литературы с 1930 г. свидетельствовал о постепенном росте числа абортов. С 1936 года аборты были запрещены. Однако, запрет на аборты не сократил их количества, аборт перешел из легальной сферы в нелегальную, что привело к резкому увеличению материнской смертности. Советское государство изменило политику в отношении абортов, и в 1955 году Президиум Верховного Совета СССР принял Указ «Об отмене запрещения абортов». В связи с чем были легализованы аборты по желанию женщины.

На данный момент в обществе имеется три основных мнения по поводу абортов: Одни ученые считают, что жизнь имеет право на существование при любых обстоятельствах. Другие сторонники свободного права выбора. Третьи говорят об аборте только в исключительных случаях: угроза здоровью и жизни матери, изнасилование и инцест.

Несмотря на существование разногласий, установлено, что искусственное прерывание беременности приводит к тяжелым последствиям для женщины [3]. Самым частым осложнением является комплекс психических и нравственных проблем и осложнений, не проходящих с годами, а именно - постабортный синдром.

По данным 2023 года в России женщина не может прервать беременность без прохождения консультации психолога. В своих рекомендациях Г.Г. Филиппова говорит о том, что беременность воспринимается женщиной как переходный период, который нередко сопровождается кризисными переживаниями [12]. Даже планируемая и желанная беременность связана с противоречивым

психологическим состоянием, в котором одновременно женщина может испытывать амбивалентные эмоции. В этот период женщине свойственны раздражительность, немотивированная агрессия, повышенная ранимость, страхи о будущем и др. Также со стороны женщины в период беременности выявляется большая потребность в заботе и внимании партнера.

Особенностью преабортного консультирования женщин в женских консультациях является их обязательный характер. Такая постановка вопроса влечет за собой то, что многие из женщин приходят к психологу на консультацию не по собственному желанию, и, следовательно, не мотивированы к сотрудничеству с психологом. Среди женщин, обращающихся для прерывания беременности, существует убеждение, что основная цель работы психолога – это уговорить, убедить клиента изменить свое решение в пользу сохранения беременности.

Исходя из вышесказанного, на этапе знакомства психолога с пациенткой важно прояснять цели работы, делая акцент на том, что психолог стоит на стороне интересов женщины, принимая любой сделанный ею выбор. Следует отметить, помимо отсутствия мотивации к работе с психологом, пациентки женской консультации до обращения к врачу для проведения процедуры аборта, как правило, уже сформировали свое решение. Психолог сталкивается с необходимостью не только вызвать интерес пациентки к ее собственной ситуации и анализу различных аспектов, а также обращать особое внимание на степень уверенности в уже принятом ей решении.

Несмотря на существующие данные о грозных осложнениях аборта, важности до- и постабортного консультирования, женщины продолжают искусственно прерывать беременность, а численность аборт в РФ по-прежнему остается на высоком уровне.

Цель исследования:

Установить наиболее частые психологические причины искусственного прерывания беременности в Приморском крае.

Организация и методы исследования:

Было проведено анкетирование 128 женщин, планирующих прерывание беременности в сроке от 3 до 22 недель беременности в женской консультации Владивостокского родильного дома № 4. В исследование приняли участие женщины от 18 и до 45 и более лет, в сроке до 12 недель беременности. Средний возраст женщин составил $31 \pm 2,1$ год. Из них 106 женщин состоят в браке, и у 114 женщин уже есть дети.

Исследование состояло из 2 этапов. На первом этапе было проведено анкетирование, на втором анализ полученных данных.

Для опроса нами была составлена анонимная анкета, включающая вопросы о возможных причинах аборта. Анкета включает в себя 22 вопроса социального, психологического и информационного характера (Приложение 1).

На втором этапе была произведена обработка анкет и анализ ответов респондентов (в % от числа респондентов). Статистическую обработку данных проводили с помощью программы Microsoft Excel, 2019 год. Данные представлены как средние значения.

Результаты

Нами установлено, что наиболее часто на аборт решаются женщины, у которых есть один ребенок – 44% (57 человек). По данным опроса большинство женщин состоят в браке со своим мужчиной – 83% (106 человек), причем почти все из этих мужчин трудоустроены – 98% (104 человека), несмотря на это, только 61% опрошенных (78 человек) довольны финансовой составляющей своего партнера, что, вероятно, также служит препятствием к решению о сохранении настоящей беременности у остальных 39% (50 человек). При всем этом 61% беременных (78 человек) довольны своим собственным материальным состоянием и только – 39% (50 человек), могли бы связывать свое решение с отсутствием достаточного количества денежных средств.

Более того, 70% женщин (90 человек) удовлетворяют их жилищно-бытовые условия, 77% (98 человек) справляются со своими домашними обязанностями, а 81% (104 человека) уже обеспечены всем необходимым для жизни ребенка в квартире.

Опрошенные женщины уверены, что на их решение не повлияло давление близкого окружения 92% (118 человек) и общества 83 % (106 человек). 17% беременных (22 человека) подверглись мнению своего партнера, что также важно было проработать с психологом.

При всем этом установлено, что 68% женщин (87 человек) не изменили бы своих планов на жизнь в связи с появлением ребенка, а также 84% (107 человек) были морально готовы к рождению нового члена семьи, считая, что они стали бы хорошими матерями. 27% женщин (35 человек) связали свое решение с усталостью.

Если говорить об уровне информированности женщин о возможных неблагоприятных последствиях аборта, то 6% (8 человек) не имеют об этом достаточных сведений, 13% женщин (16 человек) при этом не знают, что последующие беременности часто заканчиваются преждевременными родами и выкидышами, а 9% (12 чело-

век) не осознают, что лишают возможности роста и развития нового организма.

При изучении психологической информированности и осознанности женщин, было установлено, что 85% беременных (109 человек) знают о существовании «постабортного синдрома», а 100% женщин (128 человек) считают свое решение о прерывании беременности обдуманным, но при всем этом, ни одна из опрошенных - 0% собирается посещать постабортное психологическое консультирование (Приложение 2, Таблица 1).

Обсуждение

Исходя из полученных результатов анкетирования, нами было установлено, что наиболее часто на аборт решаются женщины, у которых в семье уже есть дети. Более того, многие исследователи также обращают на это внимание в своих работах [5, 8, 9]. Так, данный фактор может быть связан с различными мотивами: фиксация на негативном образе родов предыдущей беременности, усталость от родительства, жесткая репродуктивная установка [5, 8]. «Страх перед беременностью и родами» характерен для женщин, переживших трудный опыт предыдущих беременностей. В ходе консультирования таких пациентов стоит обсудить возможности получения дополнительной медицинской помощи, необходимость прохождения курсов подготовки к родам [5]. В свою очередь, на аборт вследствие жесткой репродуктивной установки, «усталости от родительства» идут инфантильные женщины, ожидающие, что кто-то возьмет за них ответственность, успокоит, утешит. Важно отметить, что эти женщины уже имеют детей и справляются со своими родительскими обязанностями, что также было подтверждено нами с помощью анкетирования. В процессе консультации на этом стоит делать акцент, подтверждая их восприятие себя как взрослого человека [5]. Безусловно, появление в семье нового ребенка морально, физически и финансово тяжело для женщин, которые уже имеют детей, однако, работа с психологом помогла бы рассмотреть иные варианты выхода из данной ситуации.

Также, в ходе исследования было установлено, что многие женщины не довольны финансовой составляющей своего партнера, а также своей собственной финансовой составляющей, что, вероятно, служит препятствием к решению о сохранении настоящей беременности. О том, что материальные трудности чаще всего называются в качестве причины аборта показано в социологическом исследовании российских врачей акушеров-гинекологов и рожениц, было установлено, что среди ведущих мотивов прерывания беременности оказались «материальные проблемы» [11]. Так, фактором для этого является страх не справиться с материальной ситуацией [5, 8]. За фразой «финансовые проблемы» могут скрываться и другие мотивы: психологическая неподготов-

ленность к рождению ребенка, нежелание брать на себя обязательства и ответственность. Задача психолога изменить отношение клиента к ситуации. В данном случае нужно дать понять, что сам ребенок не требует больших материальных затрат, а выявленные на консультации вопросы возможно решить еще до рождения малыша [5].

Результаты анкетирования также говорят, что небольшой процент женщин все же связывает решение об аборте с социальным давлением, страхом перед реакцией социального окружения. Такое же мнение выделяют некоторые исследователи. В такой ситуации важно показать женщине преувеличенность ее страхов, переклестить внимание с осуждающих людей на тех людей, которые поддержат и помогут, показав, что последних намного больше, чем первых [8].

Значительное количество женщин отметили, что их решение об аборте зависело от мнения супруга, это можно связать со следующими мотивами, о которых также сообщают в своих статьях многие авторы [5, 8]. Фиксация на отношениях с отцом ребенка; бегство от прошлого. В первом случае женщина не видит этого мужчину в качестве отца своего ребенка (отец ребенка ушел, или категорически против рождения ребенка). В данной ситуации задачей психолога является оказание поддержки женщине, выявление ее внутренних ресурсов. Во втором случае важно говорить, что понятие «прошлого» и «будущего» относительны. Аборт не избавит от прошлого. В таком случае женщина склонится к сохранению беременности, если она сможет разделить в своем сознании ситуацию и обстоятельства зачатия с личностью самого ребенка, которые можно развести к разным временным промежуткам – прошлому и будущему.

Приоритет других ценностей прослеживается в качестве причины для прерывания беременности у некоторого числа опрошенных. Женщина боится, что беременность и декретный отпуск прервут ее карьерный рост, жизненные планы. В этом случае характерны опасения остаться без дохода и финансово зависеть от других людей. В подобных ситуациях стоит предложить более детальное рассмотрение жизненных планов женщины, соотнести краткосрочные и долгосрочные цели, проанализировать возможности их корректировки [5].

Если говорить об уровне информированности женщин насчет возможных неблагоприятных последствий аборта, то прослеживается, что просвещение населения о вреде аборта проводится недостаточно качественно.

Также, в ходе исследования было выявлено важное противоречие. Почти все опрошенные утверждают, что знают о существовании «постабортного синдрома», считают свое решение о прерывании беременности об-

думанным, но при всем этом, ни одна из пациенток не собирается посещать постабортное психологическое консультирование, что является неосознанным и непроработанным решением, а также дает основания для вывода о том, что на самом деле психологически женщина не подготовлена.

Вывод

Полученные данные свидетельствуют о том, что женщинам, желающим сделать аборт, не оказывается качественная психологическая помощь и поддержка, а также о том, что отсутствует добросовестное и достаточное информирование населения о последствиях прерыва-

ния беременности. Таким образом, органам здравоохранения, средствам массовой информации, образовательным и другим организациям нужно предпринимать меры по информированию беременных о важности до- и постабортного психологического консультирования, а также о неблагоприятных последствиях аборта. Государственным структурам необходимо обратить внимание на существующую проблему и позаботиться о том, чтобы каждая женская консультация была оснащена кабинетом психолога, где всем женщинам, желающим прервать беременность без медицинских показаний, оказывалась бесплатная квалифицированная помощь, которая могла бы изменить решение в пользу сохранения настоящей беременности.

Приложение 1

Вы приняли решение сделать аборт вследствие собственных убеждений, или же по медицинским показаниям?

Если на первый вопрос вы ответили, что ваше решение связано с собственными убеждениями, то ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы:

1. Укажите свой возраст?
2. Укажите сколько у вас детей?
3. Повлияло ли наличие детей на принятое вами решение?
4. У вас есть супруг или молодой человек?
5. Работает ли ваш супруг (молодой человек)?
6. Устраивает ли вас его материальное положение?
7. Устраивает ли вас ваше (независимо от партнера) материальное положение?
8. Вас устраивают ваши жилищно-бытовые условия?
9. Есть ли у вас в квартире все необходимое для роста и развития ребенка, а также для ухода за ним?
10. По вашему мнению вы успеваете хорошо справляться с домашними обязанностями?
11. Зависело ли ваше решение от мнения родственников и близких вам людей?
12. Зависело ли ваше решение от мнения вашего партнера?
13. Возникало ли у вас ощущение: «обо мне не так подумают» или «плохо отзовутся и пойдут сплетни»?
14. Нарушила ли настоящая беременность ваши жизненные планы (карьера, обучение, отдых)?
15. Связано ли ваше решение с тем, что вы тревожитесь насчет того, какой будете матерью?
16. Связано ли ваше решение с усталостью?
17. Знаете ли вы, что аборт может приводить к множеству неблагоприятных гинекологических последствий?
18. Знаете ли вы, что после аборта у женщин последующие беременности часто заканчиваются преждевременными родами и выкидышами?
19. Вы понимаете, что, сделав аборт, вы лишаете возможности роста и развития для нового организма?
20. Знаете ли вы о существовании так называемого «постабортного синдрома» (женщин часто преследует чувство вины за их выбор, они впадают в депрессию и переживают горе утраты)?
21. Насколько ясно по вашему мнению вы осознаёте важность и обдуманность принимаемого решения, и готовы ли вы к нему психологически?
22. Собираетесь ли вы после аборта обратиться к психологу?

Если в анкете не отражена причина, по которой вы хотите сделать аборт, напишите свой вариант ответа.

Приложение 2

Таблица 1.

Результаты анкетирования пациенток.

Вопросы	Варианты ответа			
	1 – 44 %	2 – 37 %	3 и более - 8%	Нет – 11 %
1. Наличие детей				
2. Семейное положение	Замужем – 83 %		Не замужем – 17 %	
3. Трудоустройство мужа	Работает – 98 %		Не работает – 2 %	

Вопросы	Варианты ответа	
4. Материальное положение мужа	Устраивает – 61 %	Не устраивает – 39 %
5. Материальное положение беременной	Довольна – 61 %	Не довольна – 39 %
6. Условия жизни	Устраивает – 70 %	Не устраивает – 30 %
7. Оснащена ли квартира к появлению ребенка?	Да – 81 %	Нет – 19%
8. Справляетесь ли с домашними обязанностями?	Да – 77 %	Нет – 23 %
9. Влияние мнения родственников	Да – 8 %	Нет – 92 %
10. Влияние мнения общества	Да – 14 %	Нет – 86 %
11. Влияние мнения партнера	Да – 17 %	Нет – 83 %
12. Нарушила ли беременность жизненные планы?	Да – 32 %	Нет – 68 %
13. Готовы ли быть матерью ?	Да – 16 %	Нет – 84 %
14. Повлияла ли усталость на ваше решение?	Да – 27 %	Нет – 73 %
15. Знаете ли о гинекологических последствиях?	Да – 94 %	Нет – 6 %
16. Знаете ли о неблагоприятных исходе беременности?	Да – 87 %	Нет – 13 %
17. Знаете ли, что аборт – лишение новой жизни?	Да – 91 %	Нет – 9 %
18. Знаете ли о «постабортном синдроме»?	Да – 85 %	Нет – 15 %
19. Готовы ли психологически к аборту?	Да – 100 %	Нет – 0 %
20. Обратитесь ли к психологу после аборта?	Да – 100 %	Нет – 0 %

ЛИТЕРАТУРА

- Абакарова П.Р., Гусаков К.И., Довлетханова Э.Р., Межевитинова Е.А. Современные методы экстренной контрацепции: эффективность, безопасность, приемлемость // Национальный медицинский исследовательский центр акушерства, гинекологии и перинатологии имени академика В.И. Кулакова. г. Москва. Медицинский совет. 2021. (13). С. 42-49. DOI: <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2021-13-42-49>.
- Богомолова К.Р., Петров Ю.А., Палиева Н.В. Медикаментозный аборт как альтернатива инструментальному аборту // ФГБОУ ВО «Ростовский государственный медицинский университет» МЗ РФ (РостГМУ). г. Ростов-на-Дону. 2022. №1. (82) С.47-50. DOI:<https://cyberleninka.ru/article/n/medikamentoznyu-abort-kak-alternativa-instrumentalnomu-abortu/viewer>.
- Гурина Е.В., Охапкин М.Б. Особенности психологического статуса женщин при медикаментозных и хирургических абортах // ГБОУ ВПО «Ярославская государственная медицинская академия» Минздравсоцразвития России. г. Ярославль. Вестник Ивановской медицинской академии. 2012. Т.17 №2. С. 45-47. DOI:<https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-psihologicheskogo-statusa-zhenshin-pri-medikamentoznyh-i-hirurgicheskikh-abortah/viewer>.
- Добряков И.В. Перинатальная психология // СПб., 2010. DOI: http://elibrary.bsu.edu.az/files/books_163/N_110.pdf.
- Дрозд О.А. Предабортное консультирование: психологическая помощь или давление // УЗ «Поликлиника №27» г. Минск. 2020. С.84-87. DOI: <https://elibrary.bsu.by/bitstream/123456789/249955/1/84-87.pdf>.
- Завьялова Я.А., Микрюков В.О. Отношение разных возрастных групп россиян к раннему браку и материнству // Финансовый университет при Правительстве РФ. г. Москва. Социологические науки. 2019. С.6-8. DOI: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-raznyh-voznrastnyh-grupp-rossiyan-k-rannemu-braku-i-materinstvu>.
- Косарева А.А., Охременко З.В. Современные аспекты искусственного прерывания беременности // Вестник медицинского института «РЕАВИЗ». 2022. № 2. С. 288-289. DOI:<https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-aspekty-iskusstvennogo-preryvaniya-beremennosti>.
- Куценко О.С. Аборт или рождение? Две чаши весов // г. Санкт-Петербург. Пособие для психологов и других специалистов, работающих с женщиной и ее семьей в ситуации репродуктивного выбора. 2021. DOI: <https://textarchive.ru/c-2702057-pall.html>.
- Лупекина Е.А., Бондаренко М.С. Социальные и личностные особенности женщин, планирующих прерывание беременности // Учреждение образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины»; Республиканский научно-практический центр радиационной медицины и экологии человека. 2022. №2 (26). С. 64-70. DOI: <https://rep.vsu.by/bitstream/123456789/32631/1/64-70.pdf>.
- Никулина Л.Р., Семинская О.А., Кузьмичев Д.Е., Скребов П.В. Без права на жизнь // Здравоохранение Югры: опыт и инновации №3. 2022. С. 66-68. DOI: <https://cyberleninka.ru/article/n/bez-prava-na-zhizn>.
- Социологическое исследование российских врачей, акушеров и рожениц. DOI: http://www.midwifery.ru/today/opros_woman.htm.
- Филиппова Г.Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии // Вопр. Психол. 2001. № 2. С. 22–37.

13. Bearak J, Popinchalk A, Ganatra B, Moller A-B, Tunçalp Ö, Beavin C et al. Unintended pregnancy and abortion by income, region, and the legal status of abortion: estimates from a comprehensive model for 1990–2019. *Lancet Glob Health*. 2020 Sep; 8(9): e1152-e1161. DOI:10.1016/S2214-109X(20)30315-6.
14. Kulier R, Kapp N, Gülmezoglu AM, Hofmeyr GJ, Cheng L, Campana A. Medical methods for first trimester abortion (Review)// 2011. DOI: 10.1002/14651858.CD002855.pub4.
15. National Abortion Federation. Naf protocol for mifepristone/misoprostol in early abortion in the u.s. 2013. DOI: <https://prochoice.org/wp-content/uploads/Mifeprotocol2013.pdf>.

© Матюшкина Людмила Семеновна (octor-lsm@yandex.ru), Невежкина Татьяна Андреевна (www.tanya.ru9292@mail.ru),
Аверкина Николь Алексеевна (nikol.averkina.022@mail.ru), Ахметова София Евгеньевна (sofiya-ahmetova@mail.ru),
Садкина Анастасия Витальевна (anastasiya-sadkina@mail.ru), Талызина Елена Александровна (evgensolo@mail.ru),
Капустина Татьяна Викторовна (12_archetypesplus@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ И САООТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОРЕАЛИЗАЦИИ

VALUE ORIENTATIONS AND SELF-ATTITUDES OF WOMEN WITH DIFFERENT LEVELS OF PROFESSIONAL SELF-REALIZATION

*I. Salimzhanova
E. Kiseleva
O. Ermachenkova*

Summary: The article presents the results of a study of the value orientations and self-attitudes of women with different levels of professional self-realization. The features within the framework of value orientations and relationships inherent in each level of professional self-realization are considered. The features of the relationship between value orientations, self-attitude and professional self-realization of women are studied. The changes that have occurred in women as a result of participation in a psychological support program using coaching technologies for middle-aged women on the issue of value orientations and self-attitude are presented.

Keywords: value orientations, self-attitude, professional self-realization, self-esteem, self-worth.

Салимжанова Ирина Константиновна

Московский институт Психоанализа

leda3@mail.ru

Киселева Елена Николаевна

Кандидат психологических наук, преподаватель,

Московский институт Психоанализа

kisselova@list.ru

Ермаченкова Ольга Владимировна

Преподаватель, Калужский институт (филиал)

АНО ВО Московского гуманитарно-экономического

университета

olenka_erm@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций и самоотношения женщин с разным уровнем профессиональной самореализации. Рассмотрены особенности в рамках ценностных ориентаций и самоотношения присущие каждому уровню профессиональной самореализации. Изучены особенности взаимосвязи ценностных ориентаций, самоотношения и профессиональной самореализации женщин. Представлены изменения, произошедшие у женщин в результате участия в программе психологической поддержки с использованием коучинговых технологий женщин среднего возраста по вопросу ценностных ориентаций и самоотношения.

Ключевые слова: ценностные ориентации, самоотношение, профессиональная самореализация, самоуважение, самооценочность.

Женщины среднего возраста являются значимой активной демографической группой. В период среднего возраста у женщин происходит психологическая адаптация к социальным и возрастным изменениям, которая сопровождается модификацией социальных установок на свою роль в социуме.

Адаптация личности тесно связана с ценностями личности. Система ценностных ориентаций составляет основу отношений к окружающему миру, к другим людям, к себе самой, плотно и неразрывно связана с самоотношением.

Многие женщины сообщают, что чувствуют себя несчастными в этот период, однако источник их неудовлетворенности чаще бывает связан с работой или брачными отношениями.

То есть профессиональная самореализация женщин среднего возраста не только экономическая необходимость, а часть ценностных ориентаций и один из аспектов самоотношения.

Рассматривая понятие профессиональная самореализация, можно отметить, что не существует единого подхода к его определению. Данное понятие на сегодняшний момент мало изучено, существует не так много концепций в рамках его содержания и структуры.

Наиболее разработанной, научно обоснованной является структурная модель профессиональной самореализации Е.А. Гавриловой.

При определении понятия профессиональной самореализации и ее структуры, автор руководствовалась такими теориями как полисистемная модель самореализации личности С.И. Кудинова и структурно-функциональная модель самореализации Л.А. Коростылевой, а также работами А.И. Крупнова [2].

При определении понятия профессиональной самореализации и ее структуры, автор руководствовалась такими теориями как полисистемная модель самореализации личности С.И. Кудинова и структурно-функциональная модель самореализации Л.А. Коростылевой, а также работами А.И. Крупнова [2].

Е.А. Гаврилова, определяя структуру профессиональной самореализации, выделяет в ней три основных компонента: целевой, ресурсный и феноменологический [2].

Самой популярной теорией ценностных ориентаций, которая сохраняет свою актуальность и по настоящее время является теория М. Рокича. При этом важно подчеркнуть, что автор не только теоретически разработал теорию ценностных ориентаций, но и создал практический инструмент их изучения. Данная методика актуальна и по сей день и применяется многими учеными в исследованиях

Автор рассматривал ценностные ориентации в ключе убеждений, которые определяют цель или способ существования из множества вариантов [1].

Теория базовых ценностей Ш. Шварца в последние 20 лет послужила основой сотен исследований. В них преимущественно проверялась связь 10 базовых ценностей по Ш. Шварцу или четырех метаценностей с различными установками, мнениями, типами поведения, качествами личности и социально-демографическими показателями. В этих исследованиях так же измерялись особенности развития ценностей в детском и юношеском возрасте и изменение ценностей во времени. Ш. Шварц постулировал, что все индивидуальные ценности основываются на базовых условиях человеческого существования (одном или более): а) потребности организма, б) стремление к социальным взаимодействиям и в) потребность в принадлежности к группе. Стоит отметить, что свою теорию Ш. Шварц разрабатывал на основании теории М. Рокича. Ценностные ориентации, выделенные М. Рокичем Ш. Шварц объединил в группы согласно своей теории индивидуальных ценностей [6].

Среди ученых, которые занимались исследованием самоотношения можно отметить С.Р. Пантлеева, В.В. Столина, Н.И. Сарджвеладзе, Р. Бернса, С.Л. Рубинштейна, И.С. Кона, А.Н. Леонтьева, А.Г. Спиркина, Е.В. Шорохову, И.И. Чеснокову и многих других.

М. Розенберг рассматривает данное понятие независимо от иерархической структуры Я-концепции. Автор отмечает позитивный или негативный характер феномена, который направлен на Я, что отображает степень самоуважения и ощущения собственной ценности. Подтверждением того, что в рамках своей теории о самоотношении М. Розенберг на первое место ставит самоуважение, является разработанная им методика «Тест на самоуважение. Методика шкала М. Розенберга» [5].

Согласно С.Р. Пантлееву, самоотношение представляет собой иерархически-динамическую систему, в которой в каждый момент времени «та или иная особенная модальность эмоционального отношения может выступать в качестве ядерной структуры системы, занимая ведущее место в иерархии других аспектов самоотношения и фактически определяя содержание и выраженность обобщенного устойчивого самоотношения» [4, с. 48].

С.Р. Пантлеев противоречит В.В. Столину, утверждая, что модель самоотношения динамична. Так же автор объясняет предложенные компоненты В.В. Столиным не совсем обоснованными, а созданными для удобства измерения. При этом стоит отметить, что оба автора самоотношение рассматривают как эмоционально-оценочную систему [4].

Для проведения исследования ценностных ориентаций и самоотношения женщин с разным уровнем про-

фессиональной самореализации нами были сделаны следующие методики: Методика исследования самоотношения, С.Р. Пантлеев и В.В. Столин (МИС); Методика шкала самоуважения М. Розенберга; Ценностные ориентации, М. Рокич; Методика Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций; Тип и уровень профессиональной самореализации, Гаврилова Е.А.

В исследовании приняли участие 66 женщин в возрасте от 35 до 45 лет. В рамках семейного положения 59% опрошенных женщин замужем, 11% состоят в отношениях, 9% состоят в разводе и 21% не состоят в отношениях.

Для исследования особенностей женщин в рамках ценностных ориентаций и самоотношения присущих каждому уровню профессиональной самореализации нами был проведен дифференциальный анализ, при помощи U-критерия Манна-Уитни, ввиду отсутствия нормальности распределения данных.

Общая выборка была разделена нами на 3 группы согласно данным, полученным при помощи методики «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гаврилова.

Группу 1 составили женщины среднего возраста имеющие низкие значения показателя уровня профессиональной самореализации, в количестве 20 человек. Группу 2 составили женщины среднего возраста имеющие средние значения показателя уровня профессиональной самореализации, в количестве 42 человек. Группу 3 составили женщины среднего возраста имеющие высокие значения показателя уровня профессиональной самореализации, в количестве 4 человек.

Дифференциальный анализ данных не показал статистически значимых различий между результатами полученными при помощи методики Ценностные ориентации, М. Рокич ($p < 0,05$)

Дифференциальный анализ данных показателей ценностных ориентаций, полученных при помощи методики Ш. Шварца по изучению ценностных ориентаций, показал статистически значимые различия по шкале «Самостоятельность» между Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 2 (Средний уровень ПС) ($U=272, p < 0,05$), Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 3 (Высокий уровень ПС) ($U=6, p < 0,05$). Так же статистически значимые различия наблюдаются по шкале «Гедонизм» между Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 2 (Средний уровень ПС) ($U=254, p < 0,05$), Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 3 (Высокий уровень ПС) ($U=6,5, p < 0,05$).

Дифференциальный анализ данных показателей самоотношения показал статистически значимые различия:

1. между Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Груп-

пой 2 (Средний уровень ПС) по шкалам «Самоуверенность» ($U=183, p<0,01$), «Саморуководство» ($U=197, p<0,01$), «Самоценность» ($U=285,5, p<0,05$), «Самопривязанность» ($U=259,5, p<0,05$), «Конфликтность» ($U=247, p<0,05$), «Самообвинение» ($p U=215, <0,05$);

2. между Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 3 (Высокий уровень ПС) по шкалам «Самоуверенность» ($U=4, p<0,01$), «Саморуководство» ($U=8, p<0,05$), «Самоценность» ($U=9,5, p<0,05$), «Самопривязанность» ($U=7,5, p<0,05$), «Конфликтность» ($U=6,5, p<0,05$), «Самообвинение» ($U=7, p<0,05$).

Дифференциальный анализ данных показателя самоуважения показал статистически значимые различия между Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 2 (Средний уровень ПС) ($U=268,5, p<0,05$), Группой 1 (Низкий уровень ПС) и Группой 3 (Высокий уровень ПС) ($U=10, p<0,05$).

На основании полученных результатов нами были сделаны выводы о том, что женщинам с высоким и средним уровнем профессиональной самореализации в отличие от женщин с низким свойственны независимость мышления и выбора действий в проявлении творчества, исследовательской деятельности; самоуверенность, высокая самооценка, смелость в общении, они считают себя источником своего развития и успехов, высоко оценивают свой духовный потенциал, богатство внутреннего мира, проявляют самопринятие во всех своих проявлениях.

Женщинам с низким уровнем профессиональной самореализации в отличие от женщин с высоким и средним,

свойственно негативное отношение к себе, постоянный контроль себя, видение в себе недостатков, самообвинение за промахи и неудачи, а так же свойственно стремление к удовольствию и наслаждению жизнью.

Далее нами был проведен корреляционный анализ при помощи критерия Спирмена между показателями уровня профессиональной самореализации и ценностных ориентаций и самоотношения.

Корреляционный анализ данных показал наличие прямой взаимосвязи между показателями уровня профессиональной самореализации и Наличие хороших и верных друзей (0,40), Самоуверенность (0,36), Самопривязанность (0,36), Саморуководство (0,35), Самостоятельность (0,35), Материально обеспеченная жизнь (0,34), Рационализм (0,34). А также наличие обратной взаимосвязи между показателями уровня профессиональной самореализации и Конфликтность (-0,49), Самообвинение (-0,34). (Рис.1)

Таким образом, у женщин среднего возраста, которым свойственна высокая ценность себя, смелость в общении, источником своего развития и успехов считать себя, высоко оценивать свой духовный потенциал, богатство своего внутреннего мира, принимать себя во всех своих проявлениях, самостоятельность в принятии решений, в творчестве, исследовательской деятельности, мало важно наличие хороших и верных друзей, материально обеспеченная жизнь, умение здраво мыслить, будет наблюдаться высокий уровень профессиональной самореализации и наоборот.

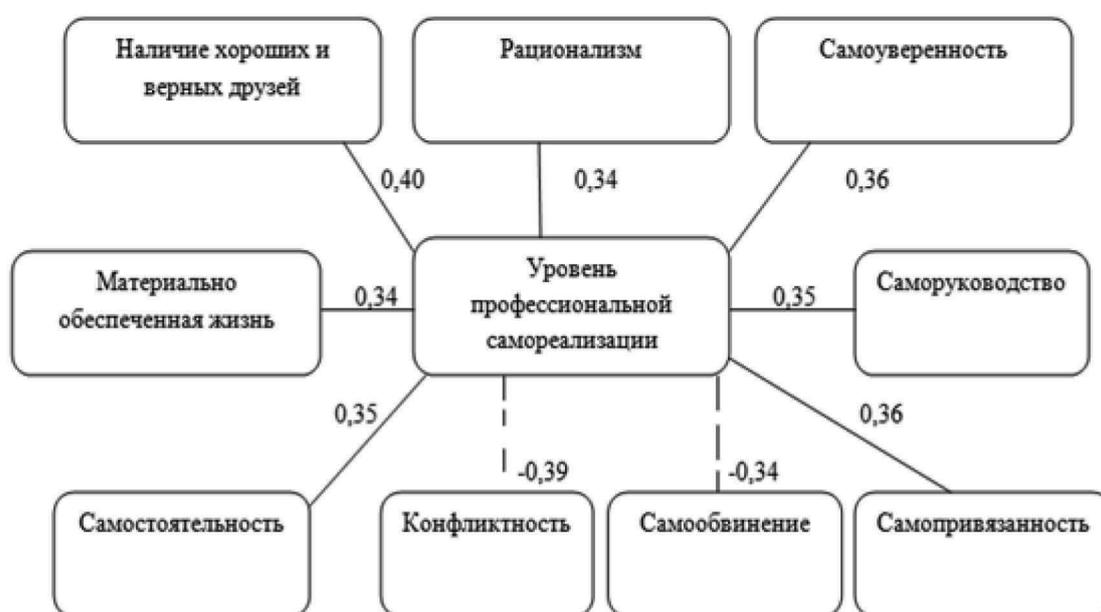

Рис. 1. Результаты корреляционного анализа между показателями профессиональной самореализации и ценностных ориентаций, самоотношения. Важно обратить внимание на то, что шкалы методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич) имеют обратные значения, чем выше результат, тем меньше значимость показателей для респондентов.

Так же у женщин среднего возраста, у которых преобладает негативное отношение к себе, стремление к глубокой оценке внутреннего мира, видение в себе недостатков, обвинение себя за все промахи и неудачи, будет наблюдаться низкий уровень профессиональной самореализации и наоборот.

На основании полученных результатов нами была разработана программа психологической поддержки с использованием коучинговых технологий женщин среднего возраста по вопросу ценностных ориентаций и самооотношения. Общее время программы составило 20 часов, продолжительность 2 месяца.

Для эмпирического исследования эффективности данной программы нами были определены контрольная и экспериментальные группы, в количестве по 16 человек.

В экспериментальной группе была проведена разработанная нами программа, а затем было проведено повторное исследование в двух группах.

В экспериментальную группу вошли женщины среднего возраста, давшие согласие на участие в программе, в количестве 16 человек, в контрольную группу вошли женщины среднего возраста, давшие согласие на проведение повторного исследования, в количестве 16 человек.

Первоначально нами был проведен дифференциальный анализ при помощи U-критерия Манна-Уитни, между экспериментальной и контрольной группами, до участия экспериментальной группы в программе психологической поддержки женщин среднего возраста по вопросу ценностных ориентаций и самооотношения, который не показал статистически значимых различий между группами.

Далее нами был проведен дифференциальный ана-

лиз при помощи критерия Вилкоксона для оценки сдвигов в экспериментальной группе.

Так же сравнительный анализ при помощи критерия Вилкоксона для оценки сдвигов был проведен в контрольной группе по результатам 1 и 2 исследования.

Затем был проведен дифференциальный анализ по показателям ценностных ориентаций, самооотношения и профессиональной самореализации при помощи U-критерия Манна-Уитни между экспериментальной и контрольной группами, после прохождения экспериментальной группы программы [3].

По результатам проведенного дифференциального анализа было отмечено, что у женщин среднего возраста, которые приняли участие в разработанной нами программе, в отличие от женщин, которые не принимали участие, стало проявляться стремление к независимости мышления и выбора, творчества, исследовательской деятельности. Они стали проявлять уверенность в себе, принимать себя, осознавать свои ценности, у них появилось ощущение баланса между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности, избирательное отношение к себе, стало проявляться большее осознание ценностей, мотивов своей профессиональной деятельности, своих профессиональных компетенций и возможностей их применения, а так же большее осознания своей профессиональной деятельности и направлений ее развития.

Таким образом, полученные результаты подтвердили эффективность разработанной нами программы психологической поддержки с использованием коучинговых технологий женщин среднего возраста по вопросу ценностных ориентаций и самооотношения

ЛИТЕРАТУРА

1. Воловикова М.И. Нравственная психология: задачи, методы и современное состояние [Текст] // Проблемы нравственной и этической психологии в современной России / Отв. ред. М.И. Воловикова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. - С. 21-39
2. Гаврилова Е.А. Психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» [Текст] // Е.А. Гаврилова/ Вестник ТвГУ серия «Психология и педагогика» - 2015 – С. 19-35
3. Киселева Е.Н. Практическое руководство по созданию психологических программ [Текст]//Е.Н. Киселева, О.В. Ермаченкова, Э.Г. Пудж, А.Ф. Кузнецова, Л.Н. Горягина. – М.: Русайнс, 2023 – 224 с.
4. Кольшко А.М. Психология самооотношения: учеб. пособие. Гродно [Текст]: ГрГУ - 2004. - 102 с
5. Церковский А.Л. Современные взгляды на проблему отношения человека к самому себе [Текст]// А.Л. Церковский/ Вестник Витебского государственного медицинского университета- 2008 - с. 109-119
6. Ш. Шварц и др. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России [Текст]//Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С./ Психология. Журнал Высшей школы экономики - 2012 - Т. 9 - № 1 - С. 43–70.

© Салимжанова Ирина Константиновна (leda3@mail.ru), Киселева Елена Николаевна (kisselova@list.ru), Ермаченкова Ольга Владимировна (olenka_erm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНИМАНИЕ РЕЧИ АДРЕСАТОМ: КОГНИТИВНЫЕ И ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Сахарнов Александр Олегович

Аспирант, Государственный академический университет
гуманитарных наук (г. Москва)
saharnov@gmail.com

COMPREHENSION OF SPEECH BY THE ADDRESSEE: COGNITIVE AND INTENTIONAL ASPECTS

A. Sakharnov

Summary: The aim of the article is to analyze psychological and psycholinguistic research that reveals cognitive and intentional aspects of speech understanding. In relation to cognitive processes, the role of recognizing the intentions of speakers as a necessary component of mutual understanding and achieving communication goals is demonstrated. The question of defining discourse markers of speech intentions is highlighted, which is particularly relevant in today's information age. The task of verifying the markers of speech intentions, established by experts, using an experimental procedure for assessing understanding of statements, is set.

Keywords: psycholinguistics, speech understanding, cognitive models of understanding, subjects' intentions, discursive markers.

Аннотация: Цель статьи – анализ психологических и психолингвистических исследований, раскрывающих когнитивные и интенциональные аспекты понимания речи. В соотнесении с когнитивными процессами показана роль распознавания выражаемых в речи намерений субъектов как обязательной составляющей взаимопонимания и достижения целей общения. Выделен вопрос определения дискурсивных маркеров речевых намерений, приобретающий особую актуальность в современном информационном мире. Ставится задача верификации маркеров речевых намерений, устанавливаемых экспертами, с использованием процедуры экспериментальной оценки понимания высказываний.

Ключевые слова: психолингвистика, понимание речи, когнитивные модели понимания, речевые намерения субъектов общения, дискурсивные маркеры.

В вопросе о понимании человеком речи и текста существует две позиции, которые могут быть обозначены как рационалистическая и интерпретативная. Первая позиция связана с представлением о взаимосвязи в познании процесса опредмечивания и объективации субъективного смысла и обратного процесса распредмечивания, в котором раскрывается идеальное содержание предмета. При реализации данных процессов в языковом общении субъективное содержание, заложенное в звучащих высказываниях или написанном тексте, становится доступным партнеру. Вторая позиция соотносит понимание с интерпретацией – выявлением субъективного смысла, стоящего за буквальным значением. Интерпретация раскрывает множественность смыслов, которые могут накладываться и пониматься одни через другой [17, 18].

Идеи рационалистического и интерпретативного подходов к проблеме понимания активно развиваются в психолингвистике и когнитивной психологии. Так, Н.И. Жинкин, стоявший у истоков отечественной психолингвистики, обосновал трактовку внутренней речи как языка-посредника – «универсального предметного кода», который как таковой не осознается, но обеспечивает понимание между людьми. Рассматривая вопросы смыслообразования, Жинкин описывает кодовые переходы в механизмах внутренней речи, главная функция которой –

преобразование воспринимаемой внешней речи в модель фрагмента действительности и установление денотата, что соответствует акту понимания [8].

Данные психолингвистики о том, что форма предложений и их структура обычно не запоминаются, актуализировали вопрос: выступает ли предложение единицей понимания или формируется свернутая, во многом неязыковая модель содержания и «воспроизведение текста в большей мере является активной реконструкцией, базирующейся на том, что осталось от этой модели» [6, с. 237]. По результатам экспериментального изучения обработки текстовой информации аргументировался вывод о двух стадиях понимания [4, 5, 6, 9 и др.]. Поверхностное понимание высказываний на первой стадии обработки предполагает формирование пропозициональной репрезентации, сближающейся с поверхностной формой предложения и обеспечивающей точное воспроизведение сказанного в течение короткого времени. На второй стадии такие репрезентации, а также контекстная информация и имплицитные умозаключения с опорой на знания человека о мире обеспечивают построение ментальной модели, структура которой в той или иной степени соотносится с отраженной в речи фактической ситуацией. При этом, поскольку в модель инкорпорируются имплицитные умозаключения и контекстные отсылки, адресат может смешивать воспринятое содержание с

собственными выводами. Представление о двухстадийности понимания Ф. Джонсон-Лэрд развивает в общую теорию – процедурную семантику, которая описывает набор конкретных операций, служащих преобразованию высказывания в ментальную модель [6].

В дальнейшем исследованиями Т. ван Дейка, Д. Вундерлиха и др. было показано, что особенности понимания и воспроизведения текстов зависят от присутствия макроструктур, обобщающих сказанное и воспроизводимых легче, чем другие текстовые элементы [4]. Большой резонанс вызвала работа ван Дейка и В. Кинча, предлагающая теоретическую модель понимания текста и раскрывающая вопросы репрезентации знаний и их концептуальной организации. В качестве основного типа репрезентаций постулируется «модель ситуации», основу которой составляют не унифицированные знания о типовых ситуациях, а знания, аккумулирующие индивидуальный опыт, установки, намерения человека. Предполагается, что такая модель строится вокруг общей схемы, которая наполняется конкретикой в реализуемых коммуникативных актах. Представление о фундаментальной роли ситуационных моделей в познании впоследствии дополняется выделением особых «суперструктур», характеризующих специфические типы текстов: политические, новостные, мифологические [3]. Вместе с тем обоснован подход к процессу организации знаний как стратегической процедуре, предусматривающей отбор информации, которая наиболее значима для коммуникантов в актуальном контексте. Стратегический подход не ориентирован на последовательный поуровневый анализ: от понимания слов к пониманию предложений и их совокупности [5]. В ходе синтаксического анализа могут привлекаться знания семантического и прагматического уровней, при определении значения слов – знания относительно текстовых фрагментов. Различаются также особые стратегии: синтаксические, семантические, дискурсивные, социокультурные. Отмечается, что разработанные представления об обработке и понимании высказываний являются принципиальными для анализа многих процессов социального познания и вносят весомый вклад в развитие когнитивной науки [9].

В последние годы формируется тенденция расширения когнитивного подхода на моделирование закрепленных в дискурсе способов концептуализации действительности, дискурсивных структур, имеющих социальную и политическую обусловленность [3]. Представления о процессе понимания обогащаются такими психологическими переменными, как знания о контекстах и ситуациях, коммуникативные конвенции, социальные роли и пр. Выясняется, что понимание речи предполагает не просто установление языковых значений употребленных говорящим слов и выражений; смысл, который передается высказываниями, выводится адресатом, для чего необходимо осмысление актуального социокуль-

турного и коммуникативного контекста, в том числе аперцепционной базы, статуса и позиции собеседника.

Существенно менее изучен интенциональный аспект понимания речи. В психологических и лингвистических исследованиях в первую очередь традиционно анализировалось содержание, относящиеся к выражению суждений, отражению в речи окружающей действительности [13]. Роль интенционального аспекта акцентировала теория речевых актов [11, 21, 23]. Получило признание представление, что неправомерно говорить о понимании суждения как такового: суждение может быть произнесено с различной целью (требование, просьба и т.п.), и от актуального намерения говорящего зависит смысл сказанного. В развернувшихся исследованиях были сформулированы правила реализации совета, вопроса, обещания и пр., соблюдение которых необходимо для верного истолкования выражаемого намерения [12, 16, 22].

Поскольку речевое выражение намерений зачастую носит имплицитный характер, причем некоторые намерения могут быть сознательно завуалированы, особый интерес вызывают вопросы понимания интенционального подтекста высказываний в различных коммуникативных ситуациях. В рамках психологического подхода, известного как интен-анализ [13, 19], установлено, что в условиях восприятия на слух обнаруживается тенденция объединения нескольких выражаемых намерений в укрупненные категории, склонность выявлять дополнительные интенциональные характеристики, субъективизм [15]. При этом интенциональный профиль текста нередко смещается в сторону его ведущей цели и интенциональной направленности, выраженной наиболее отчетливо. Понимание намерений говорящего не всегда однозначно: исследователи выделяют фактор «размытости интенций», который образует важную сторону функционирования языка и связывается с его глубинной природой [19].

Интересные исследования посвящены изучению понимания речевых намерений в процессе диалога. Описаны типовые интенциональные направленности коммуникантов: на себя, на партнера общения, на окружающую действительность, и их видоизменение в диалогах различных жанров как по относительной выраженности, так и по составу конкретных интенций [7]. Обосновано положение о распознавании речевых намерений как значимой составляющей взаимопонимания и координации действий собеседников [2, 7]. Описаны случаи искажения и неправильного толкования выражаемых намерений и связанные с этим корректирующие реплики и уточняющие вопросы. Показано, что объективными и субъективными факторами непонимания или искаженного понимания собеседниками друг друга могут выступать: ситуативные помехи, различия в запасе знаний, неоднозначность выражения, позиции коммуникантов [1].

В настоящее время важным направлением исследований становится определение дискурсивных маркеров речевых намерений – признаков их реализации в различных условиях коммуникации [10, 14, 20, 22 и др.]. Отмечаются трудности в поиске маркеров речевых намерений, связанные с обилием косвенных форм выражения и полиинтенциональностью высказываний [14, 16, 21 и др.]. Вместе с тем в диалоге на намерения субъекта, как правило, реагирует собеседник, что может служить опорой для выделения маркеров диалогического характера, так называемых «дискурсивных формул» [16]. В целом имеющиеся данные позволяют заключить: дискурсивные маркеры могут улучшать понимание речевых намерений, способствуя адекватной расстановке акцентов в интерпретации высказываний. Неясно, однако, в какой степени маркеры, устанавливаемые экспертами, отвечают тем дискурсивным признакам, на которые действительно ориентируются коммуниканты.

Этот вопрос обуславливает задачу эмпирической проверки дискурсивных маркеров речевых намерений, для чего предусматривается использование процедуры экспериментальной оценки понимания высказываний [15]. Согласно методике, каждая категория речевых намерений представляется в нескольких высказываниях, которые формируются на основе аутентичных реплик и содержат некоторые относящиеся к категории дискурсивные маркеры. Респондентам следует оценить выраженность намерений в высказываниях по дихотомической шкале. Апробация экспериментальной методики выявила трудности распознавания, которые указывают на необходимость моделирования высказываний, содержащих различные комбинации маркеров. Это позволит оценить понимание намерений, имеющих частично совпадающий набор речевых маркеров, и проверить гипотезу о том, что в целом для передачи намерений в речи важно сочетание дискурсивных проявлений.

ЛИТЕРАТУРА

- Афиногенова В.А., Павлова Н.Д. Интенциональные паттерны в репликах собеседников // Экспериментальная психология. 2015. Т. 8. № 2. С. 36–44.
- Гребенщикова Т.А., Зачесова И.А. Психология повседневного дискурса: интенциональный аспект. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2014. 208с.
- Дейк ван Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
- Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Отв. ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С. 93–153.
- Джонсон-Лэрд Ф. Процедура семантика и психология значения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка / Отв. ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. М.: Прогресс, 1988. С. 234 – 258.
- Дискурс в современном мире. Психологические исследования / Под ред. Н.Д. Павловой, И.А. Зачесовой. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. 368 с.
- Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М., Наука, 1982. 160 с.
- Караулов Ю.Н., Петров В.В. От грамматики текста когнитивной теории дискурса: вступ. статья // Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. С. 5–12.
- Мишланов В.А., Крижановская Е.М., Кузнецова Ю.М. К интерпретации имплицитного модуса: семиотические маркеры речевых интенций в текстах сетевой коммуникации // Медиалингвистика. 2021. Т. 8. № 4. С. 366–378.
- Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов / Отв. ред. Б.Ю. Городецкий. М.: Прогресс, 1986. 423 с.
- Норман Б.Ю. Понимание сокращенного или неоднозначного высказывания: сочетание вербального и реального опыта читателя // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 85–95.
- Павлова Н.Д., Гребенщикова Т.А. Интен-анализ. Основания, процедура, опыт использования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 151 с.
- Павлова Н.Д., Афиногенова В.А., Гребенщикова Т.А. Дискурс социальных медиа: интенциональный подход // Психологический журнал. 2023. Т. 44, № 1. С. 81–90.
- Павлова Н.Д., Пескова Е.А. Понимание интенционального подтекста речи адресатом // Экспериментальная психология. 2012. Т. 5. № 2. С. 74–82.
- Рахилина Е.В., Бычкова П.А., Жукова С.Ю. Речевые акты как лингвистическая категория: дискурсивные формулы // Вопросы языкознания. 2021. № 2. С. 7–27.
- Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
- Россиус Ю. Г. О теории интерпретации Э. Бетти // История философии. 2012. № 17. С. 88.
- Ушакова Т.Н., Павлова Н.Д., Алексеев К.И., Латынов В.В., Цепцов В.В. Слово в действии. Интен-анализ политического дискурса. СПб.: Алетейя, 2000. 320 с.
- Шмурак Р.И. Формальные средства выражения упрека в русском языке: к процедуре корпусного поиска // Вестник Московского университета. Серия «Филология». 2021. № 2. С. 83–93.
- Harris D.W. Intention and commitment in speech acts // Theoretical Linguistics. 2019. 45 (1-2). P. 53–67.
- Murray S.E., Starr W.B. The structure of communicative acts // Linguistics and Philosophy. 2021. V. 44. P. 425–474.
- New Work on Speech Acts / Eds. D. Fogal, D.W. Harris, M. Moss. Oxford: Oxford University Press, 2018.

© Сахарнов Александр Олегович (saharnov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ АРТ-ТЕРАПИИ КАК СРЕДСТВА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРИ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКОМ СТРЕССОВОМ РАССТРОЙСТВЕ

Шмигановская Анна Юрьевна

*Аспирант, Московский государственный психолого-педагогический университет
mraad2012@mail.ru*

PROSPECTS FOR THE USE OF ART THERAPY AS A MEANS OF COUNTERING POST-TRAUMATIC STRESS DISORDER

A. Shmyganovskaya

Summary: The relevance of the research topic is due to the fact that the need to protect mental health and pay attention to one's own emotional state is increasingly expressed in the social space. Not only employees of the field of psychology, but also students and schoolchildren are now getting acquainted with the concepts of emotional intelligence, and doctors of therapeutic and surgical profile pay attention to emotional disorders caused by acute systemic or chronic disease. Examples of such pathologies may be the period of post-traumatic illness after a massive military injury or emotional lability caused by thyrotoxicosis. That is why the study of ways to influence the cerebral cortex and the identification of techniques that can stabilize psychoemotional lability are important and relevant. The purpose of the study is to identify and highlight the cluster aspects of overcoming stressful situations using the psychologically interactive methodology of art therapy. **Methods (tools):** retrospective and comparative analysis of data from scientific and bibliographic sources. **Results:** it is shown that: 1) Art therapy is one of the effective ways to overcome stress due to the simplicity and interactivity of use; 2) the Russian and foreign (in this case, American) doctrine of using art therapy to work with stress have differences, the main of which is the concentration on the presence of a problem (domestic theory) and the use of art therapy as means of overcoming it and using art therapy to prevent the formation of a psychological problem (psychological and therapeutic theory of the USA); 3) the success of using art therapy depends on the flexibility of the individual patient's consciousness and his attitude to positive conscious transformation. **Main conclusions:** the method of art therapy can be used as an optimal psychological tool for overcoming stress.

Keywords: art therapy, psychological distress, overcoming stress, stress-induced, post-stress care, stress, stressful situation.

Аннотация: *Актуальность:* все чаще в социальном пространстве выражается необходимость оберегать ментальное здоровье и обращать внимание на собственное эмоциональное состояние. Не только сотрудники сферы психологии, но и студенты и школьники сейчас знакомятся с понятиями эмоционального интеллекта, а врачи терапевтического и хирургического профиля обращают внимание на эмоциональные нарушения, вызванные острым системным или хроническим заболеванием. Образцами таких патологий может стать период посттравматической болезни после массивной военной травмы или эмоциональная лабильность, вызванная тиреотоксикозом. Именно поэтому, исследование способов воздействия на кору головного мозга и выявление методик, способных стабилизировать психоэмоциональную лабильность, являются важными и актуальными. *Цель:* определить и выделить кластерные аспекты преодоления стрессовых ситуаций посредством использования психологически-интерактивной методологии арт-терапии. *Методы (инструменты):* ретроспективный и сопоставительный анализ данных научно-библиографических источников. *Результаты:* показано, что: 1) Арт-терапия выступает одним из эффективных способов преодоления стресса вследствие простоты и интерактивности использования; 2) российская и зарубежная (в данном случае — американская) доктрина использования арт-терапии для работы со стрессом имеют отличия, основная из которых — концентрация на наличии проблемы (отечественная теория) и использование арт-терапии как средства ее преодоления и использования арт-терапии для предупреждения формирования психологической проблемы (психолого-терапевтическая теория США); 3) успешность использования арт-терапии зависит от гибкости сознания отдельного пациента и его настроенности на позитивную сознательную трансформацию. *Основные выводы:* метод арт-терапии возможно использовать в качестве оптимального психологического инструментария преодоления стресса. *Практическая значимость:* результаты исследования могут быть использованы при разработке программ арт-терапии.

Ключевые слова: арт-терапия, психологический дистрессинг, преодоление стресса, стресс-индуцированность, пост-стрессовая помощь, стресс, стрессовая ситуация.

Введение

Глобализация, информатизация и диджитализация общественно-социального пространства, изменение жизненных и рабочих ритмов привели к повышению коэффициентов стресс-индуцирующих ситуаций, и, соответственно, росту уровня стресса у отдельных лиц (персон) [1]. В соответствии с психологически-доктринальным исследованием факторов возникновения

стресса и преодоления последнего от Р.С. Лазаруса «Психологический стресс и борьба со стрессом» от 1966 г. [2], генерация стресса связана с состоянием психического напряжения, возникающего вследствие индивидуально-ментальных (мысленных) несогласованностей на подсознательном и сознательном уровне, а также — вследствие проживания или попытки психологической реинтеграции чрезвычайной ситуации (под последней психологическая доктрина понимает обстоятельства,

отличающиеся от стандартного жизненно-ритмического распорядка лица). Учитывая вышесказанное, возникает предметно-психологическая необходимость преодоления стресса с помощью инновационно-социальных мероприятий, включая арт-терапию как частную инвариацию положительного дистрессинга пациента [3].

Арт-терапия по своей сути является клинически-экспериментальным способом преодоления стрессовых ситуаций, их предпчин и последствий. Согласно научному позиционированию Национальной медицинской библиотеки США (справочник), арт-терапия предусматривает моделирование соответственно персоны пациента и делится на «арт-терапию эмоций и чувств», «арт-терапию с Я-концепцией», «мотивационную арт-терапию» и «групповую арт-терапию» [2-7]. В дальнейшем предлагаем рассматривать арт-терапию как метод преодоления стресса соответственно обозначенных критериально-психологических стандартов.

Преодоление стресса с помощью метода арт-терапии с точки зрения психологической теории является предметом научного интереса отечественных и зарубежных ученых [8-11]. Среди отечественного научно-психологического наследия выделяются работы М.Ю. Чуевой (к вопросу построения арт-терапевтического практикума) [12, 13], Ю.В. Быховец, М.А. Падун (относительно корреляции между применением арт-терапии и повышением ценза стрессоустойчивости) [14], Б.А. Солтанбековой (относительно использования арт-терапевтических методик в детском возрасте) [15]. Среди зарубежных (зарубежных) ученых-психологов отмечаем доктринальные достояния Л. Мартин (исследование аспектов арт-терапии как «креативного искусства» для преодоления стрессовых ситуаций) [16], Л. Джексон (по использованию арт-терапии в качестве антирепрессивного способа культурогизации социума) [17], А.В. Шленкова (к вопросу использования методов арт-терапии для повышения цензов ментально-психологического здоровья) [18], Р. Йошко (использование визуальной арт-терапии и ее влияние на показатели здоровья) [19], Р.А. Тугуз [20] (определение аспектов использования арт-терапевтических методов при преодолении ментальных расстройств) и др.

Понятие арт-терапии как психолого-социального инструмента преодоления стресса

Арт-терапия как психолого-социальный инструмент преодоления стресса пользуется популярностью благодаря простоте и интерактивности. Так, С.В. Бутенко предлагает рассматривать арт-терапевтическую парадигму психолого-стрессовой помощи сквозь призму комплементарного стиля лечения неустойчивых и устойчивых психологических проблем [23]. Индивидуальный подбор схемы психолого-терапевтического лечения позволяет говорить о гипотетическом наличии комплексного арсенала худо-

жественно-кластерного лечения лиц с ПТСР-состояниями, включающего в себя минимально пять независимых суб-сложных — изобразительное искусство, исполнительное искусство, музыка, литература и архитектура [24].

Как системная психологически-терапевтическая арт-парадигма, данная апроприация демонстрирует подстроенность под персону пациента в зависимости и независимо от предпочтений последнего. На положительные факторы арт-терапии при преодолении стресса обращал внимание также А.М. Ассадулиной [22]. Исследуя механизмы повышения стрессоустойчивости, автор отмечает роль и место арт-терапии в преодолении чрезвычайных психологических ситуаций путем использования искусства в качестве терапевтического инструмента. Символьный, метафорический и психологически-бессознательный характер влияния арт-терапии на подсознательные и сознательные императивы личности пациента, по мнению составителя данной аналитической работы, позволяет раскодировать скрыто-проблемную психологическую информацию, повлияв на сознание (фактически - «я-концепцию») и, соответственно, проделав определенные эмоциональные состояния путем проживания последних [22].

Кроме того, заслуживает внимания научная позиция Р.А. Тугуз [20], которая считает арт-терапию фактором психологической помощи и восстановления в экстраординарных условиях. Автор, в частности, настаивает на возможности применения методов арт-терапии во время военных действий, природных и техногенных масштабных катастроф для проработки существующих страхов и неуверенности путем использования коммуникативно-психологической диалоговой парадигмы [13].

Следовательно, возвращаемся к универсальности арт-терапевтической методологии как средства преодоления стрессовых психологических ситуаций. От теоретической парадигмы использования арт-терапевтических методов в процессе преодоления психологического стресса предлагаем перейти к выделению практических механизмов противодействия кризисным психологическим ситуациям по арт-концепции [24].

Целесообразно обратиться к теоретическому утверждению упомянутой Р.А. Тугуз [20], которая отмечает наличие арт-терапевтического потенциала для преодоления психических травм, посттравматических состояний и состояний, предшествующих устойчивому формированию ПТСР как явления [5, 12, 22]. Ключевым индикатором успешности арт-терапевтического подхода для лечения психологических потрясений исследовательница называет применение творчества в процессе реабилитации с корреляцией к имеющейся у пациента психологической проблеме. Это, в частности, отличает профессиональную арт-терапию от клиент-

центрированной психологической помощи, при которой рисование, творчество, лепка и т.п. предлагается по механически шаблонным нарративам (неучет концептных особенностей личности влияет на качество и эффективность арт-терапевтического подхода в целом) [25]. Контекст и профессиональная составляющая арт-терапии также играет фундаментально-систематическую роль в работе с уязвимым эго и (или) нарушенными границами личности, межличностного восприятия отношений и др. научная доктрина придерживается мнения [26], что реакция на травмогенные события зависит от ресурсно-психологических возможностей конкретной личности, вследствие чего успешность процесс преодоления стресса арттерапевтическим методом зависит не только от прямых (процесс арт-терапии), но и от сопутствующих (психологическая карта-формула пациента) психологических обстоятельств [27].

С другой стороны, исследуя вопросы преодоления стресса методом арт-терапии также нужно упомянуть о самоорганизационном душевном потенциале личности [27]. Речь идет о трансформации травмы путем имеющихся психологических ресурсов и управления рискованными психологическими ситуациями, где арт-терапия выступает факультативным ресурсом преодоления стресс-кризиса. Повышенная опасность психотравмирования преодолевается с помощью арт-терапии в контексте ПТСР-восстановления, ПТСР-роста и личностно-психологического развития [28].

В общем, социально-психологическое назначение (роль) арт-терапии при преодолении стресса можно определить как мобилизацию скрытых личностных возможностей вследствие травматически-психологических событий, а также-получение положительно-психологического опыта вследствие философско-психологического осмысления негативных событий и соответствующей трансформации ценностных приоритетов. Экстрактивным результатом использования психологического метода арт-терапии при преодолении стресса является духовно-экзистенциальное обогащение личности вследствие перевоплощения статического результата травматического события в динамическое комплексно-личностное восстановление.

Арт-терапия как инструмент раскрытия личности

Важно отметить, что арт-терапия по своей сути не только помогает справиться с существующими психологическими травмирующими событиями, но и обеспечивает прецедент раскрытия личности. Как отмечает А.М. Асадуллина [22], исходя из психотерапевтической практики, арт-восстановление личности нередко сопровождается процессами самовыражения лица и гармонизации социально-психологического построения последней. Стандартизация арт-терапевтической помо-

щи человеку с ранее существовавшими или прогнозируемыми ПТСР-состояниями коррелируется с помощью психологического моделирования [22].

Последнее предполагает взгляд на имеющиеся проблемы по сторонней проекции, вследствие чего появляется возможность проработки имеющихся внутренних рассогласований личности. Конструктивное личностно-персональное функционирование человека проецируется от инструментов коррекции, введенных арт-терапией [6]. Так, некоторые виды арт-терапии (пение, рисование) предусматривают лечебно-профилактическую парадигму психологического восстановления, другие (театральная терапия, образная терапия/иматотерапия, экспрессивная терапия) имеет целью развивающе-совершенствующие нарративы психологического взаимодействия с пациентом в процессе оказания профессионально-врачебной помощи.

Таким образом, целью и задачей арт-терапевтической психологической помощи личности необходимо называть преодоление персонального «внутреннего барьера неспособности» путем проживания экзистенциального столкновения формата «сознательное – бессознательное», где последнее, как правило, выражается в акцептуализации формальных образов языка, искусства, формально-социальной коммуникации и тому подобное. Базовая цель арт-терапевтической деятельности по преодолению стресса дополняется дополнительными (субсидиарными) факторами-стандартами воздействия на психологию личности [9]. Например, С. В. Бутенко предлагает определять ключевой сопутствующей задачей арт-терапии при стрессе отвлечения от навязчивых и негативных мыслей — то есть сепарацию и выход из негативно-тревожного самоозданного круга, и искусственно-принудительный перевод внимания на позитивные действия для синхронно-одновременной позитивизации мышления лица. Дополнять подобную по стилю арт-терапевтическую программу целесообразно с помощью теории психо-профилактики, включающей в себя детерминацию спокойного (холодного) взгляда, поддержание позитивной мыслительной оболочки (resilience), проактивно респондирующей стрессовым ситуациям и объективацию реакции на стрессовые триггеры [1]. Понимание (осознание) стрессового триггера по признаку объективности предполагает развитие умений реалистического постижения жизненной ситуации и поиска оптимально-реальных способов (механизмов) преодоления последней [7]. Арт-терапия в данном случае будет способствовать развитию навыков управления-реагирования на эмоционально-чувственные и эмоционально-импульсивные стандарты человеческого мышления, благодаря чему повышается психоэмоциональная упругость лица (то есть гипотетическая возможность нормативно реагировать на широкий спектр-круг стрессригерных ситуаций) [22]. Таким образом, отечественная

сетевая-доктринальная составляющая понимания проблематики использования арт-терапии для преодоления стресса рассматривает последнюю преимущественно как вспомогательный к персонально-психологической философии личности фактор ПТСР-восстановления. Предлагаем рассмотреть несколько теоретико-психологических взглядов на проблему арт-терапии в Американской психологической доктрине (США).

Так, исследователь Л. Мартин [16] рассматривает арт-терапию как инструмент (средство) первопричинного реагирования на стресс-индуцированные факторы (события), требующие внешнего вмешательства и квалифицированной помощи от дипломированных профессионально-отраслевых специалистов. Исследовательница рассматривает арт-терапевтическую психологическую доктрину как путь контактно-доверительного преодоления стрессовых ситуаций с помощью креативно-художественного подхода (апроприации). По материалам вышеозначенного исследования [10], ключевым элементом преодоления стрессовой ситуации путем арт-терапевтической теории является признание наличия стресса. После этого психолог может обсуждать с пациентом возможные методически-модельные стандарты терапевтически-лечебного поведения. Решение аверсивной (раздражающей) ситуации чаще всего предполагает проработку персональных когнитивных ожиданий, зависящих от комплексных факторов -- состояния организма, коэффициента пережитых положительных и отрицательных эмоций в соотношении и тому подобное [9].

Также важное значение в процессе осознания персональной необходимости в арт-терапевтической психологической помощи приобретает формирование когнитивно-бихевиористского восприятия реальности (понимание психологической проблемы и автоматические попытки подстройки под последнюю на поведенческом уровне). Заслуживает внимания и научно-теоретическая позиция относительно специфики использования арт-терапии в процесс психологической помощи от Л. Джексона [17]. По мнению исследовательницы, цензом успешного использования арт-терапевтической методологии в работе с пациентами, имеющими признаки ПТСР или генерирующих от ПТСР состояний, выступает мера анти-опрессивности (anti-oppression) лица, переживающего подобные негативные ситуации. Анти-опрессивное поведение лица-пациента, следовательно, может быть выражено восприятием негативной эмоции и возможностью пережить последнюю, наличия факторов подготовки к психоэмоциональному

восстановлению путем построения модели психологического поведения и тому подобное [22].

Важно отметить, что арт-терапия в данном случае выступает способом (инструментом) поддержания возможностей лица к взаимодействию с социальным пространством путем поиска оптимального варианта борьбы с персональными психологическими и психемиоционными особенностями [10]. Такой подход позволяет определить гипотетические способы психологической арт-терапевтической помощи лицу в полном и всестороннем объеме, с учетом картины бихевиористских, социальных и коммуникативных предпочтений лица. Вышеприведенные позиции доказывают, что, в отличие от отечественного подхода к арт-терапевтической парадигме-доктрине преодоления последствий и гипотетических причин стрессовых ситуаций, американская модель (США) арт-терапевтической помощи чаще всего направлена на индивидуализацию социально-психологической проблемы пациента.

Заключение

Детальное аналитическое исследование использования метода арт-терапии как психологического инструментария преодоления стресса позволило прийти к следующим умозаключениям. Во-первых, арт-терапия как способ (механизм) преодоления стрессовых ситуаций зарекомендовала себя как психологически позитивная апроприация вследствие простоты и интерактивности использования. Применение последней для преодоления кризисных психологических ситуаций, как правило, помогает лицу-пациенту прорабатывать персональные комплексные психологические рассогласования путем управления стрессом и его нивелирования благодаря замещению положительными эмоциями. Во-вторых, российская и зарубежная (в данном случае — американская) доктрина использования арт-терапии для работы со стрессом имеют отличия, основная из которых — концентрация на наличии проблемы (отечественная теория) и использование арт-терапии как средства ее преодоления и использования арт-терапии для предупреждения формирования психологической проблемы (психолого-терапевтическая теория США). В-третьих, успешность использования арт-терапии зависит от гибкости сознания отдельного пациента и его настроенности на позитивную сознательную трансформацию — независимо от того, по какой доктринально-психологической концепции (отечественной или американской) оказывается психолого-терапевтическая помощь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 506.

2. Вальдес Одриосола М.С. Арт-терапия в работе с подростками. Психотерапевтические виды художественной деятельности: метод. пособие для педагогов [Текст] / М.С. Вальдес Одриосола. — М.: Владос, 2005. — 63 с.
3. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 291–308.
4. Анохин П.К. Очерки по физиологии функциональных систем [Текст] / П.К. Анохин. — М.: Медицина, 1975. С. 155–183.
5. Симонов П.В. Психофизиология эмоций [Текст] / П. В. Симонов // Пятые Анохинские чтения. — М.: АМН СССР, 1990. — С. 5–16.
6. Freeston M.H., Tiplady A., Mawn L., Botessi G., Thwaites S. Towards a model of uncertainty distress in the context of Coronavirus (COVID-19) // The Cognitive Behaviour Therapist. 2020. Vol. 13. DOI: 10.1017/S1754470X2000029X 9. Spielberger C.D. (ed.). Anxiety: Current trends in theory and research. Elsevier, 2013.
7. Norton R.W. Measurement of ambiguity tolerance // Journal of Personality Assessment. 2002. № 39 (6). P. 607–619.
8. Асадуллина А.М. Арт-терапия как метод преодоления эмоционального стресса / А.М. Асадуллина, М.А. Мухтарова // Глобальная экономика и образование. — 2022. Т. 2. № 2. С. 72–78.
9. Екимова В.И., Лучникова Е.П. Комплексная психологическая травма как следствие экстремального стресса // Современная зарубежная психология. 2020. Т. 9, № 1. С. 506.
10. Кондрашихина О.А. Толерантность к неопределенности как предиктор стратегии адаптации в условиях пандемии COVID-19 студентов-психологов // Гаудеамус. 2021. Т. 20, № 1 (47). С. 7–13.
11. Копытин А.И. Теория и практика арттерапии [Текст] / А.И. Копытин. — СПб.: Питер, 2002. — 368 с.
12. Jackson L. Introduction to the Special Issue — Anti-Oppressive Art Therapy: Cultural Humility. — Taylor&Francis Online. Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association, 2023. — Vol. 40. — p. 59-60.
13. Чувва М.Ю. Психосоматика: принципы формирования личности и ее влияние на возникновение и течение психосоматической патологии // Теоретические и методические проблемы создания современной образовательной среды: Сборник материалов международной научно-практической конференции «МГУТУ имени К.Г. Разумовского (ПГУ)» (19–20 октября 2016 г.) / Под ред. д-ра пед. наук, профессора С.Е. Шишова. — М.: МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПГУ), Ваш формат, 2016. — С. 250–257.
14. Быховец Ю.В., Коган-Лернер Л.Б. Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2020. Т. 5, № 2 (18). С. 291–308. 1
15. Солтанбекова Б.А. Арт-терапия как метод работы с кризисным состоянием горя в детском возрасте / Б.А. Солтанбекова // Материалы глобального партнерства по развитию научного сотрудничества: сб. науч. ст. М., 2015. С. 236–245.
16. Martin, L. et al. Creative Arts Interventions for Stress Management and Prevention—A Systematic Review. — NIH : National Library of Medicine : Behave Sci-Fi (Basel), 2018. Vol. 2(8). Режим доступа : <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5836011> (дата обращения 20.01.24)
17. Jackson L. Introduction to the Special Issue — Anti-Oppressive Art Therapy: Cultural Humility. — Taylor&Francis Online. Art Therapy: Journal of the American Art Therapy Association, 2023. — Vol. 40. — p. 59-60.
18. Шленков А.В. Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации / А.В. Шленков // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. — 2016. — № 1. — С. 98-107.
19. Joschko R. et al. The effect of active visual art therapy on health outcomes: protocol of a systematic review of randomised controlled trials. — BMC: Part of Springer Nature. Systematic Reviews, 11 (96), 2022. — Режим доступа: <https://systematicreviewsjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/s13643-022-01976-7>
20. Тугуз Р.А. Развитие стрессоустойчивости у детей методами арттерапии / Р.А. Тугуз // Научная палитра. 2019. № 3(25). С. 12.
21. Крамер Э. Арт-терапия с детьми / Э. Крамер. — М.: Генезис, 2014. — 206 с.
22. Асадуллина А.М. Арт-терапия как метод преодоления эмоционального стресса / А.М. Асадуллина, М.А. Мухтарова // Глобальная экономика и образование. — 2022. Т. 2. № 2. С. 72-78.
23. Бахурина Е. Техника коррекции эмоциональных комплексов через рисование у детей 5-9 лет / Е. Бахурина // http://flogiston.ru/articles/therapy/child_painting (дата обращения 01.02. 24)
24. Шленков А.В. Возможности метода арт-терапии при оказании психологической помощи детям, пережившим чрезвычайные ситуации / А.В. Шленков // Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях. 2016. № 1. С. 98-107.
25. Маклаков А. Г. Общая психология [Электронный ресурс] / А. Г. Маклаков. — Режим доступа: <http://www.gumer.info/bibliotek Buks/Psihol/ mnakl/19.php> (дата обращения: 09.02.2024).
26. Копытин А.И. Системная арт-терапия / А.И. Копытин. — СПб.: Питер, 2016. — 376 с.
27. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. — М.: Гнозис, 1993. — С. 47–116.
28. Norton R.W. Measurement of ambiguity tolerance // Journal of Personality Assessment. 2002. № 39 (6). P. 607–619.

© Шмигановская Анна Юрьевна (mraad2012@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ ДЕТЕЙ РАННЕГО ВОЗРАСТА К ДОШКОЛЬНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF ADAPTATION OF YOUNG CHILDREN TO PRESCHOOL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

**N. Shcherbakova
E. Alferova**

Summary: The article is devoted to the urgent problem of adaptation of young children to a preschool educational organization. The problem of adaptation of children 2-3 years of age to kindergarten conditions is of great importance. How a child gets used to a new regime, to strangers, depends on his physical and mental development, helps to prevent or reduce morbidity, as well as further well-being, existence in kindergarten and family. In order to avoid complications at the beginning of the adaptation process at the initial stage and ensure its optimal course, an adult needs to help the child gradually get used to the conditions of kindergarten. Properly organized activities of a teacher with children can be the key to effective adaptation of children to kindergarten conditions. The article presents the results of a study of the adaptation of young children to a preschool educational organization.

Keywords: adaptation, development, preschool education, early age, preschool age, kindergarten.

Щербакова Наталья Евгеньевна

канд. пед. наук, доцент, доцент, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
stenyakova-n@mail.ru

Алферова Екатерина Сергеевна

Магистрант, ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
katrin_alferova99@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме адаптации детей раннего возраста к дошкольной образовательной организации. Проблема адаптации детей 2-3 года жизни к условиям детского сада имеет большое значение. От того как проходит привыкание ребенка к новому режиму, к незнакомым людям зависит его физическое и психическое развитие, помогает предотвратить или снизить заболеваемость, а также дальнейшее благополучие, существование в детском саду и семье. Чтобы на первоначальном этапе избежать осложнений в начале процесса адаптации и обеспечить оптимальное ее течение, взрослому необходимо помочь ребенку постепенно привыкнуть к условиям детского сада. Правильно организованная деятельность педагога с детьми может стать залогом эффективной адаптации детей к условиям детского сада.

В статье представлены результаты проведенного исследования адаптации детей раннего возраста к дошкольной образовательной организации.

Ключевые слова: адаптация, развитие, дошкольное образование, ранний возраст, дошкольный возраст, детский сад.

Проблема адаптации ребенка к условиям детского сада возникла с самого начала существования дошкольных учреждений и сейчас остается актуальной в нашем современном мире. Практически каждая семья сталкивается с этой проблемой, когда приходит время отдавать ребенка в детский сад. Особенно с этим сталкиваются дети раннего возраста. В этот период дети особенно чувствительны к разлуке с близкими, очень боятся новизны.

Адаптация – это сложный процесс приспособление человека к условиям новой социальной среды, является новым, еще неизвестным пространством, с новым окружением и новыми отношениями, один из социально-психологических механизмов социализации личности.

Необходимое условие успешной адаптации – согласованность действий родителей и воспитателей, знание и учет возрастных и индивидуальных особенностей каждого ребенка. А также насколько ребенок в семье подготовлен к переходу в детский сад.

Еще до поступления малыша в группу воспитателям следует установить контакт с семьей. Задача воспитателя: успокоить взрослых, пригласить их осмотреть групповые помещения, рассказать, чем ребенок будет заниматься, во что играть, познакомить с режимом дня, вместе обсудить, как облегчить период адаптации, выработать единый подход к воспитанию ребенка, согласование воздействий на него дома и в дошкольном учреждении. Детский сад должен стать реальной, а не декларируемой, открытой системой, родители и педагоги должны строить свои отношения на психологии доверия. Успех сотрудничества зависит во многом от взаимных установок семьи и детского сада. В раннем возрасте ребенок приобретает стремление к самостоятельности и независимости от взрослого, остаётся связанным со взрослым, ибо нуждается в его практической помощи, оценке и внимании. Это противоречие находит разрешение в новой социальной ситуации развития ребенка, которая представляет собой сотрудничество или совместную деятельность ребенка и взрослого [2;4;5;6].

На основе проведенного анализа теоретических характеристик адаптации детей раннего возраста к дошкольной образовательной организации, было организовано и проведено соответствующее эмпирическое исследование, цель которого – изучение уровня адаптации детей раннего дошкольного возраста к условиям детского сада.

Исследование было проведено на базе МБДОУ №71 «Северное сияние» г. Пенза. В исследовании принимали участие 50 детей раннего возраста (2 – 3 года): 25 детей вошли в состав экспериментальной группы (ЭГ), 25 – в состав контрольной (КГ). Все дети посещают детский сад с начала учебного года.

Исследование было осуществлено в 3 этапа:

I. этап – проведение констатирующего исследования. Этот этап заключается в определении условий успешной адаптации детей раннего дошкольного возраста.

Инструментарием данного этапа исследования было выбрано:

1. Наблюдение за деятельностью детей.
2. Метод опроса родителей.
3. Экспертный опрос воспитателей 1 младших групп №1 и №2.
4. Методика А.С. Роньжиной «Диагностика уровня адаптированности ребенка к дошкольному учреждению».
5. Методика А. Остроуховой «Изучение степени адаптации ребенка к ДОУ» [17].
6. Методика диагностики тревожности Р. Сирса.
7. «Выявление уровня сформированности коммуникативных умений и навыков детей» методика Ю.В. Микляевой.

II. этап – проведение формирующего исследования с использованием разработанной программы для успешной адаптации детей раннего дошкольного возраста.

III. этап – контрольное исследование, анализ и интерпретация полученных экспериментальных данных.

Цель первичной диагностики: обследование исходного уровня адаптации детей раннего дошкольного возраста.

Наблюдение в условиях естественной жизнедеятельности было направлено на фиксацию фактов. Такой вид наблюдения характеризуется тем, что отсутствует контакт с малышом, и диагностирует индивидуальные особенности его деятельности.

Наблюдение проводилось в процессе их жизнедеятельности в дошкольном учреждении:

- в привычной для них ситуации на занятиях по ри-

сованию, развитию речи, конструированию, музыкальном занятии и физкультуре;

- в свободной форме деятельности – игре;
- в режимных моментах, таких как – умывание, прием пищи и одевании на прогулке.

В индивидуальных беседах с родителями выясняли условия жизни малыша в семье, состояния его здоровья, привычки, особенности характера, режим дня и взаимоотношения между взрослыми членами семьи. Также знакомили с сотрудниками детского сада, которые будут работать с детишками и рассказывали о режиме дня в дошкольном учреждении.

Достаточно полно использовалась наглядная информация для родителей. Стенд наглядной информации оформлен просто и в едином стиле, не перегружен информацией.

Беседа с воспитателями показала, что при поступлении ребёнка в дошкольное учреждение педагоги использовали индивидуальные и фронтальные формы организации общения.

Анализ результатов констатирующего этапа эксперимента на основе выделенных показателей продемонстрировал следующее.

По результатам методики А.С. Роньжиной (М.В. Корепановой, А.С. Харламповой) мы выявили, что высокий уровень в экспериментальной группе показали 0 детей (0 %), средний – 7 (28 %) детей, низкий – 18 (72 %) ребёнка. В контрольной группе по методике А.С. Роньжиной результаты следующие: высокий уровень имеют 0 (0 %) детей, средний уровень – 8 (32%) ребёнка, низкий – 17 (68 %) ребенка.

По результатам методики А. Остроуховой мы выявили, что легкий уровень адаптации в экспериментальной группе показали 0 детей (0 %), средний – 6 (24 %) детей, усложненный – 10 (40 %) детей, уровень дезадаптации был выявлен у 9 детей (36%). В контрольной группе - легкий уровень адаптации показали 0 детей (0 %), средний – 7 (28 %) детей, усложненный – 13 (52 %) детей, уровень дезадаптации был выявлен у 5 детей (20%).

По результатам методики Р. Сирса мы выявили, что высокий уровень в экспериментальной группе показали 14 детей (56 %), выраженный – 10 (40 %) детей, низкий – 1 (4 %) детей. В контрольной группе результаты следующие: высокий уровень имеют 13 (52 %) детей, выраженный уровень – 9 (36%) детей, низкий – 3 (12 %) ребенка.

Результаты диагностики по методике Ю.В. Микляевой продемонстрировали, что высокий уровень в экспериментальной группе показали 0 детей (0 %), средний – 10 (40 %) детей, низкий – 15 (60 %) детей. В контрольной группе: высокий уровень имеют 0 (0 %) детей, средний уровень – 9 (36 %) детей, низкий – 16 (64 %) ребенка.

Таким образом, результаты констатирующего исследования показали, что актуальным является осуществление целенаправленной организации процесса привыкания детей к новым условиям дошкольного учреждения, которое способствовало бы адекватному, безболезненному приспособлению детей к новым условиям, сохранению и укреплению их психического здоровья. Возникает потребность в создании и разработке целостного набора средств, приемов и методов, которые способствовали бы эффективному повышению адаптационных возможностей детей, и содействовала снятию стрессового состояния.

Решение вышеупомянутого вопроса легло в основу разработки программы психолого-педагогического сопровождения ребенка в период адаптации к дошкольной образовательной организации.

Программа позволяет ребенку легче адаптироваться в группе детей, усваивать групповые правила поведения, создает безопасное пространство для общения, условия для самовыражения, объединяет всех детей совместной деятельностью, способствует повышению уверенности в своих силах, влияет на гармонизацию межличностных отношений [15;20].

Цель программы – способствовать личностному росту ребенка и тем самым, помогать ему адаптироваться к условиям детского сада.

Основные задачи программы:

- сформировать чувство принадлежности к группе,

помочь ребенку почувствовать себя более защищенным;

- развивать навыки социального поведения;
- способствовать повышению уверенности в себе и развитию самостоятельности;
- развивать способность ребенка к сопереживанию, эмпатии;
- формировать умение ребенка выражать свои чувства разными, адекватными способами, в том числе и с помощью творчества;
- формировать позитивное отношение к сверстникам.

Занятия по программе проводятся в сентябре – октябре и предполагают групповую форму работы. Программа рассчитана на детей 2-3 лет и состоит из 6 занятий, которые проводятся 1-2 раза в неделю в форме интерактивных занятий с включением тренинговых упражнений продолжительностью 15-20 минут.

В таблице 1 представлено тематическое планирование программы. (Таб. 1.)

После проведения формирующего этапа исследования, направленного на улучшение условий адаптации детей к детскому саду в процессе использования программы психологической адаптации детей раннего возраста к дошкольной образовательной организации, необходимо выявить динамику уровня адаптированности детей раннего возраста к детскому саду. Для выявления динамики мы использовали выделенные в констатирующем этапе показатели психологической адаптации детей

Таблица 1.

Тематическое планирование программы психологической адаптации детей 2-3 лет к условиям детского сада.

№ п/п	Тематика занятий	Цель	Содержание
1	Знакомство. «Зайка – зайка».	Дать детям возможность ощутить свою принадлежность к группе, выразить свое состояние. Настроить детей на позитивное восприятие детского сада	Занятие начинается с приветствия «С голубого ручейка начинается река, ну а дружба начинается с улыбки». Основная часть начинается с сюрпризного момента - появление зайчика. После того как зайчик появился, психолог предлагает познакомиться, проводится упражнение «Знакомство». Упражнение «Пальчики здороваются». После выполнения данного упражнения зайчик вместе с психологом предлагает выполнить упражнение «Зайчата». Далее выполняется психогимнастика «Тихий час для зайчат» Проводится под музыкальное сопровождение. Психолог играет роль мамы Зайчихи, дети - зайчат. Прощание «Воздушные поцелуи» и возвращение в группу.
2	«Кукла в гости к нам пришла»	- снятие эмоционального и мышечного напряжения; - снижение импульсивности, излишней двигательной активности, тревоги, агрессии; -развитие навыков взаимодействия детей друг с другом; -развитие эмоциональной отзывчивости к окружающему миру.	После приветствия психолог знакомит детей с куклой, которая пришла вместе с ней. Дети знакомятся с куклой, узнают, что ее зовут Наташа. Предлагает выполнить упражнение «Научим куклу умываться». При проговаривании потешки дети выполняют соответствующие движения. Далее проводится игра «Что в мешочке». Кукла принесла для нас волшебный мешочек. Дети достают по одному предмету и называют его. Рассматривают. В заключительной части, дети прощаются, выполняется упражнение «Карусели»

№ п/п	Тематика занятий	Цель	Содержание
3	«Котик - Коток»	-создание у детей положительного эмоционального состояния, развитие коммуникативных навыков адаптация ребенка в коллективе сверстников; - развитие мелких мышц рук, обучение понимать и повторять стихотворный текст, отгадывать загадки, побуждение детей к активной речи.	Приветствие. «Загадка»- дети отгадывают и узнают, что это котик. Психолог интересуется, у кого дома есть кот или кошка? Как их зовут? А вы хотите стать котиками? Дети рассказывают и показывают, что делают котят. Психолог говорит, что котят любят играть в карандаши, и предлагает ребятам поиграть вместе. Дети катают карандаши по примеру взрослого. Сюрпризный момент - появление Котика. Котик появляется и предлагает поиграть в игру «Мяу-мяу». Упражнение «Котик танцует» (проводится под веселую музыку). Упражнение на расслабление «Котик устал». Релаксация. Ритуал «завершение» занятия.
4	Песочная терапия	- создание положительного эмоционального настроения; -развитие воображения; - установить контакт с другими детьми; - снятие напряжения и тревожности.	Приветствие, знакомство с куклой-малышом. Игра «Большие – маленькие». Игра «Это Я». Игра «Песочный дождик» (ребенок медленно, а затем быстро сыплет песок из своего кулачка в песочницу, на ладонь взрослого, на свою ладонь). Игра «Необыкновенные следы» Ритуал «завершение» занятия.
5	Мы все вместе	- снятие напряжения, создание позитивного настроения, атмосферы доброжелательности, учить детей устанавливать контакт, действовать вместе.	Приветствие. Игра «Самолеты (дети по сигналу педагога изображают самолет, работу двигателя). Пальчиковая гимнастика «Кошки - мышки». Упражнение «Улыбка по кругу». Рефлексия занятия. Что вам понравилось на занятии? Что вам не понравилось на занятии?
6	«Веселый бегемотик»	- сплочение группы, создание доброжелательной атмосферы, улучшения настроения детей, развитие слухового внимания, способности быстро реагировать на ситуацию.	Приветствие по кругу. Игра «Добрый» бегемотик». Пальчиковая игра «Моя семья». Упражнение «Улыбка по кругу». Рефлексия занятия. Ритуал «прощание».

раннего возраста. По данным показателям мы провели повторную диагностику детей, используя диагностические методики констатирующего эксперимента.

Рассчитанные эмпирические значения критерия Фишера по показателям адаптации детей к ДОО в двух группах до и после проведения программы позволили сделать вывод о том, что проведенная работа была эффективной.

1. В экспериментальной группе уровень адаптации детей раннего возраста стал значительно выше, чем на констатирующем этапе эксперимента. Дети научились находить общий способ решения трудных ситуаций, решать поставленные перед ними задачи сообща ($\varphi^*_{эмп.} = 3,195$, при $p \geq 0,01$).
2. В экспериментальной группе отмечается значительное увеличение уровня сформированности в плане контекстного общения со взрослыми по-

сле формирующего этапа эксперимента. Стало осуществляться не непосредственное, а опосредованное требованием сотрудничество ($\varphi^*_{эмп.} = 4,14$, при $p \geq 0,01$).

3. В экспериментальной группе после использования специальной программы занятий у большинства детей стал преобладать положительный эмоциональный фон ($\varphi^*_{эмп.} = 4,086$, при $p \geq 0,01$).

В контрольной группе результаты диагностики остались практически неизменными, и полученное эмпирическое значение критерия Фишера, которое не достигло порогового значения при $p \geq 0,05$, позволяет сделать вывод об отсутствии различий.

Результаты исследования могут быть применены в процессе психолого-педагогической работы с детьми раннего возраста в дошкольной образовательной организации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адаптация детей раннего возраста к условиям ДОУ: практ. пособие / авт.- сост. Л.В. Белкина. – Воронеж: Учитель, 2004. – 236 с.

2. Бабич Н.А., Талина И.В. Социальная адаптация детей 3-4 годов жизни (младший дошкольный возраст) к условиям детского образовательного учреждения // В сборнике: Инновационный потенциал молодежи. – 2016. – 2016. С. 64-68.
3. Бежаева Д.Н., Зиновенко О.А. Особенности адаптации детей раннего возраста к условиям детского сада // В сборнике: Аспекты и тенденции педагогической науки. – 2016. – С. 34-37.
4. Балл Г.А. Понятие адаптации и его значение для психологии личности // Вопросы психологии. 1989. № 1. С. 92-100.
5. Богуславская З.М. Развивающие игры для детей младшего дошкольного возраста: кн. для воспитателя детского сада / З.М. Богуславская, Е.О. Смирнова. – М.: Просвещение, 1991. – 207 с.
6. Волобуева Н.А., Климова Т.В. Адаптация детей к условиям дошкольного учреждения // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2012. – № 5. С. 14-19.
7. Галанов А.С. Я иду в детский сад: пособие для родителей и воспитателей / А. С. Галанов. – М.: Школ. Пресса, 2002. – 80 с.
8. Галигузова Л.Н. Формирование потребности в общении со сверстниками в раннем возрасте // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 46-53.
9. Григорьева А. Игра как способ адаптации детей дошкольного возраста // Воспитание дошкольников. 2010. № 3. С. 51-52.
10. Доронова Т.А. Взаимодействие дошкольного учреждения с родителями // Дошкольное воспитание. 2004. № 1. С. 60-69.
11. Дошкольное учреждение и семья – единое пространство детского развития: метод. рук. для работников дошкол. образоват. учреждений. – М.: Линка-Пресс, 2001. – 224 с
12. Евстратова Е.А. Новые формы по взаимодействию дошкольного образовательного учреждения и семьи // Воспитание детей раннего возраста в условиях семьи и детского сада: сб. ст. и док. СПб., 2003. С. 58-65.
13. Зубова Г., Арнаутова Е. Психолого-педагогическая помощь родителям в подготовке малыша к посещению детского сада // Дошкольное воспитание. 2004. № 7. с.66 – 77.
14. Кирюхина Н.В. Организация и содержание работы по адаптации детей в ДОУ: практ. пособие. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 112 с.
15. Макшанцева Л.В. Программа психодиагностики, профилактики и преодоления дезадаптации младших дошкольников к ДОУ // Психолог в детском саду. 2004. № 1. С. 24-48.
16. Николаева Е.И. Некоторые размышления о подготовке ребенка к посещению детского сада // Дошкольная педагогика. 2011. № 9. С. 67-69.
17. Остроухова А. Успешная адаптация. Как ее «измерить»? / Обруч. 2008. № 3. С. 16-17.
18. Печора К.Л. Дети раннего возраста в дошкольных учреждениях / К.Л. Печора. – М.: Просвещение, 2006. – 214 с.
19. Пыжьянова Л. Как помочь ребенку в период адаптации // Дошкольное воспитание. 2003. № 2. С. 14-16.
20. Самарина Л.В. Открой новый мир: программа адаптации детей ран. возраста к дет. саду / Л.В. Самарина, В.А. Холопова. – СПб.: Речь, 2003. – 221 с.

© Щербакова Наталья Евгеньевна (stenyakova-n@mail.ru), Алферова Екатерина Сергеевна (katrin_alferova99@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТАЦИЙ, КАК ФАКТОРА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЧНОСТИ К УСЛОВИЯМ ОБУЧЕНИЯ В ВОЕННОМ ИНСТИТУТЕ

RESEARCH OF VALUE ORIENTATIONS AS A FACTOR OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ADAPTATION OF AN PERSON TO THE CONDITIONS OF STUDYING AT A MILITARY INSTITUTE

N. Yakunin
Yu. Zhivaeva
E. Alydzh
T. Kazakova
V. Kembel

Summary: The article presents the results of a study of the value orientations of cadets as a factor in the socio-psychological adaptation of the individual to the conditions of training at a military institute. The indicators of personal characteristics that can directly act as factors in the formation of the characteristics of value orientations among the studied cadets are described. The relationship between the studied parameters was identified and described using the Spearman rank correlation coefficient.

Keywords: value orientations, socio-psychological adaptation, military institute, cadet, self-attitude, rigidity.

Якунин Николай Иванович

Подполковник, начальник службы связи - начальник связи Новосибирского военного ордена Жукова института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации
yakuninni@rosguard.gov.ru

Живаева Юлия Валерьяновна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
yul-zhivaeva@yandex.ru

Альджи Екатерина Иннокентьевна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
Katya-chernova@yandex.ru

Казакова Татьяна Вячеславовна

Доктор медицинских наук, профессор, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
kazak-tv@mail.ru

Кембель Вера Радиооновна

Доцент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого»
vera.kembel@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования ценностных ориентаций курсантов, как фактора социально-психологической адаптации личности к условиям обучения в военном институте. Описаны показатели личностных характеристик, которые непосредственно могут выступать факторами формирования особенностей ценностных ориентаций у исследуемых курсантов. Выявлена и описана взаимосвязь изучаемых параметров при помощи коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Ключевые слова: ценностные ориентации, социально-психологическая адаптация, военный институт, курсант, самоотношение, ригидность.

Введение

Изучение таких психологических феноменов, как социально-психологическая адаптация студентов, а также особенности их ценностных ориентаций, являются одними из наиболее активно и широко исследуемых проблем в современной психологии. Это обусловлено тем, что данный вопрос содержит в себе теоретическую и практическую значимость, как для психологической науки, так и для других гуманитарных наук.

Проблема социально-психологической адаптации в такой отрасли психологии, как военная психология, принимает не менее актуальный характер. Ведь, безусловно, период студенчества выступает основополагающим этапом в формировании личности офицера и становлении качеств настоящего защитника отечества. Этот период отражается на дальнейших проявлениях особенностей самореализации личности, а также оказывает большое влияние на формирование успешной профессиональной позиции. Изучение процесса социально-психологической адаптации в рамках военного высшего учебного

заведения, позволит выявить те условия, которые непосредственно влияют на качество этого процесса. Так как особенности прохождения адаптационных процессов отражаются на успешности в рамках обучения и воспитания, воинской дисциплине, учебных и внеучебных достижениях, а также психологическом благополучии личности курсантов.

Важно отметить, что адаптационные условия, с которыми сталкиваются курсанты военных вузов существенно отличаются от тех, с которыми встречаются обучающиеся гражданских высших образовательных учреждений. С самого начала обучения курсанты вынуждены сталкиваться, кроме обучения, с исполнением обязанностей, связанных с профессиональными особенностями военной службы. И, необходимо отметить, что самым трудным периодом на протяжении процесса адаптации, выступает начальный. Следует выделить, что процесс адаптации, который подразумевает под собой специфические взаимосвязанные этапы, в рамках которых осуществляется психоэмоциональное становление курсанта, детерминирован не так успешным усвоением учебного материала, как благоприятной интеграцией в новую социальную среду, несущую в себе отличающиеся от ранее знакомых нормы и требования. В свою очередь, для адаптации в условиях новой среды, для курсанта необходимы навыки межличностного общения, способность осознать свое место и роль в новых условиях и коллективе, умение развивать свои способности и реализовывать интересы в рамках изменившихся условий, а также ставить цели и задачи необходимые для достижений в рамках этих способностей.

Постановка проблемы

При изучении процесса социально-психологической адаптации личности на этапе студенчества к условиям обучения в вузе важно обратить внимание на особенности структуры и динамику ценностных ориентаций личности обучающегося. Так как одним из главных психологических факторов, обеспечивающих успешность прохождения адаптационного процесса, является направленность личности. В свою очередь, именно система ценностных ориентаций, которая выступает основополагающей составляющей мировоззрения и центральным образованием личности, определяет направленность интересов, целей и линию поведения человека.

Анализируя позиции ряда авторов, таких как К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, Б.С. Братусь, Д.А. Леонтьев, А. Маслоу, В.Э. Чудновский и др., можно отметить, что ценностные ориентации представляют собой ту характеристику личности, которая предопределяет жизненный путь и сказывается на выстраивании отношений с окружающей средой. Ценностные ориентации играют важную роль в функционировании и реализации

личности. Они оказывают влияние на реакцию в той или иной ситуации, развитие навыков взаимодействия с социумом, формирование. В любой сфере жизни личность принимает ту или иную позицию в зависимости от особенностей структуры ценностных ориентаций. Это личностное образование выстраивает особенности отношения человека с окружающей его средой на протяжении всей жизни. Дисгармоничное формирование структуры ценностных ориентаций, например, отвержение важных для профессиональной реализации ценностей на этапе обучения в высшем учебном заведении, грозит дальнейшей профессиональной неуспешностью, нарушением процесса адаптации к условиям среды вуза, а также нарушением психологического благополучия личности, в целом, в виду последствий неуспеваемости обучения.

Исходя из вышеизложенного теоретического анализа материала по теме исследования, необходимо подчеркнуть, актуальность исследования ценностных ориентаций, как фактора социально-психологической адаптации личности к условиям обучения в военном институте.

База и выборка исследования

Исследование проводилось на базе ФГКВОУ ВО «Новосибирский ордена Жукова военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации».

Методы исследования

В целях решения выдвинутых нами задач данного исследования, был использован комплекс методов: теоретические методы: теоретико-методологический анализ; метод обобщения и интерпретации научных данных. эмпирические методы: применение психодиагностических методик («Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ)» И.Г. Сенина, «Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд» в адаптации А.К. Осницкого, «Тест мотивации достижения (ТМД)» А. Мехрабиана, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова), методы статистического анализа данных: U-критерий Манна-Уитни, T-критерий Стьюдента, корреляционный критерий Спирмена.

Выборка, участвующая на этапе констатирующего эксперимента представлена курсантами ФГКВОУ ВО «Новосибирский ордена Жукова военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации» в количестве 120 человек.

В качестве методик были использованы: «Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ)» И.Г. Сенина, «Тест мотивации достижения (ТМД)» А. Мехрабиана, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова «Томский опросник

ригидности (ТОР)» Г.В. Залевского, Е.И. Рассказовой, «Методика исследования самоотношения (МИС)» С.Р. Пантеева, «Методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд» в адаптации А.К. Осницкого.

Результаты исследования

При анализе результатов первичной диагностики было выявлено следующее: в ходе обработки результатов методики «Опросник терминальных ценностей (ОТЕЦ)» И.Г. Сенина, нами была выявлена выраженность терминальных ценностей у респондентов. Результаты говорят о том, что такие терминальные ценности, как «активные социальные контакты» и «достижения» имеют низкий уровень выраженности, соответственно являются отвергаемыми у данной группы респондентов.

По методике «Тест мотивации достижения (ТМД)» А. Мехрабиана, в модификации М.Ш. Магомед-Эминова были получены следующие результаты: у 37% респондентов (45 человек) присутствует доминирующий мотив на избегание неудач, у 35% респондентов (42 человека) доминирующая мотивация не определена, кроме этого, 28% респондентов (33 человека) имеют доминирующий мотив на стремление к достижению успеха.

По «Методике диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд» в адаптации А.К. Осницкого были получены результаты, у 38% респондентов (46 человек) выявлен низкий уровень социально-психологической адаптации, а также у 33% респондентов (39 человек) наблюдается средний уровень социально-психологической адаптации. В свою очередь 29% респондентов (35 человек) имеют высокий уровень социально-психологической адаптации.

Такие показатели говорят о важности проведения дальнейшей коррекционной психологической работы, направленной на повышение уровня социально-психологической адаптации респондентов, так как высокий уровень данной характеристики будет выступать факто-

ром к благоприятному развитию личности в профессиональной среде, а также гармоничному развитию ценностно-смысловой структуры личности.

Важно также отметить и то, что для выявления взаимосвязи исследуемых переменных был проведен корреляционный анализ с использованием коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

Проанализирована взаимосвязь между такими показателями, как «Показатель уровня социально-психологической адаптации» и «Показателями выраженности ценностей «Достижения» и «Активные социальные контакты»». Были получены результаты, свидетельствующие о наличии положительной корреляционной связи между данными показателями (0,77 при $r^* \geq 0,5$ и 0,71 при $r^* \geq 0,5$). Это говорит о том, что чем менее выражены ценности «Активные социальные контакты» и «Достижения», тем ниже уровень социально-психологической адаптации у респондентов. Отсюда следует, что характеристики ценностных ориентаций оказывают влияние на процесс адаптации в новой среде.

Вывод

Таким образом, в ходе первичной диагностики нами были получены результаты, свидетельствующие о важности проведения психологической коррекционно-развивающей работы, направленной на развитие ценностных ориентаций и повышение уровня социально-психологической адаптации курсантов. Кроме этого, работу необходимо также направить на характеристики личностного блока, которые оказывают влияние на становление ценностных ориентаций респондентов. К этим характеристикам можно отнести самоотношение, ригидность, мотивационную направленность.

Коррекционно-развивающая работа в данном направлении будет проходить путем формирующего эксперимента, а именно реализации специально разработанной психологической коррекционно-развивающей программы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александровский, Ю.А. Состояния психической дезадаптации и их компенсация: (Пограничные нервно-психические расстройства) / Ю.А. Александровский. – М.: 1976. – 272 с. Андреева, Г.М. Социальная психология / Г.М. Андреева. – М.: Аспект Пресс, 2017. – 363 с.
2. Андреева, Д.А. О понятии адаптации. Исследования адаптации студентов к условиям учебы в вузе / Д.А. Андреева // Человек и общество. – Л.: ЛГУ, 1973. – 125 с.
3. Бесаева, А.Г. Ценностно-смысловая сфера личности в структуре психологического знания / А.Г. Бесаева, А.Р. Джиоева, Е.Г. Сиукаева // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 60-3. – С. 57-59.
4. Большунова, Н.Я. Значение ценностно-смысловой основы личности в актуализации личностного роста офицера внутренних войск МВД России / Н.Я. Большунова, С.В. Оспенников // Сибирский педагогический журнал. – 2015. – № 4. – С. 136-142.
5. Карабанова, О.Р. Факторы, определяющие эффективность формирования и развития ценностных ориентаций курсантов военного вуза / О.Р. Карабанова // Военный научно-практический вестник. – 2018. – Т. 1. – № 1-1(8). – С. 45-47.

6. Кислов, В.Р. Формирование эмоционально-волевой устойчивости курсантов через развитие индивидуально-личностных ценностей / В.Р. Кислов, А.И. Щеголь // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2019. – Т. 25. – № 1. – С. 46-48.
7. Кравец, А.В. Социальная адаптация курсантов военного вуза в контексте объективных последствий функционирования социального института военного образования / А.В. Кравец // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Социально-экономические науки. – 2006. – Т. 6. – № 1. – С. 163-169.
8. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д.А. Леонтьев – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Смысл, 2019. – 860 с.
9. Розанов, С.И. Военная психология / С.И. Розанов. – М.: Форум, 2012. – 274 с. Зотова, О.И., Кряжева, И.К. Некоторые аспекты социально-психологической адаптации личности / О.И. Зотова, И.К. Кряжева // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 1979. – 220 с.
10. Antoci, D. The modern concept of value orientation / D. Antoci // Advances in Education Sciences. – 2019 – Vol. 1, № 1. – P. 67-84. – DOI 10.5281/zenodo.3369417.
11. Kulmagambetova, S. Features of the development of the motivational sphere of adolescents / S. Kulmagambetova, B. Ikhsanova // Polish Journal of Science. – 2021. – № 40 (40). – P. 32-34.
12. The position and role of the value orientations system in the structure of personality / E.T. Adilova, O.K. Aimaganbetova, A. Serikkhan [et al.] // Психология және социология сериясы. – 2020. – № 1 (72). – P. 13-23. – DOI 10.26577/JPSS.2020.v72.i1.02.

© Якунин Николай Иванович (yakuninni@rosguard.gov.ru), Живаева Юлия Валерьяновна (yul-zhivaeva@yandex.ru),
Алыджи Екатерина Иннокентьевна (Katya-chernova@yandex.ru), Казакова Татьяна Вячеславовна (kazak-tv@mail.ru),
Кембель Вера Радионовна (vera.kembel@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ

THE PROBLEM OF SOCIAL MOBILITY IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF SOCIAL HIERARCHY

N. Primak

Summary: The article examines the interpretation of social mobility in modern philosophy of social hierarchy. It is noted that social mobility presupposes both positive and negative assessments of philosophers in terms of its influence on culture and the state, as well as psychological and social impact on the individual. Arguments are given to demonstrate that the positive impact of social mobility is more significant for society, ensuring its cultural, social, political development and psychological comfort of its members. The conclusion is drawn about the importance of a deeper understanding of the problem and the development of a philosophy of social hierarchy for this purpose.

Keywords: society, social hierarchy, philosophy of social hierarchy, social mobility, social elevator.

Примак Никита Александрович

Старший преподаватель, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
78rito87@gmail.com

Аннотация: В статье рассмотрена трактовка социальной мобильности с позиций современной философии социальной иерархии. Отмечается, что социальная мобильность предполагает как положительные, так и негативные оценки философов с точки зрения её влияния на культуру и государство, а также психологического и социального воздействия на личность. Приводятся доводы, демонстрирующие, что позитивное воздействие социальной мобильности значимо для современного общества, обеспечивает его культурное, социальное, политическое развитие и психологический комфорт его членов. Делается вывод о важности более глубокого осмысления проблемы и развития с этой целью философии социальной иерархии.

Ключевые слова: общество, социальная иерархия, философия социальной иерархии, социальная мобильность, социальный лифт.

Устройство общества подчиняется строгим законам, действующим в течение тысячелетий его существования. Одна из безоговорочно действующих закономерностей – иерархическое построение, при котором одни люди управляют другими, общество делится на уровни, между членами которых устанавливаются взаимно подчинённые отношения. Социальная иерархия – одна из разновидностей иерархий, встречающихся в мире и действующих как законы устройства бытия. Она определяется как «порядок построения отношений между людьми, порядок их общежития, модель распределения власти в сообществе» [1, с. 99]. Иерархичность проявляется в наличии страт – общностей людей по экономическому, политическому или профессиональному признаку [7, с. 7]. Благодаря иерархическому устройству, общество является устойчивым, справляется с любыми трудностями и потрясениями. Вопросы о том, каким должно быть соподчинение людей и групп в обществе, по каким законам оно должно строиться, насколько допустимы отступления от этих законов, постоянно рассматриваются исследователями, которые высказывают различные, порой парадоксальные и противоречивые мысли. Так, И.А. Дедова проводит обоснование чуждости социально-классовой иерархии духовной традиции русского народа [2]. Одной из проблем, связанных с существованием социальной иерархии, является проблема социальной мобильности, стабильно привлекающая внимание философов [3; 7–9].

Целью данного исследования стал анализ проблемы социальной мобильности как одного из способов изменения положения индивида в иерархической структуре общества. В ходе исследования использовались методы анализа, синтеза, описательный и диалектический методы.

Социальную мобильность можно кратко определить как «возможность изменения социального статуса» [5, с. 210]. Посредством социальной мобильности человек переходит из одной социальной группы в другую, меняя свою страту. Встречается и другой вид социальной мобильности – нисходящий, однако в философии, социологии, политологии принято говорить о социальной мобильности в связи с возможностями роста, которые она предоставляет членам общества.

В традиционных, архаичных обществах социальная мобильность затруднена или даже практически невозможна. Человек остаётся в своей страте, определённой его рождением, спецификой той микрогруппы, в которую он входит, его образованием. С одной стороны, это обеспечивает обществу стабильность, устойчивое положение его членов, развитие настолько неспешное, что оно не оценивается членами общества как угрожающее социальным и политическим устоям. С другой стороны, обществу с затруднённой социальной мобильностью грозит стагнация, застой производства, торговли, культуры, политической жизни. Если такая ситуация наблю-

дается в течение длительного времени, то в обществе может начаться регресс. Дело в том, что отсутствие социальной мобильности противоречит самой человеческой природе. Для человека важно иметь возможность развиваться, знать, что развитие возможно, что при желании он сможет много достичь, выйти за рамки своей социальной группы, опередить других людей, раскрыть свой потенциал. Воспользуется ли человек этой возможностью – уже другой вопрос, однако само наличие и возможности, и примеров того, как её смогли реализовать другие, очень важно для развития личности, для её самореализации.

Для философии социальной иерархии как одного из направлений современной философии актуален вопрос о том, необходима ли социальная мобильность для развития общества или она способствует разрушению его иерархического устройства. Современные учёные, как правило, отвечают на этот вопрос в пользу социальной мобильности, считая, что развитие общества обеспечивается за счёт «равных возможностей для социальной мобильности, открытости социальных структур, доступа к существующим социальным лифтам» [9, с. 217], что возможность социальной мобильности помогает членам общества в самопознании, поисках себя, раскрытии своей личности.

Тем не менее, обсуждаются в современном научном сообществе и негативные последствия социальной мобильности.

Во-первых, отмечается, что она влияет на устойчивость культуры, способствует её трансформации, дополнению традиционных компонентов культуры новационными. Однако это последствие только кажется негативным, ведь новации – условие обогащения культуры, обеспечения её жизнеспособности, поскольку «культура не может транслироваться от поколения к поколению в неизменном виде; каждое поколение добавляет в культурное поле что-то своё» [4, с. 21].

Во-вторых, можно говорить о психологических трудностях индивида, живущего в обществе со множеством возможностей социальной мобильности и/или находящегося в процессе изменения своего социального статуса, социальной группы. Действительно, социальная мобильность способна «порождать глубокие психологические изменения человека и целых сообществ» [8, с. 96]. П.А. Сорокин вообще отмечал, что она не может быть привлекательна для человека психологически [7, с. 480]. Однако с негативной оценкой такого типа также можно поспорить. Для человека психологическое развитие не менее значимо, чем интеллектуальное и эмоциональное, более того, для психологии человека очень важно понятие личностной значимости [6, с. 227], а «узость освоенного пространства коррелирует с узостью опыта и,

как следствие, с уровнем развития личности» [8, с. 96]. Человек ценит представление о собственной способности менять себя и мир; само понимание того, что в сложной жизненной ситуации возможны изменения, психологически помогает человеку преодолеть трудности.

Вопрос о наличии у социальной мобильности положительных и отрицательных сторон остро стоит в науке ещё с тех пор, когда теория социальной мобильности только начала разрабатываться. Питирим Сорокин, стоявший у её истоков, характеризуя позитивные следствия данного процесса, говорил о том, что социальная мобильность стимулирует когнитивную деятельность человека (учит его мыслить, побуждает к размышлениям), уменьшает степень распространения в обществе предрассудков, способствует нахождению каждым человеком дела, обеспечению его занятости и т.п. [7, с. 470-475]. Он же выделял и негативные следствия, по крайней мере, применительно к горизонтальной социальной мобильности (миграции), в том числе ослабление нравственных норм, утрата патриотизма, появление чувства одиночества и отчуждённости, рост числа суицидов, усиление социальной изоляции граждан [Там же]. Возможность таких явлений, ассоциируемых с социальной мобильностью, нельзя исключать, но скорее это сопутствующие или даже предшествующие ей процессы, а не её следствия. Горизонтальная мобильность, о негативной стороне которой говорил П.А. Сорокин, сам будучи эмигрантом и прекрасно знающий ситуацию, становится целью человека, если жизнь в собственной стране становится для него мучительной, в том числе и по причине невозможности смены социальной страты. Иначе говоря, социальная мобильность, наличие социальных лифтов – один из факторов, обеспечивающих человеку комфортное существование и необходимых для его психологической устойчивости. Оценивая теорию П.А. Сорокина, современные философы обычно указывают на значительные изменения, произошедшие в обществе с тех пор, когда она создавалась. По сути, мы имеем дело уже совсем с другим обществом – более сложным и динамичным [3, с. 34], в котором вопросы социальной мобильности звучат по-другому и требуют нового осмысления со стороны современных философов.

В данном исследовании мы не затрагиваем вопрос о конкретных механизмах, инструментах социальной мобильности, именуемых обычно социальными лифтами. Несомненно, к ним относятся образование, вступление в брак, активная общественная деятельность, служба в армии, участие в политической жизни, создание собственного бизнеса и многое другое. Само наличие этих механизмов и постоянное появление новых также являются признаками важности социальной мобильности для личности каждого человека и общества в целом. Люди постоянно ищут пути для изменений в своей жизни; стремиться к изменениям – естественно для них, со-

ответствует их природе. Удовлетворяя свои потребности в росте, в повышении социального статуса, человек одновременно трансформирует и общество, которое движется вперёд вслед за своими социально мобильными членами.

Итак, социальная мобильность является важнейшим ресурсом развития общества. С её помощью не нарушается иерархическое устройство общества, поскольку, переходя из одной социальной группы в другую, человек продолжает выполнять функции одного из звеньев общественной структуры, связанного с другими звеньями многообразными линиями соподчинения. Негативные последствия социальной мобильности (дестабилизация культуры, глубокие психологические изменения челове-

ка) выглядят в современной науке несостоятельными, поскольку изменения (и культуры, и психики) представляют собой условия динамичного позитивного развития личности и общества.

Перспективы настоящего исследования состоят в продолжении выявления соотношения между стабильностью, обеспечиваемой иерархическим характером общества, и динамичностью, которую обеспечивает ему социальная мобильность. Динамично развивающейся философии социальной иерархии предстоит установить, какой уровень социальной мобильности является оптимальным и будет служить на пользу, а не на вред как общественному устройству, так и психологии индивида.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глатко М.С. Социальная иерархия, власть, сотрудничество: философский анализ социальных отношений в архаических обществах // Омский научный вестник. – 2014. – № 1 (125). – С. 99-100.
2. Дедова И.А. К вопросу о социальной иерархии // Современные тенденции и инновации в области гуманитарных и социальных наук: сб. мат. V междунар. науч.-практ. конф.; под ред. Д.А. Семенов. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2019. – С. 26-34.
3. Калмыков К.Б. Концепции социальной мобильности П. Сорокина и Дж. Урри: социально-философский анализ // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2023. – № 3 (113). – С. 32-38.
4. Крылова М.Н. Вопрос о соотношении традиционных и новационных элементов в культуре и его решение в современном научном пространстве // Гуманитарный вестник Донского государственного аграрного университета. – 2023. – № 3. – С. 17-23.
5. Новейший политологический словарь / авт.-сост. Д.Е. Погорелый, В.Ю. Фесенко, К.В. Филиппов. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 318 с.
6. Рыжов В.В., Аршакуни Л.В. Личностная значимость в психологической модели развития человека и принципы построения программы ее формирования // Инновационные технологии в науке и образовании. – 2015. – № 1 (1). – С. 227-230.
7. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой; под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. – XX, 588 с.
8. Шершеневич Н.С. Социальная мобильность: опыт современной философской рефлексии // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2019. – Т. 11. – № 3. – С. 96-102.
9. Шулёпова Е.В. Проблема социальной мобильности и социально-политической стабильности в современной России: социально-философский анализ // Социально-политические науки. 2019. № 2. С. 216-218.

© Примак Никита Александрович (78rito87@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Д. ДЭВИДСОН О МЫШЛЕНИИ, КОММУНИКАЦИИ И РЕЧЕВОМ ПОВЕДЕНИИ

Равочкин Никита Николаевич

Кузбасский государственный университет

имени Т.Ф. Горбачева;

Кузбасский государственный аграрный университет

имени В.Н. Полецкова

nickravochkin@mail.ru

D. DAVIDSON ON THINKING, COMMUNICATION AND SPEECH BEHAVIOR

N. Ravochkin

Summary: In this work, the author examines the ideas of the American philosopher D. Davidson about thinking, communication and speech behavior in the context of modern interpretation theory. Taking into account the pragmatics of philosophy, the expediency of studying interpretation to solve the fundamental problem of understanding is justified. The works of classics and modern authors relevant to the stated topic are analyzed. The necessary methodological clarifications and explanations for the presented opinions are provided. The connections between thinking and speech are represented. The influence of thinking on communication and making choices in life situations is demonstrated. The applications of D. Davidson's theory to various lines of behavior of a subject in society are specified. In conclusion, the author summarizes the results of the study.

Keywords: interpretation, thinking, speech, communication, behavior, choice.

Аннотация: В настоящей работе автор рассматривает идеи американского философа Д. Дэвидсона о мышлении, коммуникации и речевом поведении в контексте современной теории интерпретации. С учетом прагматики философии обоснована целесообразность изучения интерпретации для решения фундаментальной проблемы – понимания. Проанализированы релевантные заявленной тематике труды классиков и современных авторов. Приводятся необходимые методологические уточнения и пояснения к представленным мнениям. Репрезентированы связи мышления и речи. Продемонстрировано влияние мышления на коммуникацию и осуществления выбора в жизненных ситуациях. Конкретизированы приложения теории Д. Дэвидсона к различным линиям поведения субъекта в социуме. В заключение автором обобщены итоги проведенного исследования.

Ключевые слова: интерпретация, мышление, речь, коммуникация, поведение, выбор.

Понятие интерпретации сегодня является набирает популярность не только в лингвистике, но и в различных гуманитарных областях научного знания. Обратимся к словарям в поисках определения данного понятия. В свою очередь, в философском дискурсе анализ концепций, претендующих на фундаментальное осмысление мира и его отдельных сторон, будут являться, в соответствии с позицией П. Рикера, не чем иным, как «интерпретацией интерпретаций». Анализ термина «интерпретация» позволяет определить его как «объяснение», «разъяснение / раскрытие смысла», «толкование». Следовательно, когда речь идет об интерпретации текста, то под этим феноменом следует понимать раскрытие заложенного в тексте содержания. В.З. Демьянков считает интерпретацию не только научным инструментом, но и объектом. Автор замечает, что необходимость в интерпретации текстов послужила толчком к возникновению филологической науки вообще [3]. Даже сейчас под словом «филология» понимается универсальный метод изучения текстов. Исследователь, чья статья посвящена интерпретации текстов СМИ, очень подробно останавливается на определении и характеристике понятия «интерпретация».

Процесс интерпретации подразумевает восприятие

и осмысление текста. Текст, подвергаемый интерпретации (иными словами, являющийся объектом интерпретации), называется интерпретируемым, а текст, который рождается в ходе интерпретации (иными словами, результат интерпретации), называется интерпретирующим. Интерпретирующий текст вторичен по отношению к интерпретируемому, поскольку один и тот же текст, который подвергается осмыслению, порождает множество интерпретаций, а, следовательно, множество интерпретирующих текстов. Интерпретирующий текст представляет собой сложный со структурной точки зрения феномен. Он состоит из разноуровневых единиц, организованных по принципу ядра и периферии (ближней и дальней) [6, С. 24-25].

Ядро интерпретирующего текста представлено метатекстовыми высказываниями – «вербализованными суждениями о языке или тексте, являющимися результатом осознания языковой действительности» [9, С. 55] или представляющими собой «проявление в вербализованной форме осознанного отношения к языковым единицам, формирующим высказывание» [2]. Эти метатексты актуализируют семантику и прагматику интерпретируемого текста. Семантика и прагматика представлена следующими компонентами, выделенными Л.Г. Ким: (1)

лексическим значением языковой единицы; (2) референтной соотнесенностью языкового знака; (3) имплицатурой высказывания; (4) коннотациями, имеющимися в значении слова; (4) уместностью или неуместностью употребления слова; (5) общей оценкой высказывания; (6) искренностью / неискренностью говорящего [6, С. 28].

Ближняя периферия интерпретирующего текста представлена высказываниями, в которых «интерпретация имеет пунктуационное, графическое, интонационное оформление (т.е. невербальные речевые действия, например, во фразе «Казнить нельзя помиловать» интерпретация определяется постановкой запятой) или представляет собой декламационное чтение». Дальняя периферия представлена текстами, в которых «интерпретирующее суждение максимально свернуто, скрыто» (например, паузы, скрытые семантизации предлогов) [6, С. 28-29].

При этом Л.Г. Ким подчеркивает парадоксальность ядерно-периферийной организации интерпретирующего текста, проявляющуюся в противоречии понятий «ядро/периферия» и «норма/не норма». Исследователь отмечает, что в норме интерпретация чаще всего представлена нулевыми, скрытыми текстами, которые занимают в структуре интерпретирующего текста периферийную позицию в то время, как высказывания, занимающие ядерную позицию в структуре интерпретирующего текста, используются в качестве средства интерпретации крайне редко [6, С. 30].

В фундаментальной работе Д. Дэвидсона «Исследования истины и интерпретации» обращает на себя внимание отрывок, посвященный рассмотрению вопроса о взаимосвязях между элементами когнитивной пары «мышление – речь». Вообще данная работа направлена на понимание процесса мышления человека, осмысление влияния мышления на речь, а также влияние речи на мышление в реалиях различных жизненных ситуаций. Такая информация помогает ориентироваться и понимать собеседника в различных жизненных ситуациях. В плане практической значимости эта информация приобретает множественное выражение, например, в экстремальных и эмоционально нагруженных ситуациях, а также в процессе коммуникации с лицами, для которых язык собеседника не является родным. В повседневной жизни общение – это естественная форма социальной активности, однако при нестандартных ситуациях понимание взаимосвязи речи и мышления позволяет лучше понять собеседника, поскольку при высокой эмоциональной напряженности содержание речи в большей степени вызвано не мыслями, а эмоциональными переживаниями [12, С. 73-80]. Таким образом, слова есть отражение эмоционального состояния лица, что при попытках понять собеседника может привести к ошибкам в (ис)толковании речи и восприятию информации. Речь

является формой социального взаимодействия, и изучение вопросов взаимосвязи речи и мышления позволяет установить такое взаимодействие более эффективно.

Так, Д. Дэвидсон пишет о том, что на первый взгляд зависимость речи от мышления является очевидной, поскольку речь сначала зарождается в форме мыслей. Основным вопросом при изучении данной работы можно отметить взаимодействие речи и мышления. Так, автор ставит возможность существования мышления без речи. На данный вопрос автор отвечает, что, безусловно, возможно, и приводит в пример ситуации, когда трудно подобрать слова для выражения имеющихся идей. Однако в подобной ситуации возникает вопрос, который дальше ставит автор, если человек не может подбирать слова, имеет ли он четко сформулированную мысль. Данный пример, по нашему мнению, не является верным, поскольку невозможность сформулировать мысль может быть связана со скудностью словарного запаса, уже отмеченной эмоциональной напряженностью, нежеланием общаться именно с данным собеседником, неуверенность в себе и своих мыслях [4].

Однако автор не затрагивает очевидные, на наш взгляд, ситуации, в которых мышление может существовать без речи (именно устной речи). Например, лица, страдающие немотой, несомненно, не (с)могут выразить свои мысли через устную речь. Также лица, страдающие разной степенью социофобии и аутизма, могут иметь проблемы при выражении своих мыслей в речи, поскольку пребывание в обществе и общение для них зачастую является сильным стрессом, в связи с чем необходимо учитывать тот факт, что их речь в первую очередь может формироваться не мыслями, а различными переживаниями и защитными реакциями [1;8]. То же самое можно сказать о лицах, страдающих логоневрозом, для которых выражение мыслей через устную речь может не отражать мыслей, а также направленно на психологическую защиту [7;10].

Затем Дэвидсон справедливо замечает, что вопрос о взаимосвязи речи и мышления редко задавался сам по себе в чистом виде, что делает необходимой работу по изучению данной взаимосвязи в клинических условиях. Также автор пишет, что, по его мнению, взаимосвязь между речью и мышлением конечно имеется, но она не является прямой, обязательной и очевидной, в связи с чем объяснять одно явление через другое нецелесообразно. Мы разделяем данное мнение, поскольку речь и мышление, конечно, взаимосвязаны, но нельзя безоговорочно привязывать одно к другому, так как это не позволяет объективно оценивать ситуации при беседе с лицами, имеющими вышеуказанные особенности.

Людям свойственно приписывать субъекту ту или иную мысль при использовании так называемых «пси-

хологических» глаголов («думать», «желать», «знать», «убеждаться»), но при этом следом будет идти предложение, предваряемое и именем или же дескрипцией субъекта [4, С. 224]. Однако далее Дэвидсон высказывает справедливое сомнение, что данные критерии являются показателями того, что человек действительно имеет эту мысль. Такое строение предложений с вышеуказанными словами может быть попыткой оказания влияния, давления на собеседника, также попыткой введения в заблуждение, в связи с чем нельзя говорить о том, что такие критерии речи являются показателями отражения мыслей.

В последующем автор пишет, что, способность говорить, как принято считать, отражает владение языком, а то, что следует после произнесения высказываний, относится к делу лишь косвенно. Тем не менее, данное мнение поверхностно и является заблуждением, поскольку в дальнейшем автор приводит в пример переводчика, понимающего высказывания другого лица, не владеющим языком, и переводящего их при произнесении на другом языке. Данный пример является справедливым, поскольку переводчик доносит не свои мысли, а мысли лица, речь которого переводит. Однако при переводе речи также необходимо учитывать такие факторы, как наличие различных устойчивых фразеологизмов, словосочетаний в различных языках, которые имеют неэквивалентное значение в разных языках. Также стоит помнить о том, что переводчик не может перевести эмоциональную окраску текста собеседника, что является основным элементом в речи, поскольку, как известно, человек воспринимает более 80 % информации через невербальное [5].

Затем Дэвидсон походит к важному тезису работы, являющимся справедливым: субъект не может иметь мысли, если он не осуществляет перевод речи другого. Отсюда следует, что основным критерием мышления в речи является не высказываемые слова, а способность понять речь другого человека. Также Дэвидсон приводит телеологическое объяснение речи, которое в первую очередь связано с мотивом действий, т.е. разговора. Желание и мнения являются элементами телеологического толкования, что позволяет более точно понять мотивы лица, и (ис)толковать его речь через призму данных условий. Когерентность в данном случае обнаруживает двуединую природу идеи рациональности: интерпретация действия через причинность в контексте тех или иных желаний и мнений; (2) соотнесенность данных установок друг с другом. Однако несмотря на все плюсы, данная теория позволяет взвешивать множество альтернативных интерпретаций, и в связи с чем толкование речи и мыслей может быть неточным [4].

Следующей теорией, позволяющей объективно оценить взаимосвязь является теория принятия решений

в условиях неопределённости, или неполноты имеющейся информации – в ее основе находится сила предпочтения и убежденность субъекта в мнении [4, С. 226]. Здесь используются различные структуры предпочтений между потенциальными поведенческими линиями индивидов. Несмотря на то, что теория Рамсея изначально является математической теорией, изучающей и систематизирующей различные объекты она может быть использована в любых сферах, поскольку математику можно назвать одной из универсальных наук, имеющих влияние на остальные.

В дальнейшем Д. Дэвидсон рассматривает вопрос интерпретации речи, который, по нашему мнению, является основным при социальном взаимодействии. Теория интерпретации применяется совместно с теорией действия и позволяет воспроизводить различные события. В основе данной теории лежит знание обстоятельств, согласно которым кто-то полагает конкретное предложение истинным. Итак, тесная связь между интерпретацией и мнением не может подлежать каким-либо сомнениям [11]. Дэвидсон рассматривает вопрос соотношения мышления и речи в интерпретации Куайна (работа «Слово и объект»). В частности, одним из способов рассмотрения речи и мышления является приписывание кому-то некоторой мыслительной установки, что позволяет более ясно понять речь собеседника. Однако Д. Дэвидсон не разделяет данное мнение, поскольку найти аргумент в пользу того, что только существа, обладающие речью, имеют мысли невозможно, в связи с чем это является недоказанным предположением, которое имеет место быть, но не является научной истиной [4].

В заключение приведенного отрывка автор вновь возвращается к теории, что речь и предложения считаются истинными при определенных обстоятельствах, высказанную в начале. Так, он отмечает, что предложение считается истинным из-за двух факторов: в чем субъект полагает значение предложения, и каково его мнение. Однако толкование данных признаков представляет объективную сложность. Д. Дэвидсон пишет о том, что при высказывании мнения необходимо помнить, что необходимо учитывать, возможность ошибки и только человек осознающий разницу между мнением и истиной может иметь собственное мнение, В обратном случае любое свое мнение человек будет рассматривать, как истину в последней инстанции [4].

Подводя итог изложенному в данной статье, можно сказать, что работа Д. Дэвидсона представляет несомненный интерес, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Практический интерес имеется для лиц, работа которых связана с активной коммуникацией, особенно с людьми в эмоционально напряженных ситуациях, например сотрудников полиции, врачей, спасателей, и конечно психологов. Изучение

взаимосвязи речи и мышления помогает более ясно понять информацию, которую человек хочет донести, оценить мотивы и истинность его слов. Наличие множества теорий и подходов для оценки данного соот-

ношения свидетельствует о том, что данный вопрос до конца не изучен, и требуется дальнейшая теоретическая и практическая работа по изучению взаимосвязи данных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боррадори Дж. Американский философ: Беседы с Куайном, Дэвидсоном, Патнэмом, Нозиком, Данто, Рорти, Кейвлом, МакИнтай Ром, Куном. – М.: Дом интеллектуальной книги, Гнозис, 1999. – 208 с.;
2. Вепрева И.Т. Что такое рефлексив? Кто он, *homoreflectens*? // Известия Уральского государственного университета. — 2002. — № 24. — С. 217-227.
3. Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М.: Изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С.116-133.
4. Дэвидсон Д. Исследования истины и интерпретации. – М.: Праксис, 2003. – 448с.
5. Кинан К. Эффективное общение [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://psychologyofcommunication.jimdo.com/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/> (Дата обращения 10.12.2023).
6. Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. – 260 с.
7. Лузаков А.А. Личность как субъект категоризации в межличностном познании: взаимодействие когнитивных и ценностно-мотивационных структур: автореф. дисс. . . . докт. психол. наук. – Краснодар, 2008. – 47 с.
8. Макеева Л.Б. Язык, онтология, реализм. – М.: ВШЭ, 2011. – 311 с.
9. Ростова А.Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. – 193 с.
10. Рябкина З.И. Субъектно-бытийный подход к изучению развивающих личность противоречий // Психологический журнал. 2008. – Т. 29. – № 2. – С. 78-87.
11. Самойлов С.Ф. Проблема коммуникации в социально-философской мысли XX столетия // Общество и право. 2012. – № 2 (39). – С. 283-285.
12. Танасов Г.Г. Проблема общения в отечественной психологии и в исследованиях психологов кубанского государственного университета // Человек. Со-общество. Управление. – 2011. – №1. – С. 70-83.

© Равочкин Никита Николаевич (nickravochkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕДИАЦИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ СОПРОВОЖДЕНИЯ СОЗИДАТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ESG-ЗОНЕ

Салимгареев Денис Игоревич

Ассистент, Уфимский университет науки и технологий,
remus-102@mail.ru

MEDIATION AS A TECHNOLOGY TO SUPPORT CREATIVE PROCESSES IN THE ESG-ZONE

D. Salimgareev

Summary: The article discusses the possibility of using mediation as a humanistic technology designed to ensure the sustainability of communication between group members in the ESG zone. The probability of using "forecast points" for setting and subsequently selecting a scenario for preserving resource potential in accordance with the ideas of lean production is determined. The cultural, ethical, value content in agent-based modeling is comprehended with the aim of more effective application in the conservation of ecosystem resources.

Keywords: axiology, lean manufacturing, ESG model, mediation, forecast points, sustainable development ecosystem.

Аннотация: В статье рассматривается возможность применения медиации как гуманистической технологии, призванной обеспечить устойчивость коммуникации участников группы в ESG-зоне. Определяется вероятность использования «точек прогноза» для постановки и последующего выбора сценария сохранения ресурсного потенциала в соответствии с идеями бережливого производства. Осмысливается культурное, этическое, ценностное содержание в агентном моделировании, с целью более эффективного применения в сохранении ресурсов экосистемы.

Ключевые слова: аксиология, бережливое производство, ESG-модель, медиация, точки прогноза, устойчивое развитие экосистема.

С одействие процессам созидательных миссий – черта, достойная представителя цивилизованного общества. Однако избыток потребностей, преобладающих над внутренними принципами и системами моральных координат самой личности, актуализирует поиск гуманистических технологий, обеспечивающих устойчивость процессов в той или иной деятельности. Мы говорим об обустройстве внешней и внутренней деловых культур, с учетом динамичной экономической, культурной и информационной реальности, множества числа вовлеченных субъектов, общей потребности удовлетворения целей, мотивов коммуникации в условиях единой ESG-зоны. Деятельность образовавшейся структуры призвана удовлетворить ESG повестку, а для эффективности данного действия, необходимо признание членами группы, совершаемых участниками действий как равновеликих, с точки зрения принятых моральных норм, так и полноправных, с точки зрения действующего законодательства. В связи с этим, упреждая внутригрупповое напряжение, предпосылками которого могут быть определены в виде неконтролируемого конфликтного поведения, работы с возражениями, отсутствие благоприятного макроклимата, формируется гипотеза о том, что медиация, как технология социального предназначения, способна обеспечить устойчивость деятельности группы и сохранить первоначальную нацеленность на долгосрочную перспективу, в виду наличия в медиации этико-гуманистического компонента.

Качественное улучшение социального взаимодей-

ствия возможно достичь через обеспечение устойчивости коммуникационного процесса тематических комьюнити. Границы научного познания призваны выступить с одной стороны оценочной средой, для идей, анализа решений, выбора подходящей методологии для последующей работы, а с другой стороны – выполнить функцию модерации управленческих процессов. По мере проникновения бережливой методологии управления в новые сферы социального взаимодействия, наблюдается адаптация бережливого подхода к новым вызовам и реалиям общественно-политического и экономического развития, что находит отражение в создании гибридных моделей «Lean» и формированию новых смысловых границ бережливого управления [2, С.31]. Оценочная среда выступает модельным отношением развития вариаций стратегий и дальнейшей саморганизационной деятельности, позволяя с помощью индукционного метода, осмысливая сопутствующие факторы, влияющие на частные положения, создавать «точки прогноза» того или иного явления. Залогом успешной деятельности является создание комплексной системы управления рисками и возможностями интегрированной в стратегию устойчивого развития [4, С.8].

Создание комплексной системы управления рисками и возможностями невозможно без эмпирического исследования. В контексте метода агентного моделирования, один из подготовительных этапов для имитации социальных взаимодействий, должен включать философское осмысление. Так, с помощью аксиологическо-

го подхода, возможно спрогнозировать вариативность развития заданной ситуации с различной корреляцией «ценности» и «поведения» индивида. Затем, количественный охват множества выстроенных «точек прогноза», выступает предпосылкой создания «Big-Data» как конечного результата аналитической деятельности. Безусловно, на оценку экспертному сообществу выносятся вопрос осмысления результата работы базы данных, в частности показателя погрешности и исходных условий, составляемых на основе вводимых нами переменных, а также оценке подлежит и алгоритм обработки переменных. В качестве риска, можно определить процесс оптимизации или игнорирование переменных автором базы данных, имеющих смысл для прогнозирования того или иного явления, но по каким-либо существенным характеристикам, не имеющих смысла для самой базы данных в том числе. Не исключается и симулякр смыслов, выражающийся в том, что «точки прогноза», в некотором роде, лишь иллюзия защищенности процессов, визуализация ожиданий от управления имеющимися и приобретенными ресурсами. Отдельно отметим, что картирование потока создания ценностей, характеризуется как метод, способствующий сокращению потерь, в каждом действии организационной цепи [6, С.2]. Также, есть вероятность отследить социальные взаимодействия по критерию «профессиональная деятельность», поскольку систематизация знаний, решений, идей в той или иной профессиональной области не просто сохраняется и приумножается, но и вступает в модельные отношения с другими переменными, которые интересны для анализа и прогноза работоспособности той или иной системы, технологии, подхода. Учитывая изложенное, «точки прогноза» выступают союзниками в социальной деятельности и стратегическое преимущество за количественным и тематичным учетом, развитии походов работы с базами данных.

Конфликтное взаимоотношение – часть социального взаимодействия. В рамках построения «точек прогноза», стоит учитывать, что конфликт может видоизменять социальные взаимоотношения, порождая разные итоговые результаты, а также сдвигая аксиологические мотивы и «ожидания» у субъекта социальных взаимоотношений. Ситуация, в которой субъект теряет доверие к акту коммуникации как к процессу сохранения аксиологического содержания, приводит к разрыву устойчивой связи. Долгосрочный контакт – это всегда риск, поскольку факторов, ухудшающих качество взаимосвязи предостаточно: стереотипность мышления, не прогнозируемые экономические пертурбации, ротация медиа-образов и т.д. В данном контексте, под риском понимается убыток, выражаемый в материальной (трата ресурсов), а в духовной (утрача взаимосвязи) плоскостях. Выстраивание долгосрочных взаимоотношений или коммуникативной платформы на перспективу, целесообразно вкупе с социальными технологиями этико-гума-

нистического измерения, обеспечивающие стабильную работу значимых для общества процессов и придавая устойчивости для развития образовавшейся группы. Долгосрочный контакт в условиях быстротечных преобразований должен опираться на такую же по своим свойствам технологию, лабильную, не теряющую свою эффективность в новых ценностных условиях.

Бережное отношение к коммуникационному процессу внутри группы, подразумевает задействование ресурсной базы, которой располагают сами субъекты. К ресурсному потенциалу, должны применяться принципы бережливого производства. Чрезвычайно важно осознавать: члены экосистемы на первых этапах обретения устойчивости не генерируют, а лишь используют первоначально образованный экономический, культурный, коммуникативный капитал. Ресурсные вложения от каждой стороны, взаимодополняют либо до коллективной, либо до персональной компетенции, которая и выступает инструментом последующей генерации ресурсов. Профилактическая функция медиации, в ее социальном предназначении, выступает мерой, определяющей пропорциональность между субъективным отношением к вопросу распоряжения ресурсами и выработки удобных для участников ESG-зоны алгоритмов разумного использования потенциала всей группы. Стратегическое преимущество экосистема приобретает за счет свободной циркуляции и возобновляемости внутренних ресурсов группы, без посягательства на изменение сущности групповой потребности. Безусловно, все это возможно только в параллельном сопровождении процессов со стороны медиации, как эффективной гуманистической технологии, не только сохраняющей согласие, но и способной создавать ситуативные «модельные отношения» для последующего анализа наиболее выгодных для сторон сценариев сохранения вложенных (или имеющихся в распоряжении участников) ресурсов. Упомянутые в данной статье «точки прогноза», относятся к ресурсному значению группы, поскольку, если исходить из того, что вариации дальнейшего развития, это достояние участников, то и факторы присущие развитию, также подлежат коллективному принятию. В этой связи, «точки прогноза» придают группе некоторую исключительность, выражающуюся именно в возможности прогнозировать события исходя из ситуативных условий и создавать локальные «модельные отношения» по тем факторам, которые имеют ценность для участников ESG-зоны (речь идет о прогнозировании наиболее идеальных условий развития на основе имеющихся факторов). При этом, медиативная оценка, делает «точки прогноза» более объективными, поскольку анализ включает возможность изменения итогового результата социального взаимодействия из-за влияния конфликтогена. Однако могут ли, «точки прогноза» изначально дать сведения о целесообразности поддержания устойчивости в рамках непосредственно самой экосистемы, вопрос остается

открытым. В качестве факторов, на наш взгляд, осложняющих устойчивость экосистемы и проблематичность представления как «точек прогноза», можно отнести:

1. Развитие экосистемы через фактор устойчивости требует от участников идентификации на основе выработанных, новых целей группы. Серьезное испытание для представителей бизнеса, поскольку, создавая долгосрочный конгломерат, зачастую, проблематично осознавать добровольность отказа от статуса единоличного координатора управленческих процессов. Доверие подкрепляется вложенными ресурсами, но субъективная оценка может интерпретировать пропорциональные вложения участников либо как недостаточные, либо преследующие иные цели, например, главенствующее положение в группе. Единый содержательный фактор социального характера, для всех вовлеченных в ESG-коммуникацию, это доверие, находящееся в равном эквивалентном вложении, в отличие от возможной диспропорции вложенных экономических ресурсов. Социальный фактор имеет весомое значение, обусловленное тем, что, создавая культуру доверия в обществе, внедряя в практику управления человекоцентричный подход, представляется возможным создание условий для партнерских отношений, в т.ч. и в экономической плоскости [7, С.52]. С учетом разницы психологических установок и мировоззренческих аспектов каждого члена экосистемы, необходима упреждающая работа в сфере разногласий. Приобретение единого, равновеликого статуса для всех участников – один из этапов медиативной процедуры;
2. Предпосылкой устойчивости развития, может выступать и процесс «слияния компетенций», в котором недостающие навыки восполняются каждым членом экосистемы. Отмечается хороший эффект от синергии, что и повышает коэффициенты устойчивости. Подобное явление, имеет место быть, но вызывает сомнение относительно действительного значения для жизнеспособности экосистемы, а не исключительно личностного развития. Конвейерность компетенций, во многом маркетинговая уловка, обеспечивающая по большей части мотивационный баланс участников, а не увеличивающий границы возможных операционных действий каждым участником. Казалось бы, вполне пригодная форма для замкнутого цикла, отлаженный механизм с набором строгих алгоритмов, повышающий индивидуальные профессиональные возможности, но фактически, остающийся бесследным для цикла, всего лишь механизмом внутренней ротации. Внимания достоин риторический вопрос о стратегическом планировании (распространяемого на все виды инновационных систем): входит ли в нашу миссию обмен компе-

тенциями членами экосистемы или мы нацелены на усиление и качественное улучшение экспертной составляющей каждого члена экосистемы? Здесь можно отметить ценность челночной медиации, как уникальной коммуникационной модели, усредняющей желание членов экосистемы и творческого замысла ее руководителя. Ясность в данном вопросе обеспечивает выбор верного управленческого решения, содержание которого сводится к командообразованию и достижению цели с помощью сильных сторон каждого члена экосистемы или предварительно проведенной компетентностной синергии и последующему коллективному достижению желаемого;

3. Деятельность экосистемы представлена не только в количественном показателе (цифровом эквиваленте), помимо объединения участников, как носителей разных свойств, с общей целью извлечения экономической выгоды, значение имеет и гуманитарная составляющая. Цифры – лишь символизм, отображаемый деятельность группы, наглядное свидетельство верно выбранных управленческих действий. В связи с этим, спорным является гипотеза, согласно которой, устойчивость достигнуть можно только языком цифр. Беспорным же, является использование языка цифр и фактов, где фактом выступает информационное сообщение или событие, имеющее свои границы в материальном мире и оказывающее непосредственное влияние на него. Наше мнение сводится к тому, что в основе цифр, кроются потребности, истинные мотивы, скрытые желания и стратегии поведения. Бесконтрольное и попустительское отношение к данным компонентам, ведет к неуправляемости экономических, социальных процессов. Следовательно, язык цифр сообщает нам не только статистические данные о действиях той или иной группы, но при сопровождении такой социальной технологии как медиация, можно формировать запрос о декодировании с языка цифр, смыслов, имеющих гуманитарную сущность. Оговоримся сразу, подобные действия нуждаются в корректировке и дополнительном осмыслении формируемой методологии и алгоритма, прежде всего, для верификации полученного после декодирования результата и, непосредственно, ценности для науки и общества;
4. Институционализация – характерный процесс, призванный повысить согласованность отношений между созданным продуктом и общей системой, через формы интеграции и оптимизации. Понимание структурной согласованности ведет к эффективной отладке рабочих процессов и возможности мультифункциональной деятельности. Однако допущенная ошибка на одном из последовательных этапов институционализации,

превращает ее в громоздкую конструкцию, существенно подрывая количественные и качественные показатели. Вне зависимости от возможного желания участников, относительно внедрения форм институционализации внутри экосистемы, необходима ее верная настройка и обязательное дальнейшее сопровождение. Уникальность работы медиатора на данном этапе сводится не к банальному функционалу бизнес-аналитика или организационного модератора, а выработка формы, по которой будет происходить институционализация, исходя из особенностей восприятия происходящего каждым членом экосистемы и с учетом уникальных условий, ценных для конкретной ситуации. Другими словами, координация медиатора позволяет создать наиболее лучшую форму институционализации понятную и принимаемую каждым участником.

Партнерский состав устойчивой экосистемы видоизменяется в соотношении с ретроспективными изменениями самой экосистемы, что приводит к дуализму алгоритма дальнейшего внутригруппового согласования: какие именно социальные субъекты (критерии) и на каком этапе входят в нашу экосистему; каков порядок вывода из числа участников и чья зона ответственности в принятии подобных решений. Устойчивость, зачастую, обусловлена равным положением участников группы, при том, что их вклад в общее дело может различаться. Порухенный паритет между членством в экосистеме и приобретенным не равным статусом внутри нее, приведет к возникновению или скрытых конфликтов, или действий, объективно осложняющих выполнение намеченных группой стратегических задач. Такая диспозиция порождает риск для статуса лидера экосистемы: предполагает ли статус лидера принятие управленческих решений единолично и входит ли это в его компетенции? Лидер занимается отладкой организационных вопросов, касающихся жизнеспособности экосистемы, после чего, уже группа ставит цели на основе общей консолидации мнений. Проблема, преследующая компании, это тенденция придавать большое значение теоретическим знаниям, игнорируя групповое изучение ценностей, основанных на здравом смысле самодисциплины, порядке и экономии. Роль руководителя направить сотрудников изучить таковые ценности что и приведет к модели бережливого производства [1, С.47]. Однако действия кадрового характера, предпринятые лидером, могут порождать двусмысленности в роде лоббирования своих интересов и порождения неравности приобретения статусов внутри экосистемы. Учитывая данное предположение, привлечение медиатора к сопровождению процесса вхождения и выхода новых участников экосистемы – действие, лежащее в плоскости организационных вопросов. Привлечение медиатора интересно в том плане, что каждый вовлеченный участник экосистемы будет

чувствовать свою сопричастность к управленческим процессам и удастся сохранить статусную идентификацию (включая поддержку самостоятельности выбора) участников, а также продемонстрирует ответственное отношение со стороны лидера, к участникам и внутренним организационным потребностям группы. Привлечение медиатора безопасно, поскольку конфиденциальность процессов – один из приоритетных принципов в деятельности медиатора. Обеспечение устойчивости находится в ведении «коллективного разума» пригодного для выработки действий, с целью соразмерного ответа на угрозы внешнего мира по отношению к выстроенной системе. Выработка оценочных критериев для подобных действий, должна осуществляться исключительно через договорный внутрисистемный процесс. Парадокс заключается в том, что обезличенный коллектив, не предполагает индивидуальные действия, но этого предполагает процесс переговорный. Другими словами, форма коллективного сотрудничества побуждает к превалированию общих интересов над личными. Однако фактор устойчивости может расширять границы коллективного сотрудничества и в таких условиях, индивидуальные решения могут быть предложены и стать частью действий «коллективного разума». Исходя из этого, для медиации интересен феномен, при котором, участники уравниваются в социальных статусах, но в определенный момент, каждый участник имеет полноправный (на основе согласия) статус лидера, пусть и в ограниченный временной период. Остается открытым вопрос обеспечения медиацией внутригрупповой лабильности, в виду разного уровня регуляционных процессов у всех участников экосистемы. Возможно, компетенции посредника со временем будут дополнены, именно медиатор сможет регулировать индивидуальные проявления, в основе которых психоэмоциональное состояние, социальный статус, мировоззренческие парадигмы в тот момент, когда это необходимо в интересах всей группы.

Медиативное регулирование в ESG контексте, рассматривается нами не только как гуманистическая технология, отчасти гарантирующая устойчивость жизнедеятельности экосистемы, но и как незаменимый компонент, приводящий к гармонии изначальные соотношения сущностных характеристик, вложенные в ESG концепцию. Другими словами, можно предположить, что принципы ESG концепции [8] уже в своей основе содержат конфликтоген, имеющий возможность перерасти в полноценный акт конфликтного противоборства:

1. Environment (E) – ответственное отношение к окружающей среде. Возможные парные конфликтогены: растрата – бережливость, развитие – стагнация;
2. Social (S) – высокая социальная ответственность. Возможные парные конфликтогены: ответственность – попустительство; внимание – безразличие;
3. Corporate governance (G) – высокое качество

корпоративного управления. Возможные парные конфликтогены: ценности – потребности, личность – общество.

Приведенные принципы имеют свои взаимосвязи и специфику применения, равны по значению, но в то же время, принцип корпоративного управления увязывает остальные между собой, дополняя до единого смыслового значения [3, С.51]. Меняется культура потребления, формируется тенденция не обладания, а желание поделиться [5, С.79]. Из этого, предполагается возможным вывод смыслообразующей ценности, связывающей людей различного социального статуса и мировоззренческого аспекта. Разумеется, все перечисленное имеет смысл только для равновеликих участников ESG-зоны, поскольку каждый субъект имеет в своем ресурсном распоряжении экономические активы. Своего рода, культурная надстройка, лишь обеспечивает эффективность принятых в дальнейшем решений. В современном мире, пребывающим в активном витке социального потребления, приобрести устойчивость представляется возможным только

лишь за счет общей культуры, согласия, единого вектора ценностей.

В качестве перспектив исследования медиации, как пригодной технологии обеспечения ESG процессов, можно отметить локализацию целостного подхода, сосредоточив внимание на фрагментарном осмыслении. Обеспечение устойчивости развития, происходит при эффективном декодировании социальных рисков, деконструкции потребностей и учетом экономического базиса. В связи с этим, культурный компонент, являющийся структурной частью каждого обозначенного направления, нуждается в определении границ оказываемого влияния. Сосредоточение исключительно на статистических показателях, либо сугубо на индивидуальных потребностях, ведет к риску потери внимания членов группы. Фактор безразличия, окутывающий каждого субъекта ESG-зоны, уже находится в ведении культурологической науки. Предполагаем, что культурная составляющая является предпосылкой возникновения эффективных технологий, по средствам которых обеспечивается устойчивость к социальным вызовам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Д.А. Бережливое производство // Евразийский научный журнал. – 2020. – №5. С.47-48.
2. Гусельникова О.Ю. От бережливого производства к бережливому государству: эволюция представлений о бережливом управлении // Инновации и инвестиции. – 2022. – №8. С.25-35.
3. Петрова К.С. Корпоративное управление в контексте ESG // Инновации и инвестиции. – 2022. – №7. С.48-52.
4. Сафронов С.Б. ESG факторы - риски и возможности // Современные технологии управления. – 2022. – №1 (97). С.1-8.
5. Скоробогатько Е.В. Устойчивое развитие и ESG: новая эпоха управления // Digital. – 2022. – №2. С.76-79.
6. Стриженко О.А. Бережливое производство в России // Актуальные вопросы экономических наук. – 2012. – №26. С.1-4.
7. Шишова Ж.А. Возрастание роли социального фактора в рамках применения концепции esg в кризисных условиях // Государственная служба. – 2022. – №4 (138). С.47-52.
8. SCOTT S. Governance: Putting the G in ESG. URL: <https://starlingtrust.com/couch/uploads/file/putting-the-g-inesg-starling.pdf> (дата обращения: 04.09.2022)

© Салимгареев Денис Игоревич (remus-102@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ГЕНДЕРНАЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И МЕРЫ ПО ЕЕ РЕГУЛИРОВАНИЮ

GENDER UNCERTAINTY IN MODERN RUSSIA AND MEASURES TO REGULATE IT

E. Sinitsyna-Solodkaya

Summary: The article analyzes the influence of exponentially growing uncertainty as one of the trends of modern societal existence on the gender identification of a person in the information society era. The vectors of the social policy of Russia and the United States are compared in conditions when the derealization of an individual's living space increasingly removes responsibility for existential choice and the possibilities of the latest technologies combined with information that is available and unrestricted in the media space, generate temptations that can destroy the ontological foundations of human existence.

Keywords: information society, uncertainty, derealization, identity, sex, gender, state-civilization, national interests.

Синицына-Солодкая Екатерина Владимировна

Ассистент, Российский университет транспорта (МИИТ)

solodkaya.ekaterina@yandex.ru

Аннотация: Статья анализирует влияние экспоненциально растущей неопределенности как одной из тенденций современного социального бытия на гендерную идентификацию человека эпохи информационного общества. Сопоставлены векторы социальной политики России и США в условиях, когда дереализация жизненного пространства индивида всё более снимает ответственность за экзистенциальный выбор, а возможности новейших технологий в совокупности с доступной, неограниченно распространяемой в медийном пространстве информацией порождают соблазны, способные пошатнуть сами онтологические основы человеческого бытия.

Ключевые слова: информационное общество, неопределенность, дереализация, идентичность, пол, гендер, государство-цивилизация, национальные интересы.

В эпоху информации одной из определяющих тенденций состояния культуры и общества в большинстве постиндустриальных стран XXI века становится нарастающая *неопределенность*. Многие российские ученые-исследователи в области социологии, психологии, философии и других наук гуманитарного цикла рассматривают ее как важнейшую социальную и психологическую проблему, «нарушающую целостность, непрерывность, безопасность личности» [1, с. 47] в различных сферах ее бытия.

«Вокруг нас – текучий, прозрачный, нестабильный, сверхбыстрый, гибридный, мерцающий мир», – говорит Т.В. Черниговская на выступлении в открытом лектории МГПУ в 2019 году [2]. Чем более интенсивному влиянию глобального виртуального пространства (медиаресурсов, социальных сетей, форумов, игровых площадок) подвергается индивид, чем выше его чувствительность к данному влиянию, тем сильнее переплетаются в его восприятии реальность и нереальность. Изменение характера коммуникации в совокупности с усложнением содержания получаемой информации, ее противоречивостью и неоднозначностью приводят к тому, что альтер-эго субъекта появляются не только в цифровом пространстве сети Интернет, но и в сознании индивидуума. При этом нередко возникает эффект «разорванности», проявляющийся в диссоциации реального и идеального «Я» и усугубляемый тем, что множественность желаемых идентичностей способна, в свою очередь, породить противоречия также и между ними.

Естественные материальные взаимодействия в мире физических предметов и явлений с его законами и причинно-следственными связями перестают удерживать на себе фокус внимания человека постмодерна, теряя в его представлении априорную первостепенность. Реальность оказывается для индивида лишь одним из слоев «симуляции» – в метафорическом [3], а согласно некоторым теориям и вовсе в буквальном [4] смысле. «Настоящая» жизнь переходит в плоскость воображения субъекта, где этические, психологические, культурные долженствования, ограничения и запреты сводятся к минимуму, уступая место фантазии и прихоти («поток желаний» [5, с. 67]). Реальный же мир, воспринимаемый как наиболее объемное, сенсорно насыщенное и всё же симулятивное пространство, с его широчайшим спектром современных возможностей (технологических, медицинских и т.д.) и соблазнов претерпевает на современном этапе развития такие беспрецедентно серьезные изменения, что словно провоцирует человека к окончательному снятию с себя экзистенциальной ответственности за выбор способа существования, жизненный путь, судьбу и участь последующих поколений, предлагая без смущения и рефлексии заменить категорию долга категорией удовольствия. Любое желание становится тем самым интенцией, побуждающей носителей несамокритичного сознания к скорейшему своему воплощению.

По наблюдениям философов и психологов, с конца XX века в капиталистическом обществе с его плюралистич-

ностью и избыточностью увеличение вариативности способов проявления и выражения индивидуальности вкупе с уменьшением внешнего авторитарного контроля со стороны государства привело к разнообразным тревожным расстройствам личности, к состоянию, которое Ж. Делёз и Ф. Гваттари назвали «потерей реальности» [5, с. 197]. Сегодня всё чаще наблюдается неспособность индивида сформировать генеральную линию направленности и поведения, расставить приоритеты, остановить выбор на наиболее важных основах жизни: создании крепкой семьи, ответственном и глубоком освоении профессии, интериоризации духовно-нравственных ценностей, служении обществу. Номо Confusus («человек растерянный» [2]) не живет, но находится в состоянии дезориентации и перманентного ожидания жизни («жизнь как черновик» [2]) – поскольку невозможно распорядиться личной свободой во благо (в том числе и для себя), стремясь лишь к предвосхищению и удовлетворению сиюминутных желаний-потребностей.

Тенденцией нарастания неопределенности в современном социуме детерминирована, на наш взгляд, и остро обозначившая себя в XXI веке проблема гендерной самоидентификации, выраженная, в том числе, в прогрессирующем росте числа представителей сексуальных меньшинств, трансгендеров, а также лиц с неопределенной, флюидной гендерной идентичностью.

Необходимо подчеркнуть, что в социальной политике России и стран Запада отношение к данной проблеме радикально противоположно. Согласно МКБ-10, принятой 43-ей Всемирной Ассамблеей Здравоохранения и продолжающей действовать в нашей стране на начало 2024 года, транссексуализм является расстройством половой идентификации, выраженным в «желании жить и восприниматься окружающими как лицо противоположного пола» [6], что, по мнению Е.Т. Соколовой, «может быть, нагляднее, чем любое другое душевное расстройство, позволяет наблюдать глубокую диссоциацию «Я-реального» и «Я-идеального» [7].

На Западе же со второй половины XX века параллельно с философскими концепциями конструктивизма и феминизма развивалась перформативная теория гендера [8; 9]. Данная теория уверяет, что от биологического пола можно «отречься» без потери для собственной самости, бинарность пола является лишь предпосылкой к разделению гендерных социальных ролей на мужские и женские, а собственно гендер – не более, чем социальный конструкт и продукт представления (перформанса) культурных идей конкретного общества [9]. Эта типично постмодернистская мысль о том, что нормализация практик и сама возможность свободного выбора половой и гендерной идентичности не нарушит становления субъектности индивида, не повлечет за собой необратимого сужения круга возможностей к дальнейшему раз-

витию и улучшению качества его жизни, – в абсолютном большинстве случаев представляется, на наш взгляд, крайне опасным и деструктивным заблуждением.

Летом 2023 года в ходе рассмотрения в России законопроекта о запрете трансгендерного перехода и смены в документах гендерного маркера [10] председателем Госдумы В.В. Володиным и депутатом П.О. Толстым была озвучена следующая статистика: в нашей стране в период с 2016 по 2022 год операции, связанные с трансгендерным переходом, сделали порядка 3000 человек [11; 12]; что же касается Соединенных Штатов, то за последние 10 лет количество подобных операций там увеличилось в 50 раз [12]. «Остается неясным, отражает ли повышение обращаемости пациентов с гендерной дисфорией реальное увеличение распространенности данной патологии или неприятие своего пола становится вариантом решения неких социальных проблем или может являться следствием других психических расстройств или представляет собой новый общественный тренд», – было отмечено в 2022 году российскими учеными-исследователями в области психиатрии [13, с. 22].

В американскую классификацию психических болезней DSM-III термин «транссексуализм» изначально вошел как расстройство половой идентичности, впоследствии, в DSM-V, был заменен понятием «половая дисфория» («гендерная дисфория») – обозначая дистресс, вызванный соответствующим состоянием, а в рекомендованной Всемирной организацией здравоохранения в начале 2022 года МКБ-11 был исключен из класса психических расстройств, перестав считаться психической патологией, и заменен на «гендерное несоответствие» [13, с. 22].

С увеличением масштабов распространения данного феномена в постиндустриальном информационном мире вопрос здорового полового самосознания в российском обществе стал как никогда актуален и значим. За последние 1,5 года, несмотря на бурную критику со стороны западных либеральных кругов, в России последовательно был принят ряд федеральных законов, упорядочивающих и ужесточающих государственную политику в отношении явлений трансгендерности и гендерной неопределенности. В конце 2022 года вышел закон о запрете «ЛГБТ+ пропаганды» не только среди детей (запрещена с 2013 года [14]), но и среди взрослых [15; 16], а запрет на «демонстрацию ЛГБТ+» несовершеннолетним введен в Административный кодекс. В июле 2023 года подписан закон о запрете трансгендерного перехода и смены в документах гендерного маркера [10]. Показательными в свете реализации государственной идеологии по данному вопросу стали решение Верховного суда от 30 ноября 2023 года, согласно которому «Международное движение ЛГБТ» в России признано экстремистской организацией [17], а также распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 января

2024 года, постановляющее, что действие плана мероприятий по внедрению в России МКБ-11, рассчитанного на 2021-2024 годы, должно быть приостановлено [18].

Важно отметить, что в то время, как западный мир декларирует свой вектор на всеобщую глобализацию и нивелирование этнических, религиозных, гендерных и других социокультурных различий, одним из главенствующих принципов как внешней, так и внутренней политики Российского государства остается сохранение собственной национальной идентичности. Еще в 2012 году в Послании Федеральному собранию президент В.В. Путин охарактеризовал нашу страну как особый тип цивилизации [19]. Среди сформировавшихся ее компонентов важнейшее место занимает культура, включающая традиции, ценности, уникальный и самобытный духовный опыт и интеграционный способ расширения территорий – не подавляющий коренные народы, но способствующий их развитию. По выражению А.Дж. Тойнби, «из-за своей упрямой приверженности чуждой

цивилизации» русские и «навлекли на себя враждебное отношение Запада [20, с. 161].

В настоящее время к важнейшим национальным интересам России как обладающего суверенитетом государства-цивилизации относятся: укрепление духовно-нравственных ценностей; сбережение народа; организация безопасного информационного пространства для своих граждан; защита от деструктивного иностранного воздействия [21]. Последовательная непрерывная реализация данных интересов на системном уровне позволит: обеспечить качественные усилия по «сбережению молодого поколения от нетрадиционной пропаганды» [16] и сохранению традиционных для нации формы и сущности брака и семьи; поддержать преемственность социокультурных ценностей; снизить динамику нарастания неопределенности, когда речь идет о важнейшей с точки зрения онтологических и антропологических смыслов бытийственной сфере индивида и общества – сфере пола.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтачук, Е.В. Гендерные особенности переживания неопределенности профессионального статуса в период взрослости / Е.В. Колтачук, И.В. Вачков. - Текст: непосредственный // Социальная психология и общество. - 2016. - Т. 7, № 3. - С. 47-59.
2. Черниговская, Т.В. Человек в цифровую эпоху: как учить / Т.В. Черниговская. Текст: электронный // МГПУ Московский городской педагогический университет: канал YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Szcw7RRkemw> (дата обращения: 10.02.2024).
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр. - Москва: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. - 240 с. - Текст: непосредственный.
4. Доказательства гипотезы симуляции Вселенной. Информационные биты реальности. Эксперимент Вопсона. - Текст: электронный // Спорим, вы не знали: канал YouTube. - URL: <https://www.youtube.com/watch?v=qzrOhXsdgoQ&t=12s> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Делёз, Ж. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / Ж. Делёз, Ф. Гваттари. - Екатеринбург: У-Фактория, 2007. - С. 67. - Текст: непосредственный.
6. Расстройства половой идентификации (F64). - Текст: электронный // Международная статистическая классификация болезней и проблем, связанных со здоровьем, 10-го пересмотра, онлайн версия. - URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4352> (дата обращения: 15.02.2024).
7. Соколова, Е.Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е.Т. Соколова. - Москва: МГУ, 1989. - 213 с. - Текст: непосредственный.
8. Butler, J.P. Gender Trouble / J.P. Butler. - New York; London, 1999.
9. Воронина, О.А. Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании / О.А. Воронина. - Текст: непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. - 2019. - Вып. 1. - С. 5-16. - DOI: 10.17072/2078-7898/2019-1-5-16.
10. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 386-ФЗ (последняя редакция): [принят Государственной Думой 14 июля 2023 года: одобрен Советом Федерации 19 июля 2023 года]. - Текст: электронный // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452830/ (дата обращения: 10.02.2024).
11. Морозова, К. Чем обернется принятие закона о запрете трансперехода? Объясняют врач-психиатр и юрист / К. Морозова. - Текст: электронный // Афиша Daily: сайт. - 2023. - 28 июня. - URL: <https://daily.afisha.ru/relationship/25778-chem-obernetsya-prinyatie-zakona-o-zaprete-transperehoda-obyasnyaut-vrach-psihiatr-i-yurist/> (дата обращение: 10.02.2024).
12. Гудошников, С. Владимир Путин подписал закон о запрете трансгендерного перехода / С. Гудошников. - Текст: электронный // Афиша Daily: сайт. - 2023. - 14 июля. - URL: <https://daily.afisha.ru/news/78148-gosduma-prinyala-zakon-o-zaprete-smeny-pola/> (дата обращение: 10.02.2024).
13. Гендерное несоответствие: клинические, психологические и терапевтические аспекты / М.И. Ягубов, Е.А. Старостина, Н.В. Добаева, М.А. Ичмелян. - Текст: непосредственный // Медицинский вестник Юга России. Серия Психиатрия и наркология. - 2022. - № 13 (3). - С. 21-31.
14. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в статью 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях защиты детей от информации, пропагандирующей отрицание традиционных семейных ценностей : Федеральный закон № 135-ФЗ : [принят Государственной Думой 11 июня 2013 года : одобрен Советом Федерации 26 июня 2013 года]. - Текст: электронный // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_148269/ (дата обращения: 10.02.2024).
15. Российская Федерация. Законы. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон № 478-ФЗ (последняя редакция): [принят Государственной Думой 24 ноября 2022 года: одобрен Советом Федерации 30 ноября 2022 года]. - Текст: электронный // Справочно-правовая система КонсультантПлюс. - URL:

- https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_433218/ (дата обращения: 10.02.2024).
16. Путин подписал закон о запрете пропаганды ЛГБТ и смены пола. - Текст: электронный // РБК: сайт. - 05.12.2022. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/05/12/2022/638df4319a7947e6b8917f63> (дата обращения: 10.02.2024).
  17. Верховный суд признал ЛГБТ-движение экстремистским. Что это значит. - Текст: электронный // РБК: сайт. - 30.11.2023. - URL: <https://www.rbc.ru/politics/30/11/2023/6568458b9a79471364217d98?from=soru> (дата обращения: 10.02.2024).
  18. Пашкова, Л.В России приостановили внедрение международной классификации болезней / Л. Пашкова, М. Овсянникова. - Текст: электронный // РБК: сайт. - 02.02.2024. - URL: <https://www.rbc.ru/society/02/02/2024/65bd1e499a7947d4b388fb5d> (дата обращения: 10.02.2024).
  19. Послание Президента Российской Федерации от 12.12.2012 г. (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). - Текст: электронный // Официальный сайт Президента России. - URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36699> (дата обращения: 10.02.2024).
  20. Тойнби, А. Дж. Цивилизации перед судом истории / А. Дж. Тойнби. - Москва: Айрис Пресс, 2003. - С. 161. - Текст: непосредственный.
  21. Об утверждении концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 года № 229. - Текст: электронный // Официальное опубликование правовых актов: сайт. - URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?index=1&rangeSize=1> (дата обращения: 10.02.2024).

© Синицына-Солодкая Екатерина Владимировна (solodkaya.ekaterina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СВОЕОБРАЗИЕ ПРОЯВЛЕНИЯ ДУХОВНЫХ ТРАДИЦИЙ И НАТУРАЛИСТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ИНДЕЙЦЕВ

Смирнов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Елабужский институт
sunstability@yandex.ru

ORIGINALITY OF THE MANIFESTATION OF SPIRITUAL TRADITIONS AND NATURALISTIC VALUES IN THE SOCIAL CONSCIOUSNESS OF MODERN INDIANS

S. Smirnov

Summary: This article examines the features of the spiritual culture of modern american Indians. The originality of the worldview of native americans is characterized by the animation and deification of the forces of nature, emphasizing unity with it. The features of animistic beliefs and ritual practices of american Indians and their religious views are examined. As a result of the study, it is concluded that, despite the expansion of western values, native americans continue to preserve their spiritual culture and traditions.

Keywords: spiritual culture, traditions, worldview, nature, religion, values.

Аннотация: В представленной статье рассматриваются особенности духовной культуры современных индейцев США. Характеризуется своеобразие мировоззрения коренных американцев, связанное с одушевлением и обожествлением сил природы, с подчеркиванием единства с ней. Рассматриваются особенности анимистических верований и обрядовых практик американских индейцев, их религиозные взгляды. В результате исследования делается вывод о том, что, несмотря на экспансию западных ценностей, коренные американцы продолжают сохранять свою духовную культуру, традиции.

Ключевые слова: духовная культура, традиции, мировоззрение, природа, религия, ценности.

Введение

В 1890 году в бойне при ручье Вундед-Ни солдаты седьмого кавалеристского полка под командованием полковника Д. Форсайта вырезали 153 человека из племен миннеконжу и хункпапа во главе с вождем Большая Нога. Это событие поставило точку в продолжающейся более чем двести лет эпохе колонизации Северной Америки. Последующая ликвидация фронта – границы, разделяющей освоенные земли от территорий Дикого Запада, завершила историю индейских войн. Бывшие гордые властители североамериканского континента были загнаны в резервации, в большинстве своем представляющие бесплодные, малопригодные для ведения хозяйства территории и обречены на жалкое существование на подачки федерального правительства в лице Бюро по делам индейцев. «Индейцы практически обреченная раса, и они сами понимают это, как никто другой», – отметил еще в январе 1891 года генерал Нельсон Майлз, посетивший место бойни у ручья Вундед-Ни, пораженный картиной жестокого избиения беззащитных людей [5, p. 2].

Более ста тридцати лет прошли со времен трагедии, положившей конец суверенитету индейских народов. Превратившись в граждан США коренные жители, особенно проживающие в восточных штатах колонизированных еще в течение XVII-XVIII веков, во многом утра-

тили свою духовную самобытность, забыв родной язык, культуру и обычаи предков. В тоже время многие из индейских народов, особенно, проживающих в резервациях дальнего и среднего Запада, продолжают сохранять духовные традиции своих отцов. Уникальность этих традиций в свое время поразила сотрудника Орегонского университета Б. Тоулкена, проводившего этнографические исследования среди народа навахо. По его словам, он испытал культурный шок, столкнувшись с мировоззрением и ценностями индейцев, оказавшихся абсолютно несовместимыми с нормами воспитавшего его евроамериканского общества [6, p. 10].

И действительно, несмотря на идущие процессы ассимиляции, духовные традиции индейцев до сих пор разительно отличаются от таковых белого населения.

Рассмотрим особенности этих традиций.

Духовные традиции современных американских индейцев

Уникальность духовного мира коренных американцев заключается в существовании в общественном сознании некоего симбиоза мифологических и религиозных верований.

Ядром мировоззрения индейцев являются представления о всеобщей одухотворенности природы, о суще-

ствовании тесной взаимосвязи человека и естественно-го мира. Этим, мировоззрение коренных американцев отличается от мировоззрения белых, для которых характерны представления о человеке как существе, призванного властвовать над природой, ее покорять. Для индейцев, подобные взгляды есть проявление человеческой гордыни. Призвание человека – существовать в гармонии с природой. Нарушение этой гармонии может повлечь за собой несчастья, страдания и смерть.

Проявлением мировоззрения коренных американцев является трепетное, уважительное отношение к природе.

К примеру, ирокезы, уверенны в наличии родственных отношений между ними и объектами природы. Так, Солнце они почитают как своего старшего брата, Луну – называют бабкой. Духи грозы для них выступают как деды, Земля – это мать, а культурные растения, такие как кукуруза, бобы, тыква – являются сестрами [2, с. 233]. Подобные представления существуют не только у ирокезов, но и многих индейских народов, проживающих в разных уголках страны. «Мы не разделяем бога и человека, религию и политику, – писали в 1977 году лидеры общины хопи президенту Дж. Картеру. Все аспекты наших отношений к земле и жизни переплетены между собой» [4, р. 7].

Несмотря на все достижения современной цивилизации, демонстрирующие иллюзию победы человека над природой, отношение индейцев к последней, как к всеобъемлющей, могучей, одухотворяющей мир силе сохраняется до настоящего времени.

Особенно наглядно это проявляется в отношении коренных американцев к Земле. «Вы говорите мне пахать Землю? – говорит индеец племени уматилла. Я что, должен взять нож и вонзить его в грудь матери? Но тогда, после того как я умру, она не примет меня снова к себе. Вы говорите мне копать и выбрасывать камни? Что же, я должен увеличить ее плоть, чтобы стали видны кости? Тогда я больше не смогу войти в ее тело и родиться вновь. Вы говорите мне косить траву и жать хлеба, чтобы стать богатым, как белый человек. Но как я могу осмелиться резать волосы своей матери?» [1, с. 84].

Баланс в природе, по мнению индейцев, поддерживается благодаря равновесию ее сил. Так, по мнению индейцев племени хопи, грунтовые воды – это своего рода магнит, притягивающий к себе дождь из облаков. Облака – это тоже магнит, они притягивают к себе воду, позволяя последней подниматься из почвенных горизонтов к корням диких и культурных растений. Разработка месторождений полезных ископаемых нарушает эту гармонию. Если это когда-нибудь случится, землю ждет засуха. Погибнут растения. Умрут животные. Мать-природа, тем самым, отомстит своим детям за то, что они не смогли со-

хранить завещанную им предками землю [2, с. 214].

Помимо веры в животворящую силу природы, среди индейцев сохраняются анимистические верования. Среди них – вера в создателя мира – Великого духа, почитание духов-покровителей – Маниту, вера в сверхъестественные свойства оружия, в амулеты. Интересно, что в эпоху индейских войн слабую эффективность щита по отношению к карабинам, индейцы списывали не на преимущества свинца и пороха, а на магическую силу огнестрельного оружия [3, с. 97]. Амулеты коренных американцев отражают силу животных и растений, могущество духов природы.

Большое значение до сих имеют тотемы, представляющие собой, в основном, стилизованные предметные образы животных. Тотем имеет каждое индейское племя. Их символический смысл состоит в воплощении позитивных качеств, перенесенных с животных-покровителей на членов племени: мудрости, силы, стойкости, жизнелюбия и т.д. Тотем – это способ самоидентификации индейских племен, подчеркивающий самобытность культуры коренных американцев.

Заметное место в духовной культуре индейских племен занимает шаманизм, как духовная практика, отражающая представления коренных народов об устройстве мира и силах, которые им управляют. И здесь мы вновь сталкиваемся с традицией обожествления природы. Шаман, как посредник между миром духов и людьми в своих путешествиях по тонким мирам попеременно перевоплощается в сову, индюка, медведя или лисицу, обретает способность перемещаться с бешеной скоростью. В качестве магической атрибутики он использует погремушки с высушенными зернами, магические растения, части животных.

У ряда индейских народов сохраняется обрядовая практика, связанная с почитанием природных сил. Это различные пляски: «солнечная», «змеиная», «медвежья». «Танец Орла», «танец бабочек» и многие другие. Роль этих мистерий заключается в том, чтобы сплотить коллектив, обеспечить нормальные взаимоотношения его членов с природными силами [2, с. 217].

У некоторых племен сохраняется календарный обрядовый цикл, в котором отражается ход годовой хозяйственной деятельности. Так у ирокезов он представляет собой систему общинных празднеств: Нового года, начала и завершения сельскохозяйственных работ. Сюда же относятся торжества, посвященные Солнцу, поминовению усопших.

Огромное значение в духовной культуре индейцев имеет христианство. Коренное население США исповедует в основном протестантизм, на территориях, некогда

принадлежавших Мексике (Калифорния, юго-западные штаты) – католичество. Несмотря на всеобщую христианизацию, религиозные практики индейцев продолжают переплетаться с языческими верованиями. Часто бывает, что добрый индеец-христианин после посещения воскресной службы занимается отправлением языческих ритуалов, а его вера в Христа сочетается с верой в Великого Духа.

До настоящего времени в индейских общинах действуют синкретические религиозные культы. Среди них – культ Прекрасного Озера, шейкеризм, культ землянок, пейотизм и т.д.

Особенное значение среди перечисленных имеет пейотизм – культ, исповедуемый Церковью коренных американцев, насчитывающий, в настоящее время, сотни тысяч последователей. Название культа происходит от наименования кактуса, распространенного в Мексике и долине реки Рио-Гранде, обладающего галлюциногенными свойствами.

Согласно данному учению, существует управляющий миром единый верховный Бог. Посредником в его общении с людьми выступает пейотль, одновременно, являющийся средством лечения телесных и душевных заболеваний. Обряд включает в себя жевание молодых побегов кактуса и произнесение молитв под звуки барабана и погремушек из тыквы. Завершается ритуал общей трапезой и водными омовениями. Как и христиане,

пейотисты верят во Христа, Богородицу, ангелов, в своих богослужениях используют Библию. Этика пейотистов призывает к смирению и нравственному самосовершенствованию как предпосылкам обретения загробного блаженства.

Заключение

Своеобразие проявления духовных традиций и натуралистических ценностей в общественном сознании современных индейцев заключается, таким образом, в существовании единства мифологических взглядов и религиозных верований.

Мифологические взгляды современных индейцев связаны с представлениями о всеобщей одухотворенности природы, ее могуществе и силе, с единством человека и естественного мира.

Религиозные взгляды коренных жителей США представляют собой симбиоз христианских и языческих верований, тесно переплетаются с синкретическими культами.

Наличие подобных представлений отражает уникальность духовной культуры коренных американцев, их способность сохранять свои традиции в условиях агрессивной экспансии западных культурных ценностей, имеющей место, начиная с появления первых поселений европейцев на восточном побережье Северной Америки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбедиль М.Ф. Миф и реальность. СПб.: Вектор, 2014. 256 с.
2. Стельмах В.Г., Тишков В.А., Чешко С.В. Тропую слез и надежд: (Книга о современных индейцах США и Канады). М.: Мысль, 1990. 316 с.
3. Стукалин Ю. Хороший день для смерти: военное дело индейцев Великих Равнин и прерий. М.: Гелиос, 2005. 384 с.
4. Big Mountain News. Fall 1985.
5. The North American Review. January, 1891.
6. Toelker B. Seeing with a Native Eye: How Many Sheep Will it Hold? // Seeing with the Native Eye, ed. Walter Capps. New York: Harper & Row, 1976. P. 9-24.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПСИХОЛОГИЯ И МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЖИТЕЛЕЙ АМЕРИКАНСКОГО ЮГА

Смирнов Сергей Владимирович

Кандидат философских наук, доцент, Казанский
(Приволжский) федеральный университет, Елабужский
институт
sunstability@yandex.ru

PSYCHOLOGY AND WORLDVIEW OF RESIDENTS OF THE AMERICAN SOUTH

S. Smirnov

Summary: The presented article examines the peculiarities of the psychology and worldview of the inhabitants of the American South in the era preceding the Civil War and the reconstruction that followed. The features of the economic structure of the southern states, the influence of slavery on the life and worldview of southerners, and their mentality are characterized. The uniqueness of the spiritual culture of the inhabitants of the American South is emphasized, their commitment to traditional values, family, and Motherland, as the qualities that determined the mass heroism and resilience of southerners in the face of the trials that befell them during the Civil War.

Keywords: American South, slavery, spiritual culture, values, southerners.

Аннотация: В представленной статье, рассматриваются особенности психологии и мировоззрения жителей Американского Юга в эпоху, предшествующую гражданской войне и последовавшей после этого реконструкции. Характеризуются особенности хозяйственного уклада южных штатов, влияние рабства на жизнь и мировоззрение южан, их менталитет. Подчеркивается уникальность духовной культуры жителей американского Юга, их приверженность традиционным ценностям, семье, Родине, как качествам, определившим массовый героизм и стойкость южан перед лицом испытаний, выпавших на их долю в годы гражданской войны.

Ключевые слова: Американский Юг, рабство, духовная культура, ценности, южане.

Введение

В 1865 году закончилась самая кровопролитная война в истории Соединенных Штатов Америки – война между Севером и Югом – конфликт, продолжавшийся долгие четыре года, унесший жизни около 650 тысяч человек – больше, чем в первой и второй мировых войнах вместе взятых.

Данный конфликт был вызван комплексом причин экономического, политического, социального и культурного характера.

Среди этих обстоятельств, на наш взгляд, особого внимания заслуживает анализ культурных предпосылок гражданской войны связанных, с особенностями психологии и мировоззрения жителей Юга, своеобразие которых, во многом, определило стратегию и ход войны, особенности реконструкции южных штатов.

Рассмотрим данные предпосылки более подробно.

Южане: психология, мировоззрение, менталитет

Еще задолго до начала гражданской войны сложилось представление о Севере как о земле предпринимательства и о Юге – как о земле рыцарства.

Жителей Севера, южане презрительно называли «янки» – людьми без чести и совести, считая, что единственная их цель – делать деньги любыми доступными и

далеко не всегда честными способами. Сами себя, южане характеризовали как элиту американского общества, республиканскую знать, аристократов и джентльменов, являющихся хранителями и продолжателями куртуазных традиций старой Европы призвание которых – светские приемы, ухаживание за дамами, интеллектуальные беседы и охота [9].

У человека, имеющего некоторое представление об особенностях колонизации Северной Америки, подобные взгляды вызывают удивление. Действительно, территории, вошедшие в дальнейшем в состав северных и южных штатов, заселялись выходцами из одних и тех же районов Старого Света – в основном – англосаксами – жителями Англии, Шотландии и Ирландии, обладающими сходными особенностями национального самосознания и менталитета.

Ответ заключается в особенностях хозяйственного уклада и образа жизни жителей Американского Юга.

В отличие от индустриального Севера, вступившего еще в первой четверти XIX века в эпоху Промышленной революции, Юг продолжал оставаться аграрным регионом. Благоприятные природно-климатические условия, определили его хозяйственную специфику – ориентацию на выращивание плантационных культур – риса, хлопка и табака возделывание которых, требовала значительных трудозатрат, что в условиях дефицита рабочей силы (к 1861 году на территории южных штатов проживало лишь 9 миллионов человек) способствовало

широкому использованию труда негров-рабов.

Рабство, отмечает У.Б. Филлипс, было «больше чем бизнес, но самую жизнью южан. Сделав богатыми многих, оно повлияло на всех» [8, p. 401].

Это влияние проявилось в изменении ценностных ориентаций жителей Юга, в том числе, их отношения к труду.

Согласно протестантской этике – труд – это дело, выполнение которого, способствует приумножению славы божьей, росту общественного благосостояния [2, с. 139].

Широкое использование труда чернокожих невольников девальвировало представления о его благородном характере, превратило труд в удел представителей «низшей расы», в деятельность презираемую, недостойную белого человека. Это привело к формированию высокомерного отношения рабовладельцев по отношению к бедным фермерам вынужденных жить собственным трудом. Отражением этого отношения стало появление обидных прозвищ – таких как «белая шваль», «белые бедняки» [6, с. 122].

Презрение к труду породило породу людей, рассматривающих раба не как человека, а как вещь, лишенную человеческого достоинства. Отсюда – практика разлучения семей чернокожих невольников, унижительные наказания провинившихся, бесчеловечная эксплуатация их труда [1].

Хозяева относились к рабам как к дорогой собственности функциональность, которой, необходимо поддерживать. Поэтому заболевших рабов лечили, занимающихся тяжелым физическим трудом неплохо кормили, дарили подарки, а в рождественские праздники даже отпускали «на каникулы» во время которых невольники, если была такая возможность, могли зарабатывать на свои личные нужды, общаться, ходить друг другу в гости [5].

Причину подобного отношения со стороны хозяев рабы прекрасно понимали, поэтому со своей стороны относились к ним с обидой, подозрением и ненавистью.

Бездеятельность, вызванная рабством, воспитывала в южанах сибаритство, лень и распущенность. Лень, отчасти, была обусловлена природными условиями – жарким и влажным субтропическим климатом, гасившим энергию южан, но, в большей степени – отсутствием занятий. Поэтому многие из них, кому, конечно, позволял достаток, проводили время в пьянстве, играх, охоте и светских развлечениях. Джон Кэрри, житель Мэриленда в 1845 году отмечал: «Мой внезапный визит в северные штаты, полностью убедил меня, что истинный секрет наших трудностей заключается в недостатке энергии со

стороны наших капиталистов, а также в невежестве и лени тех, кто должен трудиться» [7].

Наличие большого объема свободного времени позволяло южанам заниматься самообразованием. Это воспитывало романтизм, созерцательность, наивность, некую отстраненность от жизни, делающую жителей Юга похожими на детей с их верой в чудеса и непосредственностью. Достаточно вспомнить сюжет из романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», где южные джентльмены на приеме у Уилксов незадолго до начала гражданской войны прославляют достоинства своих воинов. «... Мы разобьем их за один месяц ... Да один южанин стоит двадцати янки» [4, с. 117].

Характерной особенностью самосознания южан являлся культ чести, порой, ставящийся выше личного богатства. Его истоками, опять-таки, являлось рабство с необходимостью заботы о невольниках, с осознанием рабовладельцем бремени ответственности за «вверенные ему господом души», плюс несправие последних. «Будь тверда, но неизменно вежлива с теми, кто тебе служит, особенно с неграми» – наставляет Эллин О'Хара свою дочь – Скарлетт [4, с. 468].

С кодексом чести было связано преклонение южных мужчин перед дамами, приверженность к традициям, к семье, преданность Югу как к цивилизации, хранящей традиционные ценности.

В южной семье – мужчина – это патриарх – хозяин, задача которого – охрана чести и достоинства семьи, приумножение ее славы. Женщина – хранительница семейного очага, мать не только для своих детей, но и для рабов, которым она помогала устраивать домашний быт, лечила и воспитывала. Женщины-южанки были более образованы, нежели мужчины. Получить высшее образование в учебном заведении было весьма затруднительно в силу высокой стоимости обучения, поэтому знания южные дамы получали в основном в результате самообразования. Занимаясь хозяйственными делами, они прекрасно видели изнанку рабства, поэтому часто были его противниками. Так, Гертруда Томас, из семьи богатых плантаторов, будучи владелицей нескольких плантаций и почти сотни рабов в 1859 году в своем дневнике писала: «Я полагаю, что все женщины-южанки в сердце аболиционистки... Я придерживаюсь мнения, что институт рабства приводит больше к деградации белого человека, чем негра, и оказывает очень вредное влияние на наших детей» [9, p.168-169].

Особым качеством южан являлся их патриотизм. Его истоки – осознание самобытности и уникальности Юга, привязанность южанина к родным краям, к местам, где он родился и вырос. Отсюда – фанатичная преданность «правому делу» (так называли борьбу Юга против Севе-

ра), храбрость и стойкость защитников Конфедерации, которые, будучи «истощенными голодом и болезнями порой до последней крайности все же продолжали сражаться, внушая своим врагам уважение и страх» [3, с. 83].

Заключение

Рассмотрение психологии и мировоззрения жителей Американского Юга, таким образом, дает основание утверждать о существовании на территории южных штатов в эпоху, предшествующую гражданской войне субэтнуса, мироощущение, которого, коренным образом отличалось от такового людей, проживающих на территории Севера.

Особенности природы и климата южных штатов, хозяйственный уклад, образ жизни, сформировали у жителей региона ряд положительных и отрицательных ду-

ховных качеств. К первым относятся сибаритство, лень и распущенность, презрение к физическому труду. Ко вторым – культ чести, преклонение перед женщиной, приверженность к традициям, к семье, к Родине.

Особенности психологии и мировоззрения, позволяли жителям Американского Юга идентифицировать себя в качестве отдельной нации, а свою землю, рассматривать как цивилизацию с уникальными традициями и культурой. Данные обстоятельства стали причиной тому, что в годы войны каждый из жителей Юга, независимо от материального состояния и социального статуса, встал на защиту Отечества [3, с. 57].

Этим же, объясняется массовый героизм, стойкость южан перед лишениями и трудностями, выпавшими на их долю в период гражданской войны и последовавшей после нее реконструкции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бичер-Стоу Г. Хижина дяди Тома: Роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. 480 с.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Издательство АСТ, 2021. 352 с.
3. Маль К.М. Гражданская война в США, 1861-1865: Развитие военного искусства и военной техники. М.: ООО «Издательство АСТ»; Минск: Харвест, 2002. 592 с.
4. Митчел М. Унесенные ветром: Роман: В 2 т. Т.1. М.: Машиностроение, 1991. 560 с.
5. Соломон Н. 12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа. М.: Эксмо, 2022. 416 с.
6. Супоницкая И.М. Антиномия американского Юга: Свобода и рабство М.: Ленард, 2019. 232 с.
7. The Project Gutenberg eBook of Slavery in Maryland briefly considered, by John L. Carey. – URL: <https://www.gutenberg.org/files/68731/68731-h/68731-h.htm> (дата обращения 28.12.2023)
8. Philips U.B. American Negro slavery: a survey of the supply, employment and control of Negro labor as determined by the plantation regime. Charleston, S.C.: BiblioBazaar, 2006. 486 p.
9. Thomas E.G. C. The secret eye: The journal of Ella Gertrude Clanton Thomas, 1848-1889. Chapel Hill; London: Univ. of North Carolina press, Cop. 1990. 469 p.

© Смирнов Сергей Владимирович (sunstability@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФИЛОСОФСКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИЗУЧЕНИЯ АГРЕССИИ (БУЛЛИНГА) В ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Спесивцева Ольга Ивановна

кандидат философских наук, доцент, Уральский
государственный университет физической культуры
(г. Челябинск)
spoi@mail.ru

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL BASES FOR STUDYING AGGRESSION (BULLYING) IN PHYSICAL SPORTS ORGANIZATIONS

O. Spesivtseva

Summary: The article examines the philosophical and anthropological foundations of manifestations of aggression (bullying) in physical education and health organizations. It is noted that manifestations of aggression (bullying) are characteristic not only of modern society, since they are based on the spirit of competition and social activity. It has been determined that bullying is the subject of research by philosophers of different eras. It is noted that bullying in physical culture and sports organizations can be considered as an objective predisposition of athletes and spectators to aggression, as a complex phenomenon that combines natural and social principles. It is concluded that the use of a philosophical and anthropological approach to understanding the basis of aggressive behavior of an individual who realizes himself in the field of sports and physical culture makes it possible to identify the specifics of aggressive behavior, including manifestations of bullying towards one's opponents, and "aggression" itself in sports does not is neither an immutable internal concept nor a social phenomenon corresponding to ancient and modern times. It is noted that scientific knowledge of the possibilities of applying the philosophical and anthropological approach to the scientific understanding of the manifestations of the foundations of aggression (bullying) in sports and in the work of physical education and sports organizations requires further research.

Keywords: aggression, scientific knowledge of bullying, social phenomenon, sports agony.

Аннотация: В статье рассматриваются философско-антропологические основы проявлений агрессии (буллинга) в физкультурно-оздоровительных организациях. Отмечено, что проявления агрессии (буллинга) характерны не только для современного общества, поскольку в их основе лежит дух соревновательности, общественной активности. Определено, что буллинг является предметом исследования философов различных эпох. Отмечено, что буллинг в физкультурно-спортивных организациях можно рассматривать как объективную предрасположенность спортсменов и зрителей к агрессии, как сложное явление, сочетающее в себе природные и социальные начала. Сделан вывод о том, что применение философско-антропологического подхода к пониманию основания агрессивного поведения личности, реализующей себя в сфере спорта и физической культуры, позволяет выявить специфику агрессивного поведения, включая проявления буллинга по отношению к своим соперникам, а сама «агрессия» в спорте не является ни неизменным внутренним понятием, ни социальным явлением, соответствующим древним и современным временам. Отмечено, что научное познание возможностей применения философско-антропологического подхода к научному пониманию проявлений основ агрессии (буллинга) в спорте, в работе физкультурно-спортивных организаций требует дальнейшего исследования.

Ключевые слова: агрессия, научное познание буллинг, социальное явление, спортивная агональность.

Физкультура и спорт являются важной частью жизни достаточно большого количества людей в XXI веке. С ними связаны здоровый образ жизни, укрепление здоровья, формирование воли, коллективизма, рекреация и прочее. Всё это - положительное значение физкультуры и спорта, однако, помимо преимуществ, которые с ними связаны, в процессе занятия физкультурой и спортом могут возникнуть и проблемы. Одной из таких проблем является возникновение агрессии (буллинга). В этой статье мы рассмотрим проблему буллинга.

Индивидуально направленная агрессия достаточно давно является предметом изучения в рамках многих

гуманитарных и социальных наук, прежде всего социологии, педагогики и психологии. Однако без философской основы эти исследования страдают неполнотой научного знания, так как опираются в большей степени на результаты применения эмпирических методов научного познания. К тому же, несмотря на довольно большое количество работ, посвященных изучению агрессии, исследований, посвященных анализу проблемы агрессии (буллинга) в организациях спортивно-оздоровительной направленности, крайне недостаточно в отечественной социально-гуманитарной науке.

Целью исследования является раскрытие философско-антропологических основ агрессии (буллинга), кото-

рые могут проявляться в физкультурно-оздоровительных организациях.

При анализе данной проблемы автором применены философские (общенаучные) методы научного познания, а также методы историко-сравнительного анализа. Также были использованы социально-философский и философско-антропологический подходы к исследованию категорий спортивного соперничества, агрессии, буллинга.

«Соревновательность» как социально-философская проблема появилась в античном мире. Дух соревновательности (агональность), присущий греческому сознанию в рамках полисной организации жизни социума проявлялся в различных сторонах общественной жизни: участие в Олимпийских играх, драматургии, разыгрывании театральных представлений и пр. Впоследствии исследователи в XIX – XX вв. (философы, психологи, историки, специалисты в области иных социальных наук) агональность древних греков рассматривали как одну из наиболее значимых черт, характеризующих социальную жизнь, как самих полисов, так и их военно-политических объединений всего мира эллинов в целом. Так, например, Ф. Баумгартен и Ф. Поланд на рубеже XIX – XX вв. рассматривали древнегреческую соревновательность как основу всей жизни в обществах, принадлежащих древнегреческому миру, связывая, правда, агон с имеющим природные, а не социальные начала, с правом сильного [2, с. 115].

Древнегреческая соревновательность, в основе которой лежит критерий агона, следует рассматривать не только как основу ментальности античного человека, в котором спортивная агональность является интегративным принципом своеобразия греческой культуры [10], но и как философскую основу всей древнегреческой социальной жизни, поскольку именно состязания в различных сферах социо-культурной жизни сначала городской общины, а затем и «мира эллинов» позволяли выявить сильнейшего без вооруженных столкновений, которые вели к человеческим и имущественным потерям.

Агональное начало как природная и социальная характеристика греческими философами рассматривается и как исходная характеристика мироустройства (Гераклит, Эмпедокл, Гераклит), характеризующаяся созидательным характером соревновательности, и как философская основа войны (Геродот, Фукидид, Ксенофонт), а в научном творчестве Аристотеля уже возможно выявить первые философско-антропологические критерии, позволяющие понять философскую сущность агрессивного поведения индивида.

Так, в «Поэтике», Аристотель исходит из начальной посылки подражания в искусстве последующих поко-

лений предыдущим, труды которых являются образцом для подражания, из чего возникает ментальное противоречие между творчеством нового поколения при изначальной аксиоматичности культурной значимости образцов для подражания.

Следовательно, исходя из данного противоречия, можно увидеть, что ментальное соперничество с достижениями образцов для подражания может рассматриваться как один из критериев агрессии, выражающейся в неприятии изначальной социальной ценности этих образцов.

В аристотелевской «Этике» рассуждения о добродетели и порочности [1] позволяют сделать вывод и о связи деятельности человека с его умением укрощать низменные страсти и развивать те стороны собственного бытия, которые будут иметь нравственную основу и полезны как обществу, так и организующему его государству.

Однако героические персонажи могут совершать действия, которые могут быть как нравственными, так и идущими вразрез с общепринятыми нормами морали, что находит отражение и развитие впоследствии и в творчестве Гегеля, утверждавшего о свободе выбора личностью варианта своих действий. Ученый пишет о том, что личность, имеющая свободу выбора, должна обладать определенным величием в глазах современников и потомков [6]. Великая личность при этом может выбрать и такой путь, который приведет к трагическим ошибкам, имеющим негативные последствия не только для самой великой личности, но и для общества, что также стало развитием идей Аристотеля о трагическом в жизни человека и трагической вине.

Философско-антропологический подход к пониманию агрессии в спорте появился во второй половине XIX в. Новое видение философской сущности социальных процессов и отношений, а также понимание человека как объекта научного познания, привел к появлению философской антропологии, как новой научной парадигмы. Исследовательский метод философской антропологии уже сформировал определенную научную ценность при изучении истории спорта и философии спорта.

При изучении философии спорта метод философской антропологии предложил новые перспективы и методы исследования для изучения определения понятия спорта и споров по вопросу его истории. Так же метод философской антропологии, на наш взгляд, может быть использован и используется сегодня для выявления вероятности спортивной агрессии (буллинга). Он способен разрешить недоразумение, содержащееся в изучении спортивного насилия, и сформировать историческую интерпретацию.

По своей сути, философская антропология представляет собой совокупность идей, принципов, понимания векторов развития общества и отдельной личности в постоянно изменяющемся мире.

В основном методика философско-антропологического подхода в исследовании агрессивного поведения применяется в исследованиях в сфере педагогики, психологии, социологии и философии, доказательством чего являются работы таких российских авторов, как П.Ф. Лесгафт, который полагал, что нужны как эмпирические исследования человека во всех его проявлениях, так и теоретико-философские размышления о его природе [8], В.П. Вахтеров [4], П.Ф. Каптерев [10], К.Н. Вентцель [5], В.В. Розанов [11], С.И. Гессен [7] и целого ряда современных исследователей.

Применима методика философско-антропологических исследований и в сфере изучения физической культуры и спорта как проявлений культуры, составляющей культурной жизни социума.

Е.М. Сергейчик к основным принципам философской антропологии относит отказ от признания присутствия в мире трансцендентного; ключевой предмет исследования – это бытие человека, его жизнь; принцип антропоцентризма в познании природы и социальных явлений; что в своей совокупности приводит к размыванию субъективной и объективной составляющих бытия [12].

Применение научного инструментария философско-антропологического исследования создает возможности для выявления критериев соревновательности и агрессии в современном спорте.

В современной науке ряд критериев агрессии как социального явления был разработан А. Бандурой, который начал с изучения подростковой агрессивности, а в 1973 г. обобщил свои исследования в труде «Агрессия: анализ социального обучения», в котором и в ряде последующих работ стал рассматривать агрессию в рамках когнитивного подхода в психологии, разработав в итоге своих научных изысканий социальную когнитивную теорию. В этой теории социального научения Бандура (1973) приписывал агрессивное поведение широкому кругу социальных явлений, отмечая, что вредность и антинормативность поведения должны быть единственным критерием, дифференцирующим агрессивное поведение в спорте от неагрессивного [13].

В рамках исследования агрессии как социального и индивидуального феноменов указанный автор понимал агрессию как явление, имеющие социальные корни, а сам подход к научному эксперименту, анализу и обобщению результата развивался на основе концепции Аристотеля о влиянии примера на творчество индивида, а

также на понимании особой значимости эмпирических исследований в целях последующего анализа и обобщения их результатов. Разработка им критерия «вредности и антинормативности» как наиболее значимого критерия в научном анализе категории агрессия может рассматриваться как дальнейшее развитие гегелевских представлений о вариативности поведения личности, имеющей свободу выбора.

В спорте высоких достижений философско-антропологические критерии агрессивности имеют свою специфику. В их основе точно так же, как и тысячи лет назад лежит понимание соревновательности как социального явления, причем современные агонистики могут действовать, исходя из уважения к сопернику, так и, наоборот, испытывая к нему неприязнь, злобу, причинами которых могут быть личностные качества самого спортсмена, не способного, например, самостоятельно бороться со своими страстями, негативным восприятием способностей соперников, отягощенные неспособностью к осознанию собственных недостатков и невозможностью их объективной оценки и к поиску путей их решения. В спорте высоких достижений спортивная агрессия является катализатором результатов, позволяющих оценивать личность с позиций оценки спортивных результатов как гегелевскую «великую личность», которой доступны и негативные с точки зрения общепризнанной морали действия, совершаемые в процессе реализации основного вида деятельности, то есть в процессе участия в соревновании.

Древнегреческий Агон здесь зачастую выше моральных установлений, которыми руководствуется человек в своей обыденной жизни: в состязании может быть разрешено и то, что невозможно совершать за пределами ринга, татами, спортивного стадиона и площадки, то, что здесь останется ненаказуемо. Однако в данном случае соревнующийся может столкнуться с нормами-запретами, которых нет в обыденной жизни, они связаны непосредственно с самим состязанием. Соблюдение этих правил особо значимо именно в рамках состязания (правила состязания, допинговые запреты, запреты в игровых видах спорта и т.д.).

В сфере физической культуры, особенно в детско-юношеских секциях, применение философско-антропологического подхода в исследовании агрессии позволяет также выявить и когнитивные особенности агрессии как индивидуальной, так и коллективной, подверженность коллектива и индивидов к действиям, совершаемых в форме буллинга.

Д. Ольвеус одним из первых начал научное исследование данного социального явления. По мнению ученого, буллинг можно рассматривать как систематическое негативное физическое и моральное воздействие на жертву [3].

В отличие от понимания сущности более общей категории агрессии, которая своим источником может иметь и когнитивные особенности личности, и внешние воздействия, буллинг в спорте и в физической культуре следует рассматривать как явление, в рамках которого происходит внешнее, исключительно негативное, воздействие на жертву, причем далеко не всегда в форме агрессии, буллинг может быть и более сложным, многогранным воздействием на сознание жертвы.

В рамках философско-антропологического подхода, на наш взгляд, буллинг следует рассматривать как объективную предрасположенность спортсменов и зрителей к агрессии, как сложное явление, сочетающее в себе природные и социальные начала. Однако при этом следует помнить, что далеко не для всех видов спортивных состязаний характерна изначальная агрессивность, поэтому она и не находит проявления вовне в рамках тре-

нировочного процесса и самих спортивных состязаний.

Таким образом, применение философско-антропологического подхода к пониманию основания агрессивного поведения личности, реализующей себя в сфере спорта и физической культуры, позволяет выявить специфику агрессивного поведения, включая проявления буллинга по отношению к своим соперникам, а сама «агрессия» в спорте не является ни неизменным внутренним понятием, ни социальным явлением, соответствующим древним и современным временам. Это процесс, который происходит, сдерживается или деградирует в различных исторических и социальных периодах. Следует также отметить, что научное познание возможностей применения философско-антропологического подхода к научному пониманию проявлений основ агрессии (буллинга) в спорте, в работе физкультурно-спортивных организаций требует дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель. Этика / Аристотель; пер. Н.В. Брагинской, Т.А. Миллер; вст. ст. Ф.Х. Кессиди; прим. Н.В. Брагинской, В.В. Библихина. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2010. 492 с.
2. Баумгартен Ф., Полланд Ф., Вагнер Р. Эллинская культура. Минск: Харвест, 2000. 512 с.
3. Бочавер А.А. Буллинг как объект исследований и социальный феномен // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 149 – 159.
4. Вахтеров В.П. О новой педагогике. М.: Карапуз, 2008. 224 с.
5. Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности: Проблема нравственности и воспитания в свете свободного гармонического развития личности жизни и сознания. М.: Книгоизд-во К.И. Тихомирова, 1911 – 1912. Педагогическая библиотека, 1911. Т. 1. 388 с.
6. Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х тт. М.: Искусство, 1971. Т. 3. 621 с.
7. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в практическую философию / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. М.: «Школа-Пресс», 1995. 448 с.
8. Лесгафт П.Ф. Семейное воспитание ребенка и его значение // Избранные пед. соч. / П.Ф. Лесгафт / сост. И.Н. Решетень. М.: Педагогика, 1988. 400 с.
9. Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / под ред. А.М. Арсеньева; сост. П.А. Лебедев; Акад. пед. наук СССР. М.: Педагогика, 1982. 703 с.
10. Реджабек Е.Я., Богданова М.А. Агон как имманентная характеристика культуры Древней Греции // Вестник ДГТУ. 2011. Т. II. № 6. С. 911 – 917.
11. Розанов В.В. Сумерки просвещения: сборник статей по вопросам образования. СПб.: Изд-во П. Перцова. 1899. 240 с.
12. Сергейчик Е.М. Философские основания антропологического подхода в постклассической науке // Вестник Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. Науки. 2018. № 3. С. 70 – 82.
13. Bandura A. (1973). Aggression: a social learning analysis by albert handura. *Am. J. Socio.* 26, 1101-1109.

© Спесивцева Ольга Ивановна (spoi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ЛИТЕРАТУРНОМ ФЕНОМЕНЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЙ РЕЦЕПТИВНОСТИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

ON THE QUESTION OF THE LITERARY PHENOMENON AND AESTHETIC RECEPTIVITY OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

**L. Toguzova
O. Titkova
A. Osipova**

Summary: The authors of the article investigate the phenomenon of literature in the lens of humanitarian cognition and receptive aesthetics. In this direction, an original interpretation of the social conditionality of literary works is proposed, which do not pretend to be a rigid connection between meaning and the work for a particular reader, but on the contrary, practice socially conditioned reading. The article solves two main tasks: the first is that a literary work is both a product of creative self-awareness, and also a textual phenomenon in cognition, which makes it possible to recognize the internal and external bearer of humanitarian knowledge; the second is how the production of literature socially and aesthetically determines the «horizon of expectation» of the reader.

Keywords: literature, the image of the knowable, self-awareness, human, receptive aesthetics, horizon of expectation.

Тогужева Людмила Изатбековна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
toguzova@mirea.ru

Титкова Ольга Вячеславовна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
titkova_o@mirea.ru

Осипова Альбина Магомедовна

Кандидат философских наук, доцент, МИРЭА - Российский Технологический Университет
osipova_a@mirea.ru

Аннотация: Авторы статьи исследуют явление литературы в объективе гуманитарного познания и рецептивной эстетики. В этом направлении предлагается оригинальная интерпретация социальной обусловленности произведений литературы, которые не претендуют на жесткую связь смысла и произведения для конкретного читателя, а наоборот, практикуют социально обусловленное чтение. В статье решаются две основные задачи: первая, что литературное произведение – это и продукт творческого самосознания, и также текстуальный феномен в познании, что позволяет распознать внутреннего и внешнего носителя гуманитарного знания; вторая, как продукция литературы социально-эстетически обусловит «горизонт ожидания» читателя.

Ключевые слова: литература, образ познаваемого, самосознание, человеческое, рецептивная эстетика, горизонт ожидания.

В современном культурном лексиконе появилась новая словесная единица – литИИратура. Этот термин от англ. literAI – неологизм, обозначающий художественную литературу, написанную искусственным интеллектом (ИИ), либо в сотрудничестве с ним. [5. С. 207] Также отметим, что «потенциальные творческие возможности искусственного интеллекта до недавнего времени обсуждались разве что специалистами на научных конференциях, либо фигурировали в различных научно-фантастических произведениях, написанных человеком. Однако в последние годы, благодаря прогрессу в области машинного обучения, в частности успехам технологии нейросетей, литИИратура стала реальностью». [5. С. 207]

Так, перед нами в ландшафте интеллектуальной продукции обозначился результат технологической деятельности, претендующий на новый способ как литературного труда, так и на новую, специфическую форму эстетики. В этой связи целью нашего исследования является анализ литИИратуры как феномена в гуманитарном познании, а с другой стороны, как интерпретация в направлении рецептивной эстетики. Данный подход наиболее адекватен по отношению к литИИратуре. Во-

первых, обращение к литературным произведениям как продуктам творческого самосознания, а также, как и к текстуальным феноменам в познании, позволяет распознать внутреннего и внешнего носителя гуманитарного знания. Во-вторых, возможно прояснить социальную обусловленность эстетических смыслов литИИратуры как результата восприятия произведения субъектом.

В научном гуманитарном знании, явно или неявно, производится опора на многообразие эмпирических суждений, которые могут быть приняты на веру, вне доказательств, возникать после веры и являться следствием бытия человека в культуре. Если рассматривать когнитивные оценки веры как субъективную уверенность, соглашаясь также с тем, что и сомнение остается источником знания, то мы признаем право на участие в интеллектуальном выборе как экзистенциально-эмоциональных средств, так и других познавательных процедур антропологической традиции.

В отечественной культуре экзистенциально-философские подходы процессов познания исчерпывались отражательными процедурами. Имеется в виду, что зна-

ние как образ познаваемого достигалось часто отражением как природного, так и искусственного представления. Одновременное отражение-представление было производным тесного взаимодействия всех средств человеческого действия, где можно выделить амбивалентный по своей природе феномен репрезентации. Отечественная литература в этом контексте берет на себя ту сферу интерпретации, которая истолковывает способ бытия, переосмысливает доверие субъекту, признает фундаментальную значимость *исторической традиции*, существующей в понимании.

В литературе существование и действительность (реальность) – это мир, созданный в образах, знаках и символических формах; он присущ человеку и его жизни; он обязывает к истолкованию смыслов бытия; в нем решаются вопросы объединения бытийно-эстетического характера, предположительно укорененные в социуме и культуре. Но сама человеческая жизнь объединяет в себе считанные смыслы и когнитивные практики познания, порожденные психологизмом и историзмом. Эти смыслы и практики сущностно не исчерпываются операциями и методиками в работе над текстами; часто они (операции) выходят за рамки когнитивных оценок. Такие явления из сферы гуманитарного познания, которые должны быть поняты, неотъемлемо фигурируют в литературной деятельности субъекта, зачастую в идеалах и предписаниях рациональности, но только как образ, вставший лицом к изменениям реального мира.

Литература, в частности, позволяет размышлять с уровня отдельных понятий и предположений на уровень целостного подхода, к системе мысленных форм и коммуникации в горизонте бытия, где человек познающий обнаруживает себя и свое видение мира, обретая собственную личностную форму. Этот индивидуально-смысловой контекст литературы наталкивает нас перейти к пониманию *самосознания* человека как целостного субъекта гуманитарного познания, как сложно образованной структуры личности, как эстетической и интеллектуальной аутентичности человека в его бытии.

Понятие «самосознание» означает «выделение человеком себя из объективного мира, осознание и оценка своего отношения к миру, себя как *личности*, своих поступков, действий, мыслей чувств, желаний и интересов». [6. С. 590].

Узнавание человеком *собственных возможностей* производится в процессе труда, который, с одной стороны, связан с количеством инструментов и орудий труда, а с другой, эффективным применением всей технологической системы в общественной практике. Изменяя природу и создавая продукцию своего труда, человек изменяется сам, он созерцает дело своих рук и считает себя деятелем. [6. С. 590].

Важно подчеркнуть, что труд всегда носит общественный характер; по этой причине человек начинает сознавать себя как человека, принадлежащего данной исторической системе; по этой же причине человека отличает отношение к другому человеку, именно как себе подобному. Если учитывать, что литературе выпала участь создания как раз *человеческого ума и рук*, то по мере развития самосознания личности мы понимаем ее как результат практической общественно-производительной деятельности человека. [6. С. 591].

Однако обратим внимание на продукцию литературы. Как указывает один из ведущих инноваторов в этой области, американец Росс Гудвин, бывший спичрайтер администрации президента Обамы и исследователь творческих возможностей ИИ, что в 2016 г. в сотрудничестве с британским кинематографистом Оскаром Шарпом был создан самообучающийся ИИ-бот «Джетсон». Этот Джетсон стал называть себя Бенжамином, проанализировал сотни существующих киносценариев и начал генерировать собственные сценарии с диалогами и постановочными инструкциями. Шарп снял по одному из них «Sunspring», впечатляющую короткометражку в жанре сай-фай, которая вызвала большой общественный резонанс. [5. С. 207].

Здесь мы могли бы сказать, что как объект литературы данный сценарий своего рода лингвистическая условность. Но ведь и Гудвин, и Шарп утверждают, что есть Бенжамин и его произведение, т. е. что-то «есть» - то, что наблюдается как мышление. Иначе говоря, об объекте как определенном содержании, уже данном в наблюдении, мы можем сказать: «*есть*» уже присутствующее как одно из содержаний сознания. [3. С. 96]. В какой же мере продукт литературы в ИИ отражает сознание, да и можно ли так считать? Здесь обратимся к философскому опыту А. Пятигорского о том, что весь мир «не есть один объект наблюдения, противопоставленный наблюдателю». [3. С. 91].

«Можно также сказать, что какой-то (или данный) человек как объект наблюдения мышления или как случай мышления ставится в ряд тех объектов, которым по условиям наблюдения *может* приписываться или не приписываться сознание». [3. С. 96]. В нашем случае такими объектами являются данный текст сценария, данный наблюдаемый разговор, данный ритуал ИИ. В отличие от тех объектов, которым в силу тех же условий сознание *не может* приписываться, например, как «человек вообще», «народ», «культура» и т. д. «Человек» (но не «какой-то» и не данный) может обозначать, в принципе, *другое мышление*, служить словом, обозначающим место, где что-то наблюдается как мышление или как типичный случай наблюдаемого мышления. [3. С. 96–97]. Так, для литературы, согласно этому принципу, не предвидится другое мышление, не предвидится человеческое самосознание.

Это подтверждается Пятигорским в следующем суждении. «Вообще, то, что называется словами «человеческое» или «человеческая природа», оказывается в наблюдении крайне неопределенным, размытым объектом, скорее всего – не-объектом, ибо за вычетом «мыслящего» (или сознания) этот объект полностью утрачивает свою человеческую специфику. Для самого антропоцентрического из известных мне философов, Гегеля (и для Александра Кожева еще более, чем для Гегеля), человеческая природа есть чистая абстракция, вторично или третично выведенная из самосознания, самоосознания, осознания своей смертности, признания другим (в «Феноменологии духа»)». [3. С. 97]

Ну, а что же отнести к «человеческому» пониманию в таком раскладе? Пятигорский отмечает на эту важнейшую категорию – это есть *психика*. Он пишет: что в мышлении «нет никакой человеческой природы (в аристократическом смысле), кроме психики. Тогда психика – самый общий случай состояния ума, ... и одновременно собирательное понятие, включающее в себя все то в мышлении, что не относится к его содержанию. Затем – это типично для антропоцентризма в целом – понятие «человеческого» расщепляется на человеческое как предмет позитивного научного знания и человеческое как специфичное для человека самосознание, пока наконец и то, и другое вновь не объединится в более поздних неотрефлексированных концепциях так называемого «философского гуманизма». [3. С. 97].

Проведем черту в этой части нашего понимания литИИратуры и отметим ее общественную роль как «нового феномена» в культуре. Так как на сегодняшний день вышло уже несколько романов и сборников рассказов, написанных различными ИИ. В Сети появился магазин, торгующий их книгами. Кроме этого, в мае 2020 исследовательская лаборатория в области ИИ из США представила GPT-3, третье поколение алгоритмов машинного самообучения. Вслед за ним стремительно появились GPT-4, GPT-5, где качество текстов, генерируемых системами таково, что *специалисты не могут отличить их от текстов, написанных людьми*. Интеллектуальная среда объясняет «будущее, наступающим на наших глазах», и первые серьезные последствия – в области журналистики. Системы ИИ пока не получают литературные премии, но они продолжают совершенствоваться, и у них все еще впереди». [5. С. 207]. Но в движении этого интереса к произведениям ИИ, снимая проблему мышления, рассматривая наблюдение как специфическое состояние ума, а это означает некое внимание человека к «экранам», «носителям», «средствам» и т.п. в контексте «эстетического чувства», или «психики», по утверждению Пятигорского, производится *распознавание и восприятие* интеллектуальных предметов от машин? Можно сказать, что производит-

ся сенсорный способ постижения литИИратурной продукции в духе технологического времени.

Здесь для нас определенный фокус понимания может предложить традиция *рецептивной эстетики*. Как сказано было выше, что литературная продукция ИИ представлена таким образом, что не отличается от человеческих произведений. По этой причине обратимся к тому *горизонту ожидания*, который есть в рецепции для обоснования суждения о неотличимости литИИратуры от результата литературного труда человеческого.

Согласно исследованиям Яусса, суждение о каком-либо произведении (горизонт ожидания), созданном в прошлом, складывается современниками, из мнений последующих поколений читателей и критиков. Горизонт ожидания по отношению к современному произведению, еще не имеющему собственной истории восприятия, формируется существующими в данное время, в данной национальной культуре нормами эстетического восприятия и личным опытом читателя. [2. С. 390–391].

Второй, важный для нас, тезис Яусса, *психологический*, утверждает обеспечение объективности понимания анализируемого объекта. Психологизм редуцирует феномены духовной культуры до индивидуально-психологической конкретности их восприятия, не задаваясь вопросом об их социокультурной обусловленности. А этим, собственно, занимается *социология вкуса* (курсив наш), к которой сводится изучение эстетического восприятия. Соответственно, восприятие литературных продуктов ИИ – это в сути читательские симпатии или антипатии по отношению к ним. В горизонт ожидания вписываются многочисленные *мнения*, заданные принятыми эстетическими нормами. Так как современная эстетика имеет определенное влияние со стороны технологии, то и литИИратура, как изобретение технологической эпохи, развивается в канонах технологической эстетики, которая аутентична настроением читателя, в своем познании ориентированного на взаимосвязь технологии с порождаемой ею же эстетикой.

Эстетическая и интеллектуальная аутентичности человека технологического века как раз и возникают из множющихся произведений не обязательно оригинального свойства; наоборот, психологически множественность литИИратуры не отрицает, не отвращает ее вторичного свойства. В завершение скажем определенно одно, что посредством развития произведений и всей продукции литИИратуры, в перспективе функционально и статистически ИИ будет умножать серии перевода в человеческий масштаб того, что в человеческом имеет совсем другой масштаб.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горбачева А.Г. Искусственный интеллект и современное искусство: новые возможности и вызовы / Горбачева А.Г. // Человек: RU: гуманитарный альманах. – Новосибирск, 2018. - № 13 (2018). – С. 145–154.
2. Очерки эстетики и теории искусства XX века / Отв. Ред. Н.А. Хренов, А.С. Мигунов. М.: Канон+, 2013, С. 390–391.
3. Пятигорский А. Мышление и наблюдение: четыре лекции по наблюдательной философии. СПб.: Азбука-Аттикус, 2016, С. 91–97
4. Руткевич А.М. Философия истории Александра Кожева. М.: Изд. Дом ВШЭ, 2015.
5. Словарь культуры XXI века: глобальная серия. М.: Институт перевода: Центр книги Рудомино, 2022, С. 207.
6. Философский словарь. / Под редакцией И. Т. Фролова. М., 2009, С. 590–591.

© Тогузова Людмила Изатбековна (toguzova@mirea.ru), Титкова Ольга Вячеславовна (titkova_o@mirea.ru),
Осипова Альбина Магомедовна (osipova_a@mirea.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ РЕЛИГИИ В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: ОТ ПРАВОСЛАВИЯ ДО АТЕИЗМА

Чжан Ваньтай

Пекинский педагогический университет

781319072@qq.com

THE ROLE OF RELIGION IN RUSSIAN PHILOSOPHICAL THOUGHT: FROM ORTHODOXY TO ATHEISM

Zhang Wantai

Summary: Philosophy and religion have always been an integral part of Russian culture. Russian philosophy and religion have uniquely influenced the history and culture of the country and are one of the unique national features of Russia. This article explores the influence of Russian philosophy and religion on Russian culture from various perspectives. Orthodoxy is the most important religion in Russia. Its emergence and development have influenced all aspects of Russian history and culture. Ideas and philosophy of Orthodoxy are often mentioned in Russian philosophy. Russian philosophers believe that Orthodoxy is a rational, moral, and spiritual belief that unites faith and philosophy and has become an important part of Russian culture. Orthodox symbols and morality widely appear in Russian literature, art, and philosophy and have a great influence on Russian thought. The purpose of this study is to analyze the influence of religion on Russian philosophical thought. Research methods: historical analysis (study of the historical context of the development of religious thought in Russia), comparative analysis, critical analysis.

Keywords: Russian philosophy, religion, Orthodoxy, atheism, religious thought, philosophical thought, influence of religion.

Аннотация: Философия и религия всегда были неотъемлемой частью русской культуры. Русская философия и религия уникальным образом повлияли на историю и культуру страны и являются одной из уникальных национальных особенностей России. В данной статье с разных точек зрения исследуется влияние русской философии и религии на русскую культуру.

Православие — важнейшая религия в России. Его появление и развитие оказали влияние на все аспекты российской истории и культуры. В русской философии часто упоминаются идеи и философия православия. Русские философы считают, что православие — это рациональное, нравственное и духовное верование, объединяющее веру и философию и ставшее важной частью русской культуры. Православные символы и мораль широко появляются в русской литературе, искусстве и философии и оказывают большое влияние на русскую мысль.

Целью данного исследования является анализ влияния религии на русскую философскую мысль.

Методы исследования: исторический анализ (изучение исторического контекста развития религиозной мысли в России), сравнительный анализ, критический анализ.

Ключевые слова: русская философия, религия, православие, атеизм, религиозная мысль, философская мысль, влияние религии.

Введение

Русские народные верования имеют множество связей и отличий от православного христианства. Это традиционная религиозная вера, которая подчеркивает натурализм и мистицизм. Многие русские писатели и философы подчеркивали русские народные верования как важную часть русской культуры. Народные поверья играют важную роль в русской истории и литературе и часто используются для выражения народных верований и эстетических эмоций.

Русская революция породила сильные социалистические идеи, которые оказали глубокое влияние на развитие русской философии и религии. Многие русские философы и писатели приняли социализм и считали, что коммунизм может способствовать социальному прогрессу. Однако со временем социализм оказался несостоятельной политической и экономической системой и в конечном итоге рухнул, став болезненным эпизодом в российской истории.

Русская философия и религия играют очень важную роль в российской истории и становятся культурной «душой» России. Многие русские философы и писатели часто обращаются к «душе России», имея в виду уникальные культурные и национальные качества России. Русская культура, являющаяся важной частью русской культуры, благодаря своим выдающимся философским и религиозным идеям занимает высокий статус в мире.

Методы и материалы исследования

Методы и материалы исследования: исторический анализ (изучение исторического контекста развития религиозной мысли в России), сравнительный анализ, критический анализ.

Основная часть

На рубеже прошлого века, в условиях сильных потрясений в российском обществе, русская религиозная философия претерпела трансформации. Важной особенностью этих радикальных перемен является энергичное

продвижение христианской гуманитарной традиции.

Вторая половина XIX — начало XX века — «золотой век» русской философии. В эту эпоху в русской религиозной философии произошли крупные изменения, что особенно отразилось на пропаганде гуманизма.

На самом деле, что касается культурной традиции христианства, то она не является антигуманной, напротив, она имеет глубокую гуманитарную традицию. «Заповедь», подчеркнутая в «Евангелии», — это «любовь», а самая главная заповедь такова: 1. Любить Бога; 2. Любить ближнего [1]. Однако после того, как христианство стало государственной религией, его гуманистическая традиция была проигнорирована, обесценена и даже выхолощена. Основным содержанием средневековой религиозной философии было восхваление верховенства Бога, непогрешимости Папы, а также беспомощности и смиренного греха человека [9].

Подобный процесс переживает и Русская Православная Церковь, и можно даже сказать, что она стала инструментом самодержавной системы даже в большей степени, чем Католическая Церковь. Первоначально Православная Церковь отличалась от католицизма тем, что у нее не было папы, а все ее патриархи подчинялись греческим императорам [3]. Когда Русская Православная Церковь боролась за автономию, она получила сильную поддержку со стороны царя, поэтому Русская Православная Церковь с самого начала имела сильную зависимость от царского правительства. Богослов XV века Филосий писал царю: «Древняя Римская церковь была уничтожена ересью аполлиниан, Вторая Римская Константинопольская церковь была разрублена топором потомками Агари. Но Апостольская Церковь третий Рим (Москва) будет ярче солнца всей вселенной... Оба Рима погибли, а этот третий еще стоит, и четвертого никогда не будет». Таким образом, царь был не только светским императором, но и почитался как единственный император Православной Церкви.

Хотя Русская Православная Церковь в течение длительного исторического периода свелась к орудию государственного управления, многие представители низшего духовенства тесно связаны с судьбой народа, живут среди бедняков, ведут нищенскую жизнь, близки к массам и служат простым людям, решают проблемы и редко вмешиваются в политику [7]. Хек описал свое положение так: «Низшее духовенство, особенно в сельской местности, очень мало получало от своей должности; они в значительной степени зависели от благосклонности своих прихожан и были безразличны к злоупотреблениям церковными функциями в политических целях со стороны государства».

Русские крестьяне изначально обладали чрезвычай-

но сильными религиозными чувствами и под влиянием большинства низшего духовенства легко приняли этот теистический гуманизм с первобытно-христианскими чертами. До XIX века в России не было атеистов, подобных французским материалистам XVIII века. Даже после Октябрьской революции Ленин решительно выступал за печатание произведений французских «старых атеистов» в целях борьбы с религией.

Тесно связанный с вышеперечисленными характеристиками атеистический гуманизм, зародившийся в эпоху западноевропейского Возрождения, будет иметь свои отрицательные последствия: от отрицания Бога и утверждения человека до обожествления человека и личного поклонения; тогда как русский теистический гуманизм имеет мистическое цвет, но это не приведет к обожествлению и личному поклонению людей, а, напротив, будет делать Бога все более проницаемым и полным человеческого естества [4].

Реакционное крепостное право в России было раковой опухолью, отравившей всю русскую нацию, которая начала просыпаться от кошмара феодализма лишь через сто лет после начала буржуазной революции в Западной Европе. Она хочет трансформироваться и догнать или даже превзойти другие развитые страны, но мир, с которым она сталкивается, уже не тот, что прежде. Эти нации столкнулись с полностью феодальным миром, когда они совершали революцию, тогда как российская нация теперь сталкивается с миром, в котором есть как феодальные страны, так и несколько передовых капиталистических стран [6]. Самая чувствительная ее часть, интеллигенция, лично ощутившая на себе пороки феодально-крепостничества и ставшая свидетелем недостатков капиталистической цивилизации, не может уже думать о преобразовании России в одном направлении, а должна осуществлять многоуровневое мышление. В результате в 1830-х годах начались ожесточенные дебаты между славянами и западом. Дебаты между этими двумя группами оказали глубокое влияние на русскую духовную культуру. Существуют огромные различия во взглядах на такие важные вопросы, как русские традиции и западная цивилизация. Естественно, в ходе этой большой дискуссии неизбежно поднимался вопрос о преобразовании Русской Православной Церкви [5].

Поиски особого пути спасения русской нации привели к обращению многих выдающихся мыслителей к русской религиозной философии. Они считают, что преобразование существующей Православной Церкви и обновление религиозной философии являются составляющими этого особого пути. С середины XIX века появились влиятельные религиозные философы, и если идти в историческом порядке, то первым следует упомянуть А. Хомякова (1804-1860).

Что касается положения Православной Церкви, Хомяков призвал заменить принцип власти принципом истины. Он ясно сказал: «Церковь не является властью так же, как Бог не является властью, и Христос не является властью, потому что Власть - это нечто внешнее по отношению к нам. В то же время жизнь христианина, его внутренняя жизнь - это не власть, а истина». Соответственно, он отрицательно относится к управлению церковью со стороны «Православного Верховного Совета» и отрицательно относится к авторитету архиерейской конференции. Он считал, что для определения Святого Духа не существует внешних формальных признаков.

В. Соловьев (1853-1900) считается самым выдающимся философом XIX века. Он создал большую и законченную философскую систему, органической частью которой является религиозная философия. Его религиозная философия содержит новые гуманитарные принципы, вытекающие из русской национальной традиции [8].

Он считал, что только преобразуя христианство (в том числе православие), можно полностью преобразовать человеческое общество. Это происходит потому, что в построенном им идеальном обществе религиозная власть для морального лидерства занимает центральное положение, определяющее власть государства в отношении политического лидерства и власть объединений местного самоуправления в отношении экономического лидерства. Органическое сочетание этих трёх сил образует союз между Богом и человеком — «либеральную теократию». Здесь он подчеркивает решающее значение человеческого духа и морали и критикует общества, которые делают экономическую деятельность абсолютной, включая «капитализм» и «экономический социализм». Он говорил: «Если нынешнее положение цивилизованного общества ненормально в моральном смысле, то вина лежит не на каких-то недифференцированных социальных институтах, а на универсальных принципах современного общества, которые все больше превращают общество в плутократию. Общество, в котором наивысшее значение принадлежит материальным благам, аморально не частная собственность, не разделение труда и капитала, а плутократическая политика. Ее безнравственность и уродство заключаются в том, что делают общественный строй хуже и низлагают людей, экономическое поле, которое по существу ориентировано на оказание услуг, становится высшим правящим ведомством, а все остальное должно стать его инструментом или средством». Любое общество, которое использует экономику, чтобы управлять всем, неизбежно будет обществом с безудержными человеческими желаниями и моральным разложением. Общество все дальше и дальше отдаляется от Бога и должно быть полностью преобразовано.

По его мнению, традиционное христианство – право-

славное христианство – рассматривает Бога как высшего правителя, который фактически изолирует и противопоставляет людей Богу. Это не только делает Божье откровение иллюзией, на которую никто не может откликнуться, но и закрывает людям путь к Богу и исключает возможность общения людей с Богом. Истинное христианство должно не только верить в Бога, но и верить в человека, верить в божественность человека.

Конечно, союз человека и Бога — процесс долгий и трудный, и завершить этот процесс может только вся история человечества. Соловьев различал исторический процесс человека на два мира и два состояния: природный мир и мир Божий, природное состояние и духовное состояние. В первом типе мира и государства у людей нет настоящей человеческой жизни. Поскольку они поддаются контролю материальных интересов, люди борются за выживание и охотятся на слабых. Это создает взаимное несогласие и враждебность, создает состояние неравенства и делает мир полным греха и боли. Только тогда, когда люди примут христианские принципы, интегрируют «голос» Бога во всей природе, постепенно оторвутся от низменных вкусов, постепенно воспитают в себе благородные чувства, будут постоянно совершенствоваться и улучшать нравственность, они смогут войти во второй мир из первого мира. Конец истории – это установление Царства Божия на земле, где жизнь человека достигает абсолютного совершенства.

В то крайне мрачное время Соловьев высоко поднял знамя религиозного гуманизма, открыто и резко критиковал существующую христианско-православную церковь, выдвинул ряд свежих и глубоких новых взглядов на религиозную философию, которые, естественно, преследовались властями. Его сочинения на религиозные темы были запрещены к публикации официальной православной церковью, а некоторые пришлось публиковать на французском языке в Париже. Однако его религиозно-гуманитарные мысли зажгли маяк в русских религиозных и идеологических кругах, освещая путь вперед для более поздних философов и писателей, тем самым непосредственно способствуя движению русского культурного возрождения конца XIX — начала XX веков.

В конце XIX — начале XX веков, в период подготовки русской революции, в предрассветной темноте в России зародилось движение «культурного ренессанса». Результаты этого движения были чрезвычайно блестящими, в котором видное место занимала религиозная философия. Хотя движение «Культурного Возрождения» было прервано революцией, возникшие в то время философы все еще упорствовали в изучении и развитии религиозной философии, так что в первой половине 20-го века было опубликовано большое количество книг по религиозной философии. (в основном за пределами России). К этой группе известных философов относятся

Мережковский, Бердяев, Булгаков, Франк, Флоренский, Трубецкой и др. Здесь мы остановимся на религиозно-философских мыслях Франка и Бердяева.

Франк (1877-1950) в молодости был марксистом, позже он оставил марксизм и обратился к идеализму, а затем к православию [Франк С., 2000]. Его религиозно-философские мысли непосредственно унаследовали гуманитарную традицию Соловьева, но он не только провел углубленные демонстрации соловьевской «теории о Боге и человеке», но и внес новации. Его «Бог с нами» стал шедевром русской религиозной философии в начале 20 века.

Франк считал, что только в христианском сознании может существовать не только представление о сходстве Бога и человека, но и представление о том, что между Богом и человеком существует органическая связь. Первоначальным корнем этой идеи является христианское откровение о том, что Бог — любящий Отец, а небеса — место обитания человеческих душ. Исходя из этого, мы можем обнаружить, что общей принадлежностью, тесно связывающей Бога и человека, является любовь: «Связь между Богом и человеком есть связь любви: Сам Бог есть любовь, и источником этого Бога является человеческое существование» [10, с. 45].

Другой очевидной особенностью гуманитарной мысли Франка является его энергичная пропаганда смысла любви, идущая в том же духе, что и Соловьев. У Франка любовь — высшее выражение человечности. Этот вид любви — всеобщая любовь, любовь всего человечества, превосходящая сознание «избранного народа». Эта точка по «миру любви» является высшим стремлением религиозного гуманизма Франка.

Примерно в то же время, что и Франк, Н. Бердяев (1874-1948) своими уникальными идеями обновил русскую религиозную философию. В его мыслях можно увидеть влияние Соловьева, Достоевского, Якоба Бемера и других.

Подобно Соловьеву, Франку и другим, Бердяев яростно критиковал историческую Православную Церковь (и даже все христианство), считая, что она предала христианскую гуманитарную традицию и должна быть преобразована. Он говорил: «Исторически православие управлялось монашеско-аскетическим духом. На этой основе не было и не могло быть адекватной разработки человеческой темы. В православии доминирует монофизитская тенденция. Антропология Святейшего Отца считалось оскорблением. Христианство учило, что человек имел образ, подобный образу Бога; Бог также принимал человеческий облик. Историческая христианская антропология учила, что человек почти особенный, как грешник, нуждающийся в воспитании и образовании».

Православная церковь стерла сознание гуманизма, поэтому только «сняв его официальную форму» можно «открыть новое учение о человеке» [2].

Религиозная философия Бердяева особенно выдвинула на первый план вопросы свободы и творения. Он считал, что и Бог, и смертные имеют свободу, и творение Бога, и творение человека основаны на свободе. Конечно, творческие способности человека наделены Богом, поэтому нельзя совершенно смешивать творение Божие и творение человека, однако они связаны между собой, что следует подтвердить [2].

В ответ на популярные в философском мире взгляды на свободу Бердяев особо подчеркивал, что свобода не производится необходимостью. Тайна свободы - это бездна. «Свобода существует в темной бездне». «Свобода не создается, потому что ее нет в природе, свобода существовала до мира, она была укоренена в изначальном небытии» [2, с. 135]. Бог сотворил мир из ничего, то есть сотворил мир из свободы. После того как он создал человека по своему образу, человек создал и по свободе. Судя по способностям, которые Бог дал людям, Бог отделяет людей от других природных объектов и ожидает, что люди ответят на Его откровения. Это величайшая любовь Бога. Доброжелательному нужен ответ возлюбленного, что является основой христианского гуманизма. Бог не является высшим правителем. Он требует, чтобы такие люди, как он, продолжали творить мир вместе с ним, чтобы реализовать тысячелетнее царство. Бердяев говорил: «Для тысячелетнего царства необходимо человеческое творение. Только через человеческое творение можно приблизить тысячелетнее царство. Новое и завершённое откровение Божие будет откровением человеческого творения. Это и будет ожидаемым «век Святого Духа. Христианство, как религия божественного человечества, осуществится в эту эпоху». «Творение есть продолжение сотворения мира. Продолжение и завершение сотворения мира есть дело Божие и человек, и Бог и Сотворение человека и Бога вместе». Это путь Бога и человечества, и это высшее благо в мире. Видно, что Бог не принижает людей, а ждет их с нетерпением.

Бердяев считает, что человек - такое сложное тело, и свобода несет в человеке творческую ауру, но и приносит человеку серьезные бедствия, и вообще, в человеке часто доминируют злые и бесчеловечные стороны. Это оставляет мир без спасения на долгое время. Однако это не доказывает, что люди не могут спасти, а что спасение зависит от усилий как Бога, так и людей.

Человека можно спасти, потому что, хотя зло существует глубоко в его природе, он все же может решить, выбрать ли зло и создать зло. Ключ лежит в способности человека противостоять искушению зла. Если человек попал в ловушку гнева, ненависти, ревности, мести,

похоти, эгоизма, сребролюбия, ревности, подозрительности, скупости, тщеславия, жадности и не может выпутаться, то он не только творит зло, но и разрушает жизни, потому что «Всякая злая страсть пожирает сама себя и содержит семена смерти для людей и жизни». Однако люди могут иметь и свободу выбирать добро и творить добро. «Человеческая природа сохраняет также способность ощущать свет и страстное стремление к Богу. «Зло не полностью контролирует человеческую природу», поэтому «возможно откровение и возможно спасение».

Чтобы спасти людей, необходимо изменить религиозные законы и искупительные наказания, которыми в истории увлечена Восточная Православная Церковь и даже христианство. Бердяев считает, что метод использования зла для лечения зла никогда не может устранить зло. Необходимо пропагандировать истинный дух христианского человеколюбия, любовь Божию и дух того, что «Сам Бог будет страдать с миром от начала». Правильное понимание намерения Отца: «Отец показывает через Сына, что Он не судья и не правитель, но бесконечная любовь. То, чего достигает Сын, - это не суд, но преображение и сияние природы». Через страдания Отца и Сына предстоит не установить законы, которые должны быть осуществлены в духовной жизни, а «действительно изменить человеческую природу и создать новый тип религии. Человека».

Бердяев ясно заявил, что его религиозная философия представляет собой «углубленный гуманизм» и «признание вечной человечности в Боге». Он считает, что дух человечества сокрыт глубоко в древней традиции христианства, но является тайной: «Это можно понять только теологией, выходящей за рамки ветхозаветного сознания».

Результаты и обсуждения

Изменения в русской религиозной философии, начавшиеся во второй половине XIX в., представляли собой новое поколение интеллигентской критики православной официальной Православной Церкви, разоблачение ими греховного союза церкви с реакционным царским правлением, разоблачение ими Злоупотребления царского правительства церковью Спротивление на службе его власти. Это изменение является революционным. Хотя упадочная и реакционная царская самодержавная система была гильотинирована только в 1917 году, восстание против нее уже началось. Фактически, на протяжении десятилетий он был свергнут последовательными революционными движениями. Новая религиозная философия России была неотъемлемой частью всего революционного движения и была культурным изменением этого движения. Иными словами, подобно тому, как гуманистическое движение в эпоху Возрождения в Западной Европе было подготовкой капиталистической

революции, так и религиозно-философские изменения в России, как часть нового культурного движения, были также подготовкой русской революции. В такой стране, как Россия, где религиозное сознание людей чрезвычайно сильно, значение изменений в религиозной философии нельзя недооценивать. Следует особо отметить, что эти выдающиеся религиозные философы осуществили это преобразование под сильным давлением царского правительства и официальной церкви. В то время значительная часть интеллигенции под сильным давлением перешла от борьбы к упадку, и эти философы сохранили бескомпромиссное отношение к действительности и бесстрашное теоретическое мужество и внесли уникальный вклад в новую культуру России, что заслуживает похвалы.

Изменения в русской религиозной философии соответствовали не только тенденции русской революции, но и мировой тенденции христианских реформ. Со времени гуманистического движения и религиозной реформации в позднем средневековье трансформация христианства и его религиозной философии почти никогда не прекращалась. Можно также сказать, что христианство все больше становится гуманизированной религией. Карьера таких философов, как Соловьев, была интегрирована в мировую трансформацию христианской философии.

По идеологическому содержанию российская новая религиозная философия находится под влиянием западной гуманитарной мысли. Хотя ожесточенная борьба между человеком и Богом в эпоху Возрождения оказала сильное влияние на религию и даже породила атеистический гуманизм, ее гуманистический дух и гуманитарные идеи были позднее приняты религией. Русские религиозные философы также приняли эти идеи, но сделали существенные оговорки. Они приветствуют гуманизм, но отказываются отказаться от атеизма. Они не могут терпеть человечество, оторванное от пути Божия. Они наследуют гуманитарную традицию, выросшую на благодатной почве России, и меняются в сторону «теизма Бога» и «двух природы Христа». Русская религиозная философия. Их критическая позиция в отношении атеистического гуманизма со времен Возрождения в Западной Европе также основана на том, что они предвидят последствия обожествления людей: атеистический гуманизм приведет к антигуманитарным явлениям. Они предсказали феномен Ницше и появление диктатуры и фашизма (Бердяев также предсказал «культ личности» и антигуманные явления, которые неизбежно возникнут в результате принятия Советской Россией этого атеистического гуманизма).

Выводы

Трансформация русской религиозной философии

особенно подчеркивает твердую веру этой группы религиозных философов в преобразование православия. Они стремятся сделать православное учение более соответствующим времени и жизни, поэтому их доктрины полны мистифицированного реалистического содержания, такого как идеи о человеческой человечности Бога и божественности человека, а также о том, что Бог является Богом искупления, а не Богом суда. Идея о том, что Тысячелетнее Царство осуществится не в мире по ту сторону, а в этом мире, идея о том, что осуществление Тысячелетнего Царства требует совместного творения Бога и человека, идея о том, что свобода есть необходимая предпосылка творения человека, идея о том, что Бог использует бесконечную любовь и сотрудничество. Страдание вдохновляет людей отказаться от зла и творить добро и так далее. Они использовали это для преобразования Православной Церкви так, чтобы она не только избежала участи реакционного орудия самодержавной власти, но и стала духовно-нравственным воплощением новой эпохи.

Однако ожидания русских религиозных философов смогли осуществиться лишь частично, поскольку жесто-

кая революция прервала их работу. После революции православие, естественно, уже не было орудием царской власти. Однако по идеологическим причинам эти новые религиозные философии рассматривались как смертельные враги материализма. В начале 1920-х годов многие религиозные философы, настаивавшие на исходной позиции, были изгнаны. Они могли лишь продолжать создавать религиозную философию за границей, не оказывая никакого реального влияния на Русскую Православную Церковь под строгим надзором. В этом трагедия русской религиозной философии.

Русская философия и религия являются одной из уникальных культурных особенностей России и тесно связывают российскую историю и культуру. С разных точек зрения они оказали глубокое влияние на развитие русской культуры и мышления людей. Православие и народные верования являются наиболее важными религиозными верованиями в России и оказали влияние на многие аспекты русской культуры. Среди множества культурных прелестей России философия и религия наделяют россиян духовной силой, позволяя им проявлять свое уникальное обаяние и стиль в трудных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балиев, И.В. Место религии в философии славянофилов XIX века / И.В. Балиев // Тенденции развития науки и образования. – 2020. – № 62-11. – С. 55-58.
2. Бердяев, Н.А. Философия свободы / Н.А. Бердяев. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 201 с.
3. Бокова, О.А. Философия религии и религиозная философия в современном российском научном дискурсе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofiya-religii-i-religioznaya-filosofiya-v-sovremennom-rossiyskom-nauchnom-diskurse> (дата обращения: 08.02.2024).
4. Дружинин, В.И. История русской религиозной философии: изд. 2-е, испр. и доп. – Тула: Тульская духовная семинария, 2019. – 134 с.
5. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа / А.Ф. Лосев. – Москва: Политиздат. – 525 с.
6. Лосский, Н.О. История русской философии / Н.О. Лосский. – М.: Академический Проект; Трикста, 2021. – 551 с.
7. Рузанова, В.М. Влияние религии на общество // Скиф. 2019. №5-2 (33). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-religii-na-obschestvo> (дата обращения: 08.02.2024).
8. Соловьев, В.С. Чтения о Богочеловечестве / В.С. Соловьев. — Москва: Издательство Юрайт, 2023. — 185 с.
9. Флоровский, Г.В. Пути русского богословия / Г.В. Флоровский. – Париж: YMCA-Press. – 1988. – 309 с.
10. Франк, С.Л. Духовные основы общества / С.Л. Франк. – М.: Республика, 1992. – 511 с.

© Чжан Ваньтай (781319072@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

- Akhmetova S.** – TSMU (Vladivostok)
- Alferova E.** – Master's student, Penza State University
- Alydzh E.** – Ph.D., associate professor, KrasSMU named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk)
- Arkipova I.** – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, State Institute of Economics, Finance, Law and Technology
- Averkina N.** – TSMU (Vladivostok)
- Bolbochan D.** – Moscow Institute of Psychoanalysis
- Ermachenkova O.** – Teacher, Kaluga Institute (branch) ANO VO Moscow Humanities and Economics University
- Kapustina T.** – Associate Professor, TSMU (Vladivostok)
- Kazakova T.** – Professor, Krasnoyarsk State Medical University named after prof. VF Voino-Yasenetsky "
- Kembel V.** – Associate Professor, FSBEI HE "Krasnoyarsk State Medical University named after Prof. V.F. Voino-Yasenetsky"
- Kiseleva E.** – Candidate of Psychological Sciences, Teacher, Moscow Institute of Psychoanalysis
- Kolomiets E.** – Senior Lecturer, Pacific National University, Khabarovsk
- Kovalev A.** – Associate Professor, Candidate of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University
- Liu Guotao** – Senior Lecturer, Heihe University
- Matyushkina L.** – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, TSMU (Vladivostok)
- Menshikova G.** – Doctor of Psychological Sciences, Lomonosov Moscow State University
- Nevezhkina T.** – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, TSMU (Vladivostok)

Our authors

- Nikitina O.** – Candidate of Culturology, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk
- Osipova A.** – Candidate of philosophical of Sciences, Associate Professor, MIREA - Russian University of Technology
- Primak N.** – Senior Lecturer, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky
- Ravochkin N.** – Kuzbass state technical university named after T.F. Gorbachev; Kuzbass state agricultural university named after V.N. Poletskov
- Rogozina E.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk
- Sadkina A.** – TSMU (Vladivostok)
- Sakharnov A.** – Postgraduate student, State Academic University of Humanities (Moscow)
- Salimgareev D.** – Assistant, Ufa University of Science and Technology
- Salimzhanova I.** – Moscow Institute of Psychoanalysis
- Shcherbakova N.** – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, associate professor, Penza State University
- Shmyganovskaya A.** – Postgraduate student, Moscow State Psychological and Pedagogical University
- Sinitsyna-Solodkaya E.** – Assistant, Russian University of Transport
- Smirnov S.** – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kazan (Volga Region) Federal University, Yelabuga Institute
- Spesivtseva O.** – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Ural State University of Physical Culture, Chelyabinsk
- Talyzina E.** – Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, TSMU (Vladivostok)

Tang Fan – Senior Lecturer, Heihe University

Titkova O. – Candidate of philosophical of Sciences, Associate Professor, MIREA - Russian University of Technology

Tkach E. – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Pacific National University, Khabarovsk

Toguzova L. – Candidate of philosophical sciences of Sciences, Associate Professor, MIREA - Russian University of Technology

Wang Luyang – Associate Professor, Heihe University

Yakunin N. – Head of the communications service - head of communications of the Novosibirsk Military Order of Zhukov Institute named after Army General I.K. Yakovlev of the National Guard of the Russian Federation Lieutenant Colonel

Zakharova D. – Master's degree, postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Zhang Wantai – Beijing Normal University; Beijing

Zhivaeva Yu. – Ph.D., associate professor, KrasSMU named after prof. V.F. Voino-Yasenetsky (Krasnoyarsk)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).